

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

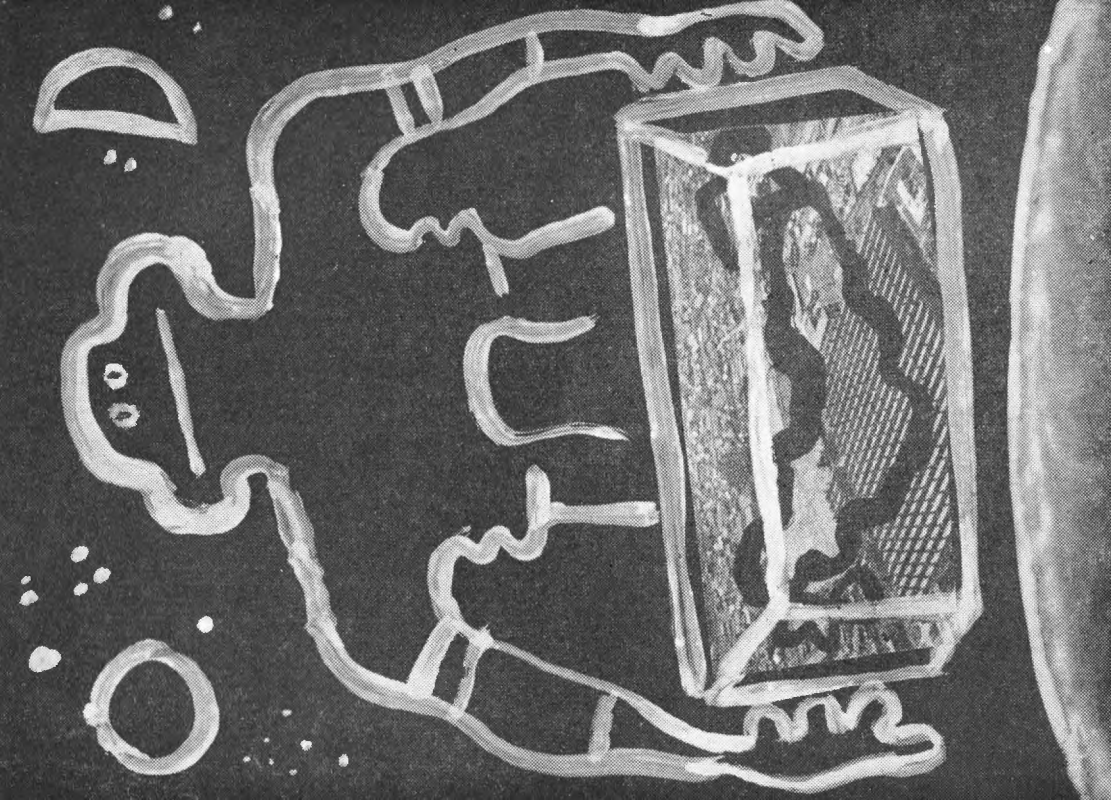
Продается Япония

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ПРОДАЕТСЯ ЯПОНИЯ

СБОРНИК ЯПОНСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Перевод с японского

Предисловие Е. ПАРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» Москва 1969

Инд. 7-3-4

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

ЖЕСТОКОСТЬ И ПРАВДА

Ах, непреступным, вечным, как скала,
Хотелось бы мне в жизни этой быть!
Но тщетно все.
Жизнь эта такова,
Что мы не в силах бег ее остановить!

Эти слова принадлежат древнему японскому поэту Яманозэ Окура. Прекрасная капля, в которой отразился большой многоцветный мир японской поэзии, японской литературы. Взаимоотношения человека и сложной быстротекущей жизни, власть прошлого и надежды на будущее, философские размышления об ограниченности человеческих возможностей и безграничности желаний — вот что всегда было главным для японской литературы. Очевидно, эти вечные темы надолго, если не навсегда, останутся в центре внимания искусства вообще. Но у японской культуры есть ряд особых, только ей присущих черт. Это прежде всего лаконичная точность и беспощадность. Гуманная беспощадность хирурга. Эти черты присущи и современной японской фантастике.

В послевоенной Японии фантастика развивается исключительно бурно. Этот поразительный рост необычен даже для страны с такими богатыми «фантастическими» традициями, как Япония. Советский читатель познакомился с фантастическими новеллами Уэда Акинари (1734—1809) «Луна в тумане», великолепной повестью о привидениях «Пионовый фонарь» Санъютэя Энтё (1839—1900) и повестью Акутагавы Рюноске «В стране водяных», написанной в 1926 году. Хорошо знакомо на-

шему читателю и творчество выдающегося современного фантаста Кобо Абэ («Четвертый ледниковый период», «Женщина в песках», «Чужое лицо»).

В японской фантастике на первый взгляд сравнительно легко различить течения, характерные для фантастики европейской. Тут и готический роман с привидениями, где сверхъестественное на поверку оказывается реальным, и странная тревожная фантастика, граничащая с иррациональным, близкая к Кафке и «Поминкам по Финнегану» Джойса, и тонкая акварель, вся сделанная на одном дыхании, подобно некоторым рассказам Бредбери, и почти классический роман-предупреждение. Но это только внешняя сторона. Как «Пионовый фонарь» ничего общего не имеет с романами Анны Радклифф, так и «Четвертый ледниковый период» — явление чисто японское. Как, приходя с работы, японец меняет европейский костюм, ботинки и галстук на кимоно и соломенные сандалии, так и атмосфера исследовательского института, американизированные отношения, сигареты и виски являются только внешним обрамлением для романов Кобо Абэ. Истинные отношения героев, их мораль, взгляды на жизнь, смерть и любовь, то есть все то, из чего складывается душа человека, совсем иные, чем это может показаться при беглом знакомстве. И ключ к ним — японская классика, японская культура, японский характер.

Но Кобо Абэ отнюдь не традиционалист, искусно замаскировавшийся под англаизированного новатора. Он действительно новатор, в том числе и в научной фантастике. Ведь, к примеру, конфликт «Четвертого ледникового периода» выходит далеко за рамки конфликтов его героев. Это не частная проблема, даже не узко японская проблема. Кобо Абэ исследует вопрос общемирового значения. Если его коротко сформулировать, он звучит так: «Готовы ли люди к встрече с будущим?»

Как и всякая другая литература, японская фантастика далеко не равноценна. Рядом с такими тонкими мастерами, как Сакё Комацу, работают и писатели, рабски подражающие американской фантастике. Причем многие из них подражают лучшим ее образцам, но все равно перенесенные на японскую почву, типично американские сюжеты выглядят чужими аляповатыми цветами, слишком яркими для нежно-зеленых полутонов долин и синих контуров сопок, повторяющих классические очертания Фудзи. Столь же чужда или, быть может, нова для Японии принятая в Европе стилизация восточной ориенталистики. «Корабль сокровищ» и «Рационалист» Синити Хоси — пожалуй, наиболее характерные образцы этого течения.

Японию по справедливости можно назвать «четвертой фантастической державой». Фантастическая литература Японии богата и разнообразна. Часто встречаются чисто традиционные произведения, навеянные богатым опытом волшебных повествований средневековья. Впрочем, даже авангардистские произведения тоже окрашены национальным колоритом. Но много и таких произведений, которые напоминают о Японии лишь именами своих героев. Влияние англо-американской фантастики явно чувствуется и в рассказах Синити Хоси и у Таку Маюмура («Приказ о прекращении работ»). Сами по себе это очень неплохие, умело сделанные вещи. Но манера, идеи да и весь строй повествования типичны именно для американской фантастики.

И еще одна, на мой взгляд основная, особенность японской фантастики. Она ясно ощущается во многих произведениях Кобо Абэ и Сакё Комацу. Это память о Хиросиме и Нагасаки. Вечная скорбь, и сдержанный гнев, и взгляд в будущее со страхом и недоверием впережку с надеждой.

Своеобразными приемами при исследовании грядущего пользуется японский писатель Сакё Комацу. Советский читатель уже знаком с его творчеством по повести «Черная эмблема сакуры» и нескольким рассказам, среди которых особенно выделяется «Времена Хокусая» — рассказ, вошедший в предыдущий сборник японской фантастики (издательство «Мир», 1967).

Сквозь атомный пепел и обломки милитаризма пробивается зеленый росток. Суждено ли ему вырасти? Во что он превратится? В уродливого мутанта? Или надежда все же есть?

Лицом к лицу столкнулся японский мальчик с непостижимой для него Службой времени. Временные экраны рассекают повествование. Под разными углами проецируют возможное будущее. И как маленький мир, вобравший в себя Вселенную, многогранен и изломан мозг японского мальчика, стремящегося отдать жизнь за императора. Неужели и люди, подобно растениям и простейшим животным, идут лишь одной утоптанной предшествовавшими поколениями дорогой? Неужели даже молодым росткам суждено свершить самоубийственный цикл? Влияние непреодоленного прошлого на сегодняшнюю жизнь людей — пожалуй, центральная тема Сакё Комацу. Тревожным набатом гудит прошлое в рассказе «Повестка о мобилизации». Война давным-давно кончилась, над атомным пепелищем распустилась жимолость, раздвинув трещины в искореженном бетоне, пробилась к небу весенние ростки новой культуры и новой морали. Самурайские изогнутые мечи и камикадзе, которые перед последним полетом осушают последнюю в жизни чашку сакё, серые линкоры в тропических морях и публичные харакири перед императорским дворцом — весь этот империалистический железный хлам и отдающая нафталином романтика как будто остались навсегда позади. Но почему же

тогда так болят в непогоду старые раны? Почему давно проигранная война все еще посылает свои страшные повестки? Значит, где-то, пусть в сдвинутом по фазе или амплитуде временном мире, уже летят, вспенивая океан, торпеды, они нацелены в суда, дремлющие у Пирл-Харбора, а Б-29 с атомной бомбой на борту уже подлетает к Хиросиме. Может быть, в той войне все протекает иначе. Может быть, теперь императорский флот атакует Гонконг, а Пентагон наносит атомный удар по Ниигате. Но война всегда война. Меняется стратегия и тактика, но чудовищная мясорубка не перестает затягивать в булькающий от крови зев свою привычную пищу.

Жертвой войны всегда становится будущее. Молодые нерасцветшие жизни и те жизни, которые могли бы возникнуть, приносятся на этот страшный алтарь.

Почему же войны никогда не кончаются? Почему, проигранные и полузабытые, посылают они свои повестки от лица давно умерших военных министров? Сакё Комацу дает на это ясный ответ. Да потому, что кто-то этого хочет! Да потому, что не перевелись в обществе всякие «бывшие», обломки былой славы, «старые борцы», урапатриоты. Они гремят костями и костылями. Они задыхаются в воздухе, напоенном запахом сакуры, а не кислой пороховой гари.

В рассказе «Повестка о мобилизации» маниакальная воля престарелого «психокинетика», корчащегося на больничной койке, гальванизирует смердящий труп былой войны. Не случайно этот старый вояка является отцом героя, от лица которого ведется повествование. Это схватка, смертельная схватка двух поколений. Это костлявая рука милитаризма, которая тянется к горлу молодой Японии. Ее нельзя не заметить, от нее нельзя отмахнуться. Иначе однажды утром кто-то найдет в почтовом ящике повестку о мобилизации.

Сакё Комацу обращается к психокинезу не случайно. Для него это символ материализации человеческих желаний. Ведь желания действительно обладают материальной силой. Психический климат общества в конечном счете обуславливает совершенно реальные события. Японский писатель удивительно тонко синтезирует здесь современные данные социальной психологии с буддийским учением о карме.

Подобный же синтез осуществляет он и в рассказе «Развоплощенная», само название которого напоминает о раннебуддийских традициях. В самом деле, развоплощение — это конец пути страданий, нирвана, конец переходам из одного облика в другой. Об этом часто говорится в буддийской литературе. Вот, к примеру, отрывок из раннебуддийского сборника Дхаммапады:

Строитель дома! Погляди,
Ты вновь не возведешь строенье
К развеществленью на пути
Мой разум одолел стремленье.

Именно эта буддийская ориенталистика и придает такое своеобразие рассказу «Развоплощенная». Однако научный фантаст Сакё Комацу поворачивает эту проблему неожиданной стороной. Действительно, если развоплощение можно рассматривать как превращение чего-то в ничто под действием тех или иных сил, то те же силы могут создать из ничего нечто. В научной фантастике эта операция столь же обычна, как аннигиляция и материализация в физике. В сущности, мы имеем здесь дело с характерным для фантастики приемом рационального переосмысления сказки. Но западные фантасты, как, скажем, Каттнер, переосмысливший в своем «хоггбеновском» цикле кельтские сказания, обращаются обычно к европейской мифологии, а японец Сакё Комацу, естественно, обратился к философской мифологии буддизма. Но это

лишь одна сторона вопроса, связанная с национальными традициями. В рассказе «Развоплощенная» звучат и иные мотивы. В самом деле, разве не привычен для мировой литературы образ оскорбленной женщины, которая со слезами негодования и обиды кричит: «Я же сделала из него человека, а он...», или образ мужчины, покидающего подругу в критический момент. В то же время Сакё Комацу напоминает нам о старой, бальзаковской теме овеществления желаний. Подобно тому как шагреновая кожа сжимается и сохнет, исполняя суетные человеческие желания, мир, созданный убогим воображением героев Комацу, размывается и исчезает. Мы видим, как рассказ-детектив оборачивается философским произведением.

«Повестка о мобилизации», «Черная эмблема сакуры», «Времена Хокусая» — во всех этих рассказах будущее жестко детерминирует прошлое или вновь и вновь возрождает его в возможных, точнее в резонансных вариантах. Сакё Комацу лишь намеками проясняет загадочный характер таких связей. Зато в рассказе «Да здравствуют предки!» эпохи, разделенные необратимой вековой бездной, соединяет туннель через время-пространство, прокол через эйнштейновский континуум. Зачем писателю понадобилась такая конкретизация? На первый взгляд она сопряжена с известными издержками. Загадочная Служба времени, двадцатилетней давности повестка и атомный отблеск на бирюзовой воде Хокусая — это прежде всего емкие художественные символы. Они создают определенное настроение, которое только усиливается недосказанностью. Туннель же из современной Японии в эпоху Эдо — просто фантастический атрибут с очень конкретной специализацией. Почему же Сакё Комацу выбрал именно этот простой, эмоционально ограниченный прием? Не потому ли, что пещера в горе ведет именно в эпоху

Эдо, когда, по мысли автора, Япония встала на путь, который определил ее сегодняшний облик? Это уже не бабочка в рассказе Бредбери «И грянул гром», изменившая всю судьбу человечества. Это вполне конкретная эпоха, когда Япония решала роковую дилемму — оставаться ей в изоляции или раскрыть двери заморским купцам, чьи настойчивые требования подкреплялись пушками фрегатов. Сакэ Комацу не искал того «рокового» момента, который лег тяжким грузом на чашу весов, он не пытался наметить иной путь развития, он даже не намекнул, приведет этот путь к войне или нет. Одним словом, его «машина времени» не была использована для привычных в фантастике целей. Тогда зачем она понадобилась и почему временные переходы в рассказе «Да здравствуют предки!» совершаются со столь же небрежной легкостью, как в «31 июня» Пристли? На оба эти вопроса есть только один ответ:

«Вскоре патриотизм начал принимать уродливые формы. Появилась какая-то нелепая националистическая организация под названием «Поможем страдающему Эдо!». Члены этой организации устраивали шумные сборища, на всех зданиях, на всех углах расклеивали плакаты и лозунги.

— Спасем эпоху Эдо от когтей заморских чудовищ! — надрывались ораторы. — Создадим там высокоразвитую современную промышленность! Сделаем землю наших предков самой передовой страной девятнадцатого века! Мы уж покажем всем захватчикам, и бывшим и будущим! Граждане, дорогие братья, помогайте эпохе Эдо, помогайте Японии подготовиться ко второй мировой войне, чтобы нам не пришлось пережить поражение, которое мы уже пережили!...»

Вот он, ответ. Сакэ Комацу этим рассказом продолжает линию, намеченную «Повесткой о мобилизации».

Он обнажает душу националиста, перетряхивает примитивный ура-патриотический хлам, чтобы найти на самом дне живучих микробов реваншизма! И чем дальше, тем декларативней раскрывает писатель свой замысел:

«Не меньшую жалость вызывала и довольно многочисленная толпа самураев, оставшаяся у нас. Двое покончили жизнь самоубийством, сделав себе харакири. Пятеро потеряли рассудок и теперь прозябают в психиатрической клинике. Наиболее спокойные и рассудительные из самураев смирились со своей участью и решили включиться в современную жизнь. Некоторые читают лекции о нравах и обычаях эпохи Эдо, другие устроились на работу в музеи национальной культуры. *Кое-кто пытается заняться духовным воспитанием молодежи* (курсив мой. — Е. П.). Эти люди не носят больше прическу тён-магэ и по внешнему виду ничем не отличаются от прочих граждан. Но где бы они ни находились, что бы ни делали, прошлое столетие живет в их сердцах...»

И далее: «Нет, нет, как бы ни светило солнце, какими бы яркими ни были краски, все равно за всем этим стоит черный призрак прошлого. Сколько еще поколений должно смениться... чтобы этот призрак развеялся навсегда? А вдруг прошлое оживет и с яростью одержимого вонзит свои страшные кривые когти в настоящее?..»

Здесь четко сформулировано авторское кредо — ключ ко всему «временному» циклу Сакэ Комацу. Японский писатель намного увеличил возможности фантастики, расширив ее до границ политической публицистики.

Рассказы «Продается Япония», «Новый товар», «Теперь, так сказать, свои...» и «Камагасаки 2013 года» являются, по сути дела, памфлетами. Писатель пристально всматривается в текущие воды сегодняшнего дня, в котором невозвратимые мгновения подводят итог прошедшему и формируют облик грядущего.

Неприкрытый империалистический разбой, кабальные договора, подавление человека и превращение его в автомат — вот он, итог прошлого. Но это и стартовая площадка, с которой ежесекундно взлетает ракета завтрашнего дня. Каким же будет оно, это завтра? Электронно-кибернетической нищетой Камагасаки 2013 года? Остановитесь! Одумайтесь! Попробуйте вырваться из этого безумного беличьего колеса! Вот к чему призывает читателя Сакё Комацу.

Обратимся теперь к центральному произведению сборника — роману Кобо Абэ «Совсем как человек».

Прежде всего это современный интеллектуальный роман. В нем почти нет действия, экспозиция намечена легкими фрагментарными штрихами. Основное место занимает диалог и внутренний монолог.

Повествование подобно дуэли, стремительному поединку, в котором обыкновенный человек скрестил клинок с шестируким Шивой. Кажется, обычная человеческая логика побеждает. Молниеносно отыскивает она ошибку в игре партнера и резким ударом выбивает оружие. Этот резкий удар всегда чуточку запаздывает, потому что читатель успевает нанести его на какое-то мгновение раньше, чем автор радиопрограммы «Здравствуй, марсианин!» Но оба они готовы торжествовать победу одновременно. Ведь это победа человеческой логики, выход из странной, двусмысленной, какой-то неловкой даже ситуации. И в этот момент оба забывают, что фехтуют с Шивой. Победа логики автоматически превращает их загадочного партнера в человека. Только человек может погрешить против формальной науки, разработанной еще Аристотелем, только человек способен прибегнуть к софизму и неправильно построить силлогизм. И в этом главная ошибка сэнсэя и читателя, который покорно следует за ним. В момент окончательного торжества логики в другой ру-

ке Шивы возникает новая шпага. Победа оборачивается поражением, а поражение — победой. Раскрыв матрешку, мы обнаруживаем в ней другую, но *бóльших* размеров. Странное, двойственное ощущение, подобное соучастию в потере рассудка. И поединок выходит на новую, более широкую и опасную арену.

Душевный мир сэнсэя близок и понятен нам, а ловкость и стремительность нападений «марсианина» пугают читателя. Здесь та же непостижимость и сумеречность, которую продемонстрировал Камю в своем «Незнакомце», та же потаенная, интуитивно угадываемая фальшь, которая прячется за словопрениями анонимных героев «Золотых плодов» Натали Саррот.

Но свести суть романа к поединку человека с многоруким божеством было бы непростительным упрощением. «Марсианин» в той же мере олицетворяет человеческое начало, что и сэнсэй. Мы так и не узнаем, что привело создателя популярной радиопрограммы в психиатрическую больницу. Может быть, душу его опалило дыхание чужого безумия. Ведь он и так был измучен астмой, выбит из привычной колен. А тут еще западный ветер, навстречу которому радостно распахиваются окна. Но в комнате сэнсэя спущены все шторы и только настольная лампа воспаленным огнем пробивается сквозь плотный табачный дым. Отчего это? Разве это не признак душевного надрыва? Угнетенного состояния? Психической ущемленности? Герой и сам говорит о своем скверном душевном состоянии.

Но могло случиться и иное. Сэнсэя могла доконать встреча с Невероятным, которое нарядилось в одежды обыденного. Наконец, третий вариант. Все, о чем рассказывает сэнсэй, — чистейший бред или болезненно преломленные картины самых тривиальных событий. Можно выдвинуть еще одну версию. Согласно ей, все, о чем мы

прочли в этой исповеди, — только заключительный этап неведомого нам пути. И отчего бы нет? «Марсианин» и его жена действительно нашли в сэнсэе своего несчастного сотоварища. Более того, нетрудно выдвинуть еще несколько подобных предположений, для каждого из которых в романе есть своя особая зацепка.

Но всякий анализ неизбежно заканчивается синтезом. Все мыслимые и немыслимые версии равно оправданны и равно ошибочны. Все они укладываются в этот удивительный роман. В том-то и дело, что Кобо Абэ сознательно выбивает почву из-под ног определенности и однозначности.

Остается сказать, зачем он это делает.

Вот заключительные строки романа, последние слова этой беспримерной исповеди:

«Ежедневно в определенный час ко мне приходят врач и медицинская сестра. Врач повторяет одни и те же вопросы. Я храню молчание, и сестра измеряет его продолжительность хронометром.

А вы на моем месте смогли бы ответить? Может быть, вам известно, как именно требуется отвечать, чтобы врач остался доволен? Если вам известно, научите меня. Ведь молчу я не потому, что мне так нравится...»

Все эти вопросы обращены прямо к читателю. Как же он ответит на них, что посоветует несчастному сэнсэю? В том-то и дело, что читатель не знает ответа. Потому что он, как и сэнсэй, не понимает, чем кончился поединок с многоруким существом. Потому что его, как и сэнсэя, потрясли большие матрешки, выпрыгивающие из маленьких.

Таковы паллиативы логического фехтования, последствия софизмов, побед, оборачивающихся поражениями, и отступлений, которые готовят разгром.

Итак, зачем все это?

Несмотря на всю многозначность романа «Совсем как человек», основная его мысль совершенно конкретна: сэнсэй терпит поражение не в словесных схватках, его печальный финал не есть следствие одного лишь нервного потрясения. Даже неумолимо приближающаяся к Марсу ракета, нависшая над ним как дамоклов меч, поскольку безжизненный Марс выбивает почву из-под ног радиопрограммы «Здравствуй, марсианин!», — всего лишь повод для крушения, а не его причина.

Сэнсэй не выдержал столкновения с окружающим его миром, миром вещей и денег, мимолетных сенсаций и искусственного раздувания бумов, с миром, где человек — всего лишь необходимый придаток, который легко заменить другим, новым, еще не налаженным механизмом. Между машинами, между узлами и деталями машин нет и не может быть взаимопонимания. Если же оно возникло, то это означает, что человек пробуждается для борьбы.

Взаимопониманию людей, каждый из которых ясно осознает свою принадлежность к человечеству, посвятил Кобо Абэ свою необычную книгу. Жестокую и правдивую, как и все его творчество.

Еремей Парнов

ПРОДАЕТСЯ ЯПОНИЯ

1

Вы по торговым делам или для собственного удовольствия путешествуете? А может, вы ученый, исследователь?.. Ошибаюсь, говорите? Ну что ж... я ведь просто так поинтересовался, к слову пришлось, вот и спросил. Вижу, вы все за морем наблюдаете, вот и подумал — не исследователь ли. В этих местах есть что исследовать, было тут одно происшествие...

Во Владивосток придем к вечеру, а там, дальше, Сибирь... Знаете, мы сейчас как раз вошли в те широты, где некогда начиналось Японское море. Да... а сейчас все сплошь Тихий океан...

Теперь здесь волны гуляют... А тридцать лет назад на этом самом месте возвышалась над морем Япония, изогнутая, как лук. Должно быть, сейчас мы проходим там, где были ее центральные районы или что-нибудь в этом роде... Знаете, кто ее продал? Я! Чего уж теперь скрывать. Я, собственной персоной, этими вот руками...

Эх, вижу, и вы мне не верите. Я уж доказывал, доказывал, и так и эдак, но, сколько ни стучал себя в грудь, — все равно никто не верит... Конечно, я враль и аферист, что называется, человек испорченный, но ведь и дурной человек может раскаяться. Вот я и каюсь, искренне, от души. Зачем мне лгать? Я ведь сам японец. И представьте, продал свою родину. Продавал, а толком не мог по-

нять, что происходит... Да вы посмотрите на меня! Видите слезы? Так и текут, проклятые, только посмотрю на то место, где раньше была Япония. Теперь поверили? А если даже и не поверили, может, не откажетесь меня выслушать? Как я продал Японию... Не могу молчать, сил больше нет. Должен же я наконец выговориться!.. Только не подумайте, будто я хочу за свой рассказ какое-нибудь вознаграждение получить. Не в этом дело...

2

Вы, конечно, знаете, что в один прекрасный день страна, называвшаяся Японией, исчезла с лица Земли? Прямо как сон — один день, и Япония исчезла бесследно... Ага, это вы знаете! Только не имели понятия, что она находилась именно здесь, где мы сейчас проезжаем... Да, да, тридцать лет назад, в один прекрасный день, около двух тысяч островов, растянувшихся на две тысячи километров, растаяли, как дым, вместе со всем населением, со всеми городами и деревнями. Ну и скандал тогда разразился! Все привычные понятия полетели кувырком. Ученые всего мира просто взбесились, чуть не повесились от огорчения, что не могут ничего объяснить. Потом, конечно, успокоились — Япония, мол, по каким-то еще не известным причинам перешла в иномерное пространство. Удобная эта штучка — иномерное пространство. Теперь все на него валят, когда ничего не могут понять. Исчез остров или даже целая страна? Очень хорошо! Виновато иномерное пространство!

Конечно, с Японией случилась странная история, но отчего бы это? Не могла же она просто так, ни с того, ни с сего, исчезнуть с лица Земли...

На самом деле все гораздо проще: *Японию продали!* Года тридцать два-тридцать три назад я плавал прос-

тым матросом на подозрительном суденышке, ходившем под панамским флагом. Мы бороздили моря, мотались туда-сюда, ничем не брезговали... Что? Ну да, раньше я учился, был студентом, помню, меня называли гениальным, полиглотом. Действительно, еще в студенческие годы я свободно болтал на четырех-пяти языках. Только все это чушь. Если я и был гением, то только в области мошенничества и вранья. Кончил я, значит, университет и сразу открыл собственное дело, обзавелся конторой. Разумеется, это была одна видимость — контора мне понадобилась для прикрытия жульнических махинаций. Персонал небольшой — я да телефон. Под предлогом экспорта или импорта я выманивал у клиентов аванс, получал комиссионные, выдавал фиктивные векселя, а вместо фотоаппаратов, например, экспортировал всякий хлам. Короче говоря, развернул бурную деятельность. Однако процветал недолго. Вскоре пришлось закрыть лавочку и смыться. Я удрал в портовый район города Кобэ и занялся сводничеством, но тоже недолго продержался. Бежал, устроился матросом на иностранное судно.

Потом околачивался в портовых городах Европы и Южной Америки, сменил три судна. Все это время я совершенствовался в своей основной профессии — мелком жульничестве. Объектом служили провинциальные матросы, незадачливые туристы и разные простаки, готовые прийти на помощь заезжему человеку. Впрочем, у меня все-таки была совесть, да и действовал я осторожно, ловко, жертва даже не всегда замечала, что ее обдурили. И все же, неизвестно как, некоторые из моих проделок получили огласку. Матросы на нашем судне дали мне кличку «аферист Кома». (А у меня ведь есть настоящая фамилия, как и у всех людей, — Комаки.) И, знаете, странно устроен человек: как только стали меня звать «аферист Кома», я просто заболел, даже зуд по всему

телу пошел! Осточертело мне мелкое жульничество, сплз и вижу, что стал настоящим международным аферистом. весь мир ахает, глядя на мои гениальные операции.

Да... такое, значит, у меня было тогда настроение. И вот однажды, в Марселе, сидим мы с матросами и юнгами в паршивом кабаке «Попо», накачиваемся дрянным абсентом и джином. Ну, знаете, как это бывает — выпивка, сквернословие, споры. Но потом, по пьяному делу, стали мы друг перед другом бахвалиться — каждый превозносил свою страну: норвежцы Норвегию, датчане Данию, немцы затанули «Дейчланд, Дейчланд, юбер аллес...» А французы и итальянцы и того чудней — у них даже цвет глаз менялся, когда они прославляли свои прекрасные страны. Шум, гвалт, кто во что горазд. Но куда им всем было до меня! Известное дело — полуграмотная матросня, которая толком и свою фамилию-то написать не умеет. А я как-никак аферист, да еще с высшим образованием. И начал я оду во славу Японии, маленькой, но самой удивительной страны на свете. Слова из меня так и текли, как вода из водопроводного крана. Все замолчали — слушают. А я говорю и сам умиляюсь — до чего же здорово получается. И вдруг слышу за спиной кто-то восхищенно вздыхает и шепчет:

— Ах, какая страна!.. Япония, прекрасная Япония...

Оборачиваюсь. Вижу, за соседним столиком сидит какой-то тип, аккуратненький такой, маленький мужчинка. Костюм на нем дорогой, сшит отлично, не иначе как у лучшего лондонского портного. Больно уж хорош костюм для этого злачного места. Однако сидит мешком... Представляете, если обезьяна, или какой-нибудь там леший, или водяной вдруг нацепит на себя превосходно сшитый костюм? Вот так и он выглядел. А уж морда, доложу вам! Плоская, блестящая, словно ее лаком по-

крыли, глаза круглые, как пуговицы, а уши торчат, острые-преострые. Видели когда-нибудь такую обезьяну — лемура? Так вот, он походил на лемура, как сын на отца. Но я тогда пьян был, и он показался мне не таким уж страшным.

— Господин,— сказал я, еще больше воодушевляясь,— значит, вам понравилась Япония? По одним только рассказам?

— Весьма! — ответил он по-французски, но с каким-то странным акцентом.— А вы сами из Японии?

Когда он говорил, рот у него смешно хлопал.

— Правильно! В самую точку попали! — заорал я, выпячивая грудь.— Таинственная страна Востока! Страна самураев! Фудзияма, гейши!

— Мне понравилась Япония,— он подался вперед, шевеля удивительно тонкими, словно бескостными, пальцами.— Мне нужно с вами поговорить. Вы не знаете, где можно купить японский остров?

— Остров?!

— Да, я хотел бы купить какой-нибудь остров, по возможности большой. Если там живет много народа — неважно, я не причиню беспокойства населению.

Только теперь я разглядел его как следует. Жутко шикарный тип! Про костюм я уж не говорю — все на нем было дорогое. Два платиновых перстня с огромными бриллиантами, каждый каратов по десять. В галстук золотая булавка с жемчужиной и сапфиром. Цепочка от часов тоже золотая, вместо брелока изумруд. И как только все эти драгоценности уцелели, и как он сам уцелел в трущобах портового города — уму непостижимо! Но все это великолепие шло ему, как корове седло. Держался он робко, деревенщина, сразу видно. Да к тому же еще мулат — кожа темная, с зеленоватым оттенком.

Тут у меня в голове мысли завертелись с бешеной

быстротой. Недаром меня наши ребята «Комой» прозвали — может быть, вы не знаете, «Кома» по-японски волчок. Ну, думаю, такое дельце наклевывается! Деревенский миллионер хочет купить остров. Подобное везение бывает раз в тысячу лет!

— Ну что ж, — сказал я, — пожалуй, можно будет вам помочь. Но здесь не очень-то подходящее место для серьезного разговора. Давайте причалим к другой пристани.

И я его повел. Как кошка мышку — только бы не упустить! Отыскал довольно приличный для этого района ресторан, где подавали белое вино и устриц.

— Зачем вам размениваться на мелочи? — начал я, как только мы уселись за столик. — Подумаешь — остров. Купите уж всю Японию целиком! — я отправил в рот креветку, политую соусом «Табаско».

— О-о-о! — его глаза, навывате, как при базедовой болезни, начали вращаться. — И это возможно?

— Могу взять на себя роль посредника, — я самодовольно осклабился. — И потом, известно ли вам, что Япония представляет собой кучу островов? Так сказать, архипелаг.

— Это... это замечательно! — он, кажется, был на седьмом небе от радости. — Я куплю, куплю! Непременно куплю!

— А денег у вас хватит? — я чувствовал себя настоящим дельцом, который все предусматривает заранее. — Чтобы купить Японию, потребуется немалая сумма.

— Денег сколько угодно. Но... ее действительно можно купить?

— На этом свете нет ничего такого, что нельзя было бы купить за деньги! — безапелляционно произнес я.

— Ясно. В таком случае... вот, пожалуйста... — он вытащил из кармана толстенный бумажник и положил на стол пять тысячефунтовых купюр. Потом протянул мне

странный документ.— Это договор с доверенным лицом, с вами то есть. И задаток. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Я удивился. Человек, показавшийся мне деревенским выскочкой, вдруг сует договор, где даже размер комиссионных точно определен. В моей душе шевельнулось нечто, похожее на тревогу, но все же я поставил свою подпись.

— Ну что ж,— я поднялся из-за стола, сжимая в кулаке деньги,— дело сделано. Пойду к себе в гостиницу, соберу вещи.

— Нет! — он ухмыльнулся и схватил меня за руку обратительными холодными липкими пальцами.— С этой минуты вы — мое доверенное лицо. Будете поступать так, как я скажу. Одежду я вам дам, а вещи свои бросьте. Мы немедленно отправляемся в Японию.

Из Марсея в Бонн, где был его офис, оттуда — в Японию, на самолете Люфтганзы... Когда восьмимоторный реактивный лайнер поднялся в стратосферу, у меня было такое чувство, словно я вижу сон. И сон дурной. Я, аферист, пусть даже мелкий, и вдруг во власти этой деревенщины, похожей одновременно на обезьяну и на лягушку! Он сказал, что является подданным Лихтенштейна. Есть такая крохотная страна в Альпах, блаженный приют ушедших на покой миллиардеров.

— Но родился я далеко-далеко,— с загадочной улыбкой сказал этот гнусный тип.

Прибыв в Токио, мы сразу открыли контору. Обосновались в центральной части города, в одном из тихих переулков. И работа закипела: мы начали покупать, а с моей точки зрения продавать Японию. Эх, сигарета погасла. Совсем намокла от брызг. Разрешите еще одну...

В первое время я строил всякие планы. В Японии я дома, все в моей власти. Пригляжусь, думаю, разберусь что к чему, а там хапну кругленькую сумму и смоюсь. Закупочные-то деньги были в полном моем распоряжении. Неплохая пошла жизнь. Сидишь, бывало, в роскошно обставленном кабинете, в самом сердце делового района Токио, ноги удобно лежат на письменном столе, в зубах дорогая сигара, сидишь и посматриваешь свысока на торговцев недвижимостью. Уж и покуражился я над ними за чужой счет! В этом-то и весь смак жизни афериста. На одни только комиссионные я мог жить припеваючи, а иногда случалось и кое-что прикарманить. Как же иначе? Не то, думаю, забуду, что я аферист.

Действовал я следующим образом. Сначала скупил все продававшиеся участки по всей Японии. Не сам, разумеется, а через фирмы, торговавшие недвижимостью. Ничего не пропустил — к нам перешли земли на краю Хоккайдо, в дебрях Кисо, где я в жизни не бывал. В то время как раз начался бум в земельной торговле. Реклама работала вовсю.

Мой-то шеф посмотрит, помню, веселую, бодрую коммерческую телепередачу, и глаза у него начинают округляться, так и лезут из орбит.

— Смотрите, сколько у нас конкурентов! Вы уж постарайтесь, пожалуйста, не проморгайте чего-нибудь.

Шеф просил все делать незаметно, не привлекая внимания. Так что купчие приходилось оформлять на имя владельцев фирм, торговавших недвижимостью, а в дальнейшем, когда все владельцы были охвачены нашими операциями, — на имя простых служащих, которые потом передавали нам участок по закладной или по дарственной.

За мнимого хозяина, на которого оформлялась покупка, мы платили налог с предполагаемого дохода, хотя доходов никаких не получали, платили налог на недвижимость — короче говоря, расходы были огромные. Кроме того, временные владельцы могли за ничтожную арендную плату пользоваться землей по своему усмотрению. В конце концов я перестал понимать, чем мы занимаемся.

Как я уже сказал, для такого дела требовались баснословные деньги. Шеф захватил с собой кучу денег, но и они наконец кончились. Ввозить валюту в большом количестве было опасно — это обязательно привлекло бы внимание. И шеф придумал один способ, по-моему, довольно-таки глупый.

Первым делом создали бесчисленное множество маленьких фиктивных фирм. Из офисов шефа, рассеянных по всему миру, им присылали заказы на дорогие, но малоемкие товары. А наши фирмы посылали им всякую мур — шлак и прочие отбросы. Для меня такая работка была привычной: если надо кого-нибудь облапошить, тут я мастер. За этот хлам мы получали чистоганом из офисов шефа. В номенклатуре экспорта наших фирм значились очень даже солидные товары, начиная с оборудования электростанций и кончая портативными транзисторами. Разумеется, номенклатура тоже была фиктивной. Я испытывал очень странное чувство: занимаясь мошенничеством в прежние времена, я преследовал только одну цель — обмануть дурака-клиента, а теперь мы проделывали жульнические махинации, чтобы шеф смог получить свои собственные денежки. Японская экономика в основном держалась на экспорте, так что власти только радовались притоку валюты. Вот если бы наблюдалась

утечка, тогда бы они забеспокоились. Очевидно, в те времена министерство внешней торговли не удосужилось проверить экспортно-импортный баланс. А проверили бы — наверняка удивились бы. Странное явление: экспорт увеличился, несмотря на резкое уменьшение импорта сырья! Честное слово, наши операции получили такой размах, что начали серьезно влиять на экономику страны, а соответственно и на статистические показатели министерства внешней торговли. Все возрастающий приток иностранной валюты в Японии в 197.. году — это наших рук дело!

Я даже приблизительно не мог представить себе размеров состояния шефа. Бесспорно только одно — он был мультимиллиардером. Во всяком случае, его офисы были разбросаны по всему миру, и к нам стекалась валюта самых различных государств.

— Как это вам удастся заколачивать такие деньги? — спросил я его однажды.

Он усмехнулся.

— Бриллианты, золото, платина и кое-что другое... Возможности у меня неограниченные...

— Что-о? Вы делаете золото?

— Нет, не делаю, но оно появляется...

Я смекнул, что тут что-то нечисто, но особенно не ломал голову. Какая мне разница, откуда он берет деньги? Лишь бы они были.

4

При таком размахе скупочных операций цены на землю, естественно, стали подниматься. Но у земли, знаете ли, такое свойство — цены на нее неуклонно возрастают

и без всякого бума, так что влияние нашего предприятия не особенно ощущалось. А потом цены стали падать. Дело в том, что мои агенты баснословно дешево сдавали в аренду участки.

Реклама и пропаганда тоже сыграли свою роль. За короткое время нам удалось убедить население, что арендовать землю гораздо выгоднее, чем покупать. Даже те предприниматели, которые всю жизнь мечтали стать землевладельцами, начали вкладывать деньги в аренду. Дело дошло до того, что порой налог на землю, как на недвижимость, был выше стоимости самой земли. С другой стороны, все меньше и меньше земельных участков поступало в продажу, и цены возрастали. Но и спекуляция землей уменьшилась.

Нам удалось прибрать к рукам и тех предпринимателей, которые владели землей в городах, где стоимость одного квадратного метра доходила до нескольких миллионов иен. Мы поступили просто: кроме рыночной стоимости, обязались выплачивать им в течение трех лет одну треть той суммы, на которую вздорожают участки за этот период. А если их интересовал доход, мы предлагали им вкладывать капитал в наземную недвижимость, одновременно сдавая им участки в аренду на очень выгодных условиях. Устоять же мог почти никто. Разумеется, мы сами брали оборотный капитал в банках, кредит нам предоставляли под залог купленной земли. И несмотря на это, мы и ахнуть не успели, как в нашем балансе перерасход составил несколько миллиардов. Правда, налоговое управление нас не беспокоило — я своевременно принял соответствующие меры. В подобной ситуации мне было не до афер. Какие уж тут аферы! Я стал верным слугой своего хозяина и, как сумасшедший, продолжал скупать землю.

Поверьте, не раз мне приходило в голову — зачем ему

понадобилось столько японской земли? Дурацкая трата денег, и каких денег! В конце концов, во всем должно быть чувство меры, всему есть предел.

Впрочем, трата денег — вопрос сложный. Некоторые люди держатся за какую-нибудь вещь и ни за что с ней не расстанутся, сколько бы им ни предложили. А другие, наоборот, готовы истратить любую сумму, лишь бы заполучить какой-нибудь понравившийся им пустяк. Взять хотя бы почтовые марки. Порой старинная замусоленная марка стоит целое состояние. Поди тут разберись...

Итак, постепенно мы скупили все земли, какие только можно было купить. Земля осталась лишь у тех, кто упорно не хотел с ней расстаться. Когда я доложил об этом шефу и сказал, что мы зашли в тупик, он на меня заорал:

— Вы дурак! Не хотят продавать, так подождем, пока захотят. У вас, японцев, кажется, есть такая пословица: «Не поет соловей, так подождем, пока запоет!» А чтобы им поскорей захотелось, надо их подтолкнуть, придумать какой-нибудь способ.

И он дал мне задание — опять-таки дурацкое! — распространить среди землевладельцев бессрочный купчий договор, по которому они обязались бы продать землю нам и только нам, если когда-либо надумают продавать. С моей точки зрения, это был уже настоящий бред. А если они никогда не надумают?! Землевладельцы-то в накладе не оставались: мы ведь за этот договор деньги платили. Все его подписали, дураки они, что ли? Я чувствовал себя уже не аферистом, а филантропом. Ох, и противное чувство! По-моему, все филантропы сумасшедшие, что-то творится у них с головой. В том-то и дело, а лю-

бовь к ближним тут не играет никакой роли. Мошенники куда человечнее филантропов.

Я сказал, что все подписали договор. Правильнее было бы сказать — почти все. Среди некоторых крупнейших фирм и монопольных торговцев недвижимостью тоже нашлись ненормальные — твердолобые упрямы.

— Возьмите вот это, положите в нагрудный карман пиджака и отправляйтесь уговаривать упрямцев, — сказал мне шеф, протягивая какую-то маленькую плоскую коробочку, похожую на портативный радиоприемник. — Это передатчик мозговых волн, тайно изготовленный одной из моих фирм. Ко всем идите, ко всем без исключения! Они сразу поймут, в чем дело, и станут покорными, как телята.

Чудно́я себя чувствовал. Шутка ли — аппарат, который заставляет людей тебе подчиняться! Ну, думаю, чем черт не шутит, может, мой шеф, это чудовище, тоже носит в кармане такую штуковину, оттого я его и слушаюсь... Знаете, действительно странное чувство — вроде бы ты стал марионеткой.

И что бы вы думали? Аппаратик не подвел! Все согласились, даже члены правления крупнейших предприятий и акционеры. Ну что ж, говорят, подпишем, если вы так просите, жалко нам что ли... Правда, я держался скромно, не настаивал, а только предлагал. О немедленной продаже и речи не было — просил всего лишь подписать известный договор, а продать, мол, можете, когда вам вздумается — хоть через сто лет. К тому же арендное право, право раскопок и добычи оставалось за ними, мы просили продать только право на собственность. Как тут было не согласиться! Вы знаете, что такое арендное право? Это великая вещь — тот, кто им владеет, может принять участие в повторной продаже на равных основаниях. Я отчетливо представлял себе, что думают все эти

ловкие дельцы — любопытно было бы посмотреть на ро- жу того идиота, который на таких условиях покупает землю! Самые хитрые и изворотливые вскоре начали тор- говать арендным правом, и со временем оно сделалось таким же объектом биржевой спекуляции, как раньше недвижимость.

Вы понимаете, что произошло? Мой шеф, этот удиви- тельный тип, сначала показавшийся мне деревенским простачком, превратил владение землей в бессмыслицу. Заморозил земельную собственность! А я вообще пере- стал что-либо понимать. Сколько у него денег, откуда он их берет, сколько потратил... все у меня в голове перепу- талось. И ведь не только чиновников охмурил, но и само правительство. А каким образом — уму непостижимо... Я стал даже не марионеткой, а автоматом: ежедневно, как в кошмарном сне, встречался с какими-то людьми, давал указания агентам, выполнял распоряжения шефа...

Таким образом, он стал, прямо или косвенно, владель- цем всей японской земли. То, что еще не перешло в его собственность, со временем должно было перейти. Разу- меется, купчие крепости оформлялись на подставных лиц. Но мы работали тонко. Никто даже бы и не заподозрил, куда от них тянутся ниточки. Я-то знал, кто настоящий владелец. Небом могу поклясться, что так оно и было — он превратился в фактического хозяина Японии. Он оп- лел своей паутиной всю нашу землю, большие и мелкие владения, участки и участочки. К этому времени «бес- срочный купчий договор» начал приносить первые плоды. Ведь земля, как и прочий товар, постоянно находится в обращении. Каждый день кто-то где-то что-то продает. И как только один из участков поступал в продажу, он попадал в его лапы.

В конце концов настал день, когда я подумал, что мне уже больше нечего делать.

— Нет! — сказал он. — Есть еще государственные земли.

— Простите, но тут само название говорит за себя — государственные земли принадлежат государству... Право собственности...

— Право собственности? А разве собственность не продается и не покупается? Вы же сами говорили — нет на свете ничего, что нельзя купить за деньги. Все, все можно купить: сердце женщины, идею, профессиональную команду бейсболистов, человека, его свободу! Следовательно, право собственности тоже можно купить. А то, что оно принадлежит государству, не имеет никакого значения.

В нашей работе наступил следующий этап. Пришлось пробраться в Управление государственных земель и в Комиссию по продаже государственных земель частным лицам. В продаже было много государственных земель, но я побаивался. Ну, думаю, придется попрыгать, обламывая надутых чинуш и всяких там депутатов парламента! И можете себе представить? — все пошло как по маслу. Обошел я всех частных лиц и все предприятия, занимавшиеся скупкой государственных земель, и договорился, что при перепродаже они будут обращаться к нам. (Впрочем, удивляться нечему — ведь у меня с собой всегда был тот самый чудодейственный аппарат!) Это еще что! Нам даже удалось провести через парламент один любопытный закон. И предлог солидный нашли — борьба против повышения стоимости земли, за ее общественно-полезную ценность. Согласно этому закону, государственные земли могли быть в будущем проданы только таким организациям, как «Туристическое общество по охране богатств природы» и «Ассоциация общественного использования земли». Капиталовложения в этих обществах распределялись между государством и нами, но не

поровну, как принято: наши капиталовложения чуть-чуть превышали государственные. Таким образом, как только где-нибудь заходила речь о передаче прав собственности на землю,—какая и чья земля, не имело абсолютно никакого значения: это могла быть вершина горы или болото, принадлежащее государству,—право собственности автоматически переходило к нашей организации.

Существование права собственности подразумевает возможность передачи этого права другому лицу в любой форме. Таким образом, купить нельзя только то, что никому не принадлежит — солнце, например, или воздух. А вершина горы Фудзи, какая-нибудь никудышняя пустыня или необитаемый остров независимо от того, кому они принадлежат — государству или частному лицу, могут быть проданы, а следовательно, и куплены под каким-нибудь предлогом.

Итак, вся земля Японии, за исключением площадей, занятых под общественные пути сообщения и государственные жилищные кооперативы, стала собственностью моего шефа. Он владел всеми горами и реками, островами и озерами. Право пользования землей оставалось за населением, на это право мы совершенно не посягали, и на первый взгляд Япония казалась все такой же оживленной страной. Однако японцы фактически уже не владели своей землей, и причиной тому были таинственные махинации двух людей. Я не мог отделаться от неприятного чувства: меня окружал мираж — ирреальная, только кажущаяся страна, которая могла развеяться от одного прикосновения.

— Спасибо! Теперь Япония принадлежит мне! — сказала эта скользкая лягушка, выписывая мне чек на ог-

ромную сумму.— Я освобождаю вас от ваших обязанностей.

Я, разумеется, обрадовался. Получил деньги, думаю, теперь надо сматывать удочки, а то как бы чего не вышло. Ноги так и зудят — бежать хочется, но вместо этого я почему-то стал задавать вопросы.

— А что вы собираетесь дальше делать с Японией?

— Что делать? Конечно же, возьму с собой, к себе на родину! — лягушка и глазом не моргнула.— Вы были тогда правы, когда расхваливали Японию. Прекрасная страна! Интересная, необычная. И природа изумительная. Какое разнообразие пейзажей — высокие горы, острова, заливы! Климат на все вкусы — снега, субтропики и почти тропики. История, древнейшая культура и современная высокая цивилизация. Величайшие достижения науки и по соседству полудикие люди, ведущие первобытный образ жизни. А какой калейдоскоп племен и народов! Сюда стекаются путешественники из всех уголков мира. Широко представлены образцы мировой промышленности, образцы продуктов питания самых различных стран. Здесь сходятся Восток и Запад. Короче говоря, Япония — маленький макет Земли: всего понемногу, но все есть. Прекрасный карликовый сад!.. Да, Япония наиболее удачный образчик земной цивилизации.

— А где же ваша родина?

— Там! — он показал на мерцавшие в ночном небе звезды.— Далеко, далеко.

— Вы что, с ума сошли?! — заорал я.— Может быть, я мошенник, аферист и вообще самая последняя дрянь, но, какой бы я там ни был, разве я допущу, чтобы вы уволокли мою родину в такую даль?!

— Но ведь земля, называемая Японией, целиком принадлежит мне. Она моя, — он улыбнулся.— Я же говорил, что не причиню никаких неудобств населению. Все япон-

цы — служащие, крестьяне, рыбаки, интеллигенция, студенты, политические деятели, предприниматели, писатели — будут вести такую жизнь, к которой они привыкли. Жизнь на поверхности земли. Я ведь эту землю целиком увезу.

— Ответьте мне, пожалуйста, на последний вопрос, — сказал я, дрожа от страха перед этим сумасшедшим, а может быть, и правда существом с другой планеты, — если вы обладаете такой силой, что можете всю Японию перетащить куда-то в космос, зачем вам понадобилась вся эта канитель со скупкой земли? Взяли бы да сразу и увезли!

— Наша планета — планета торговли. Мы уважаем и почитаем законы торговли. Чтобы все было честно! — Он расхохотался. — Ведь я действовал почти легально. Я способствовал обогащению Японии, да и других стран мира. Вы не задумывались, сколько у вас на Земле за это время прибавилось золота, платины, драгоценных камней? Впрочем, мне не понятно, почему вы так дорого цените весь этот хлам?..

Похолодев от страха, я бросился бежать. За моей спиной еще долго раздавался его отвратительный хохот. Что я наделал, что наделал! На мою родину вот-вот обрушится непоправимая беда, и никто на свете не в силах этому помешать. Мое сердце разрывалось от боли и жгучего стыда.

Не переводя дыхания, я добежал до пристани и по трапу стрелой взлетел на борт яхты. Эту яхту я уже давно подготовил на тот случай, если мне придется бежать из Японии. Теперь у меня было только одно желание — как можно скорее удалиться от берегов обреченной страны. Уже в открытом море я оглянулся назад. Вот тут-то это и случилось. Над Японией, в ночном небе, светлом от неона и электрических огней, повисли сотни гигантских

летающих тарелок. (Конечно, их видел не только я, до сих пор не могу понять, почему другие люди молчат.) С тарелок спустились какие-то голубоватые не то лучи, не то занавески и окутали всю Японию. Смотрю это я, а Японские острова вместе с морем медленно поднимаются в воздух, словно рыбка в полиэтиленовом мешке! От такого жуткого зрелища я остолбенел, потерял голос и почти лишился чувств. А Япония, привязанная к летающим тарелкам, поднималась все выше и выше и, наконец, исчезла в той стороне, где, должно быть, находилась родная планета этой отвратительной лягушки, этой обезьяны, этого чудовища! И тут началось нечто невообразимое — поднялся невиданный цунами и потопил мою яхту. Вместе с ней утонуло и все мое состояние...

5

Да, да, этими вот руками я продал Японию, продал родину пришельцу из космоса. Не могу вам передать, что я испытывал. Наверно, таких мук совести не знал еще ни один человек на свете. В конце концов мне пришлось лечь в психиатрическую клинику, правда ненадолго. Потом я снова стал моряком. Теперь каждый раз, как только мы подходим к этим широтам, не могу удержаться от слез. Плачу и каюсь...

А Япония... эта страна и вправду была прекрасной... Почему так бывает, а? Умрет человек, и только тогда начинаешь его ценить. То же самое и с Японией — я полюбил ее по-настоящему только тогда, когда она исчезла. Япония... грязная, жалкая, кишашая людьми, как муравейник муравьями, утопающая в клоаке городов, изрезанных переулками и густо пересыпанных трущобами, и в то же время... нежная, светлая, утонченная, полная молодой энергии... Улыбки японских женщин, гора Фуд-

зи... Милые зеленые горы, острова и море... Страна, похожая на прелестный карликовый сад... японская кухня... тишина древних храмов... интеллигенты, знающие все на свете... неоновые огни сумасшедших увеселительных центров... И все, все исчезло... Даже следа не осталось! Ну как же здесь не плакать?! И я, один только я виноват! Моей страны не стало лишь потому, что однажды, по пьянке, я — последний идиот, безмозглый, самонадеянный мелкий мошенник — предложил этому типу: «Купите Японию!» Я... вот этими грязными руками продал прекрасную, подобную драгоценной жемчужине Японию. Проводил собственную родину!..

Хотя... если призадуматься, покупатель всегда найдется, когда кто-то хочет что-то продать... Допустим, земля бы никому не принадлежала, как, например, солнце или воздух. Нет владельца, не будет и покупателя. Тогда бы и цены на землю не поднимались с бешеной скоростью, а всякие задыхающиеся от собственной жадности типы не загребали бы земельные участки, которые им абсолютно не нужны. И этой мерзкой лягушке с «Планеты торговли» не удалось бы ничем попользоваться...

Вот что я хочу вам сказать напоследок... Простите, не знаю, где ваша родина, но очень может быть, что лягушка сейчас как раз там и находится. Наверно, никто еще ничего не замечает, жизнь идет, как раньше, но если копнуть поглубже — страшенькая получится картина: страна уже не существует как таковая! Запродана кому-нибудь чужаку. Земля, на которой стоят города, заводы, фабрики, тянутся железнодорожные рельсы, кем-то когда-то заложенная и перезаложенная, теперь находится в руках пришельцев с далекой планеты. Значит, и люди со всем их скарбом стали собственностью этих типов. Но

они ни о чем и не подозревают... Ведь и Япония так была продана — со всеми потрохами. Вот тут она раньше и находилась, где сейчас плывет наш корабль... Потому я и говорю: будьте бдительны! Вам смешно? А смеяться-то не над чем — очень печальная история... Мне, например, не до смеха. Опять улыбаетесь... усмехаетесь... Ой, что-то странно вы выглядите... Ну да, и уши острые, и глаза, как пуговицы... Надеюсь, вы не собираетесь купить какую-нибудь страну?..

ПОВЕСТКА О МОБИЛИЗАЦИИ

1

Сегодня после работы я ходил в больницу проведать отца и возвращался домой несколько позже обычного. Мне повстречался Такэи, мой сосед и сослуживец. К нам в отдел он пришел недавно, сразу по окончании университета. Жил Такэи один, в доме для холостяков. Сейчас парень прифрантился, как видно, собрался на ночную пирушку. Мы кивнули друг другу, и я хотел было пройти мимо, но он меня окликнул:

— Оно-сан... я все собираюсь вас спросить, да забываю. Вы не знаете, что это такое? Я получил это дня три-четыре назад.

Он вытащил из кармана и протянул мне помятый конверт, склеенный из голубой оберточной бумаги. Из надорванного конверта выглядывал красноватый листочек.

— Да ведь это...— я невольно повысил голос, пробежав глазами бумажку.— Это повестка насчет мобилизации в армию!

— Я и сам вижу, не разучился еще читать,— Такэи усмехнулся.— Но объясните мне, пожалуйста, что такое повестка?

Я вытаращил глаза, потом прыснул. Такэи только в этом году окончил университет, ему сейчас года двадцать три, от силы двадцать четыре, значит, во время войны он был совсем еще сосунком. Что ж, может быть, для

людей его возраста естественно не знать, что такое повестка.

— Повестка... ну, это вроде вызова. Раньше, когда гражданских лиц призывали в нашу бывшую армию, им присылали такую вот повестку.

— Гм... да...— пробормотал Такэи в явном замешательстве.— Но почему ее сейчас прислали мне?

— Наверно, опять какая-нибудь реклама,— ответил я, вертя в руках шершавый листок.

Несколько лет назад я слышал, будто один старый армейский кабак печатал свою рекламу на таких листках.

— Что вы! — Такэи недоверчиво выпятил нижнюю губу.— Здесь нет никакого рекламного текста.

Действительно, ничего похожего на рекламный текст здесь не было. На грязновато-красной, словно вылинявшей, грубой бумаге было напечатано унылым, давно уже устаревшим шрифтом:

ПОВЕСТКА. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАБОР.

СЕТАРО ТАКЭИ

проживающему в деревне, городе уезда
префектуры на участке полицейского подкомиссариата
приказано считать себя мобилизованным в
пополение (чрезвычайное) и явиться в указанный ниже день
и час в отряд полка, к которому он приписан, имея при себе
настоящую повестку.

Вышеназванное лицо обязано погрузиться на поезд (судно)
на станции (в порту) в часов минут
дня месяца.

Куда и когда нужно явиться по прибытии			
Время	В	часов	минут месяца дня
Место явки	Город	район	улица сборный пункт отряда
Приписан к отряду			

Командование Хиросимского полка

	Город	проездной талон №
Поезд (судно)	от станции	до станции
Класс	третий	
Стоимость проезда на экспрессе	иен	

*Порядок получения денег по настоящему талону
см на обороте*

И это все. Ничего похожего на рекламу — названия магазина или ресторана — я так и не нашел, сколько ни искал. Имя и фамилия Такэи и все прочие данные были написаны тонкой кисточкой, плохой тушью.

— Очевидно, это шутка, но шутка дурацкая и очень злая, — проговорил я. Что мне было сказать еще?

Я сам впервые держал в руках повестку. Правда, во время войны, когда я уже ходил в гимназию, отец получил такую же повестку.

Во всем этом было что-то жестокое и мрачное. Как точно указано время отправки, как тщательно выписаны все данные о полицейском подкомиссариате нашего микрорайона, о станциях отправления и прибытия! На меня повеяло могильным холодом, словно возродились те годы, когда в стране властвовали Министерство внутренних дел и Военное министерство.

— Вы действительно имеете какое-то отношение к Хиросиме? — спросил я Такэи, возвращая ему листок и содрогаясь от внутреннего холода.

— Да, я оттуда родом, записан в метрическую книгу мэрии, — Такэи небрежно сунул конверт в карман. — Интересно все-таки, кто мог послать эту чепуху?

Действительно, если подумать, бессмысленный, глупый розыгрыш. Человек старшего поколения, получив подобную бумажку, еще мог бы испугаться — ведь наши старики когда-то жили в постоянном страхе, ожидая призыва в армию. Но на современного юношу, даже не знающего, что такое повестка, вряд ли это могло произвести впечатление.

— Простите, задержал вас из-за ерунды, — Такэи поклонился. — Всего хорошего.

Он повернулся ко мне спиной и зашагал прочь, насвистывая на ходу. Я долго смотрел ему вслед. Проходя мимо уличного фонаря, он вытащил из кармана какую-то бумажку, скатал ее в комок и бросил в урну. Мне почему-то стало не по себе.

На следующий день, придя на работу, я с головой окунулся в дела, закрутился и совершенно забыл о вчерашнем разговоре. Перед самым обедом, когда я наконец урвал минутку передохнуть, меня поздравил начальник отдела.

— Оно-кун, кажется, Такэи — ваш сосед по дому?

— Да.

— Я попросил бы вас заглянуть к нему на обратном пути. Что-то его поведение мне не нравится: не успел поступить на работу, а уже позволяет себе отсутствовать без разрешения.

Только тут я заметил, что Такэи нет в отделе. В груди у меня закололо, но всего лишь на секунду. Не стоит беспокоиться по каждому поводу. Тогда я еще не придавал этому серьезного значения. Но во время обеденного перерыва, приводя в порядок бумаги на столе, я вдруг обнаружил под ними грязновато-красный листок. Мне чуть не стало плохо.

Когда я дрожащей рукой взял повестку, Сакума, молодой парень, тоже поступивший к нам в этом году, сказал:

— Это я получил. Вчера прислали в общежитие. Вот, захватил с собой. Подумал, может, знает кто-нибудь, что это такое?

— И вам тоже... — голос мой звучал хрипло.

— А что это? — равнодушно спросил Сакума. — Извещение о посылке, пришедшей в почтовое отделение?

Я ничего не ответил и обратился к начальнику отдела:

— Шеф, вы в армии были?

— Был, — он удивленно взглянул на меня.

— По мобилизации?

-- Да. Что это вы вдруг заинтересовались?

Я молча протянул ему листок.

— Ого! Ну и ну... — он, кажется, развеселился. — Какой шутник этим занимается? Мода, что ли, такая нынче?

— Повестка о мобилизации так выглядит?

— Н-да... — шеф скорчил кислую мину, словно проглотил лимон. Прочитал повестку, повертел ее в руках, осмотрел со всех сторон. — Да, все точно... совсем как настоящая повестка. Меня тоже по такой бумажке забрали в свое время.

С минуту он смотрел куда-то вдаль, потом тихо сказал:

— От одного воспоминания дрожь пробирает...

— Вы хотя бы догадываетесь, кто мог вам ее прислать? — спросил я Сакуму, собиравшегося выйти из комнаты.

— Нет, — ответил он беспечно, не оборачиваясь. — Подумаешь, какая-то паршивая бумажонка...

— Было время, по такой паршивой бумажонке всех без разбора забирали на войну, — шеф горько усмехнулся, возвращая мне листок. — Никто и пикнуть не смел... Конечно, нынешняя молодежь этого и представить не может, она ведь даже не знает, что такое воинская повинность.

— Интересно! — воскликнул Гото, сотрудник другого отдела, заглядывая в листок через мое плечо. — Значит, не только я получил?

— Вы тоже получили?! — мой голос сорвался на крик. — И она у вас при себе?

— Нет, я ее разорвал и выбросил.

— Раньше вас за это расстреляли бы! — рассмеялся шеф. — А вообще-то странная вещь... У нас кто-нибудь еще получил такие повестки?

— Кажется, во всей фирме человек семь-восемь по-

лучили.— Готово оставался беззаботным.— Они начали появляться дней десять назад. Уже и в газетах писали...

Он взял со стола газету, развернул ее и показал нам небольшую заметку в разделе сенсаций.

«В последнее время различные толки среди населения вызывают красные бумажки, доставляемые по почте. Это повестки из подкомиссариата, которые получают холостые мужчины в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Они являются точными копиями «красных бумажек», запомнившихся тем, кто пережил войну. Все соответствует бывшим повесткам: указание места и времени явки в приписной отряд, маршрут следования к месту назначения и пр. Наша молодежь, не знающая, что такое война, реагирует на них спокойно, вернее, никак не реагирует, зато многие родители серьезно взволнованы такой, как они считают, злой шуткой. Число молодых людей, получивших повестки, неуклонно возрастает, и раздаются голоса, требующие полицейского расследования этого дела».

— Оказывается, все получают...— разочарованно протянул Сакума. Кажется, он был недоволен, что эта честь выпала не только ему.— Интересно все-таки, чья это проделка?

— Возможно, какие-нибудь шовинистические организации пытаются посеять панику среди населения,— сказал шеф.

В столовой для служащих в этот день только и было разговоров, что о загадочных повестках. А я все время думал о Такэи, который без предупреждения не вышел на работу, и волновался. Помнится, в его повестке явка как раз была назначена на сегодня...

Я беспокоился о Такэи, но не смог сразу пойти к нему. Сначала мне пришлось отправиться в больницу, поговорить с главным врачом относительно состояния отца.

— Операцию делать нельзя, больной не перенесет ее,— сказал главврач.— Лучше оставить его в покое, так он дольше протянет.

Отец, исхудавший, осунувшийся, беспокойно метался по кровати, не переставая бормотать:

— Вперед! Огонь! Огонь! Враг на правом фланге! Танки!.. Не уходите без меня!.. Не оставляйте меня здесь... умоляю, не оставляйте...

— За последний месяц ему стало хуже. Этот процесс прогрессирует,— главный врач дотронулся до своего лба.— Бедняге кажется, что мы все еще воюем.

В детстве я не очень-то любил отца. У нас в доме царил дух милитаризма, ярым приверженцем которого он был. Мы с матерью по-настоящему страдали, когда он начинал нас «воспитывать». Однако теперь мне было тяжело смотреть на него: старый — ему уже давно перевалило за шестьдесят,— больной, беспомощный, а все еще бредит войной. Наверно, и на войне ему приходилось трудно — слишком уж упрямый, своенравный характер.

Когда я повернулся спиной к его кровати, собираясь уходить, какое-то смутное воспоминание промелькнуло у меня в голове. В коридоре я попытался вспомнить — о чем, но так ничего и не вспомнил.

3

К Такэи я попал вечером. Его квартира была на замке. В этот день он так и не вернулся домой, а на следующий снова не вышел на работу. И через день, и через два не вышел. У нас о нем никто ничего не знал.

Как раз в это время в нашей фирме начали исчезать и другие служащие. Я заметил, что многие столы пустуют. Ни один из молодых сотрудников не отпрашивался

у начальства. Сначала мы думали — легкомысленные парни загуляли, но вскоре выяснилось, что и дома о них ничего не известно. Пропали без вести. Вообще-то люди довольно часто пропадают без вести. Так, например, только в 196... году в Токио по невыясненным причинам пропали без вести пять тысяч пятьсот мужчин. В том числе полторы тысячи исчезли бесследно, словно испарились. На это обратили внимание не сразу. И только когда было установлено, что количество «испарившихся» молодых холостых мужчин неуклонно увеличивается по всей Японии, в стране забили тревогу.

— Ужас, что творится! — простонал я, кончив читать статью на первой странице газеты. Да, теперь статьи об исчезновении помещали уже не в разделе сенсаций, а на первой полосе.— Пишут, что за какие-нибудь две недели в Японии исчезло семь тысяч пятьсот парней. Связь с «красными бумажками» совершенно очевидна. Люди пропадают за день до указанного срока явки в отряд назначения...

— Поговаривают, будто на самом деле исчезло еще больше. И дальнейшие прогнозы тоже неблагоприятные,— сказал Накадзаки, бухгалтерский работник, большой скептик.— Интересно, много таких, которые, прочитав газету, связывают исчезновение с повесткой?

Я невольно окинул взглядом комнату. Столы Такаи, Сакума, Гото и некоторых других сотрудников пустовали.

— И куда только смотрит полиция! — я повертел газету в руках, мне не работалось.— Ведь только сейчас приступили к настоящему расследованию.

— Полиция не виновата. На первых порах родственники пропавших подавали обычные заявления в соответствующие подкомиссариаты.— Накадзаки откинул волосы назад и пригладил их ладонью.— Так что и розыски велись обычным порядком. Я думаю, немало времени

потребуется, пока начнется специальное расследование этого массового, планомерного похищения людей.

— Но зачем? Кому это понадобилось? — от волнения я кусал ногти. — Может быть, это политические интриги шовинистических организаций?

— Ходят слухи, будто существует тайная военная организация, — раздраженно вмешался шеф. В последнее время он стал очень нервным — еще бы, как тут не потерять голову, когда молодые сотрудники исчезают один за другим! — Помните, несколько лет назад в парламенте поднимался вопрос о подпольной организации, вербовавшей японскую молодежь в тайные добровольческие отряды? Кажется, юношей посылали не то в Юго-Восточную Азию, не то еще куда-то...

— Что-то непохоже! — я покачал головой. — Во всяком случае, никто из наших пропавших сотрудников не записался бы в тайную добровольческую армию. Вот если бы им предложили бесплатное кругосветное путешествие, с радостью отправились бы... Да и масштабы очень уж большие.

— Кто их там разберет! Существуют же на свете международные банды, торгующие людьми, — в голосе шефа послышалось отчаяние. — А молодежь у нас способная, может быть, похватали наших ребят и отправили в какие-нибудь мелкие государства подальше отсюда. Там тоже чиновники нужны. Или того хуже: используют их как быков-производителей...

— Но разве банда стала бы заранее предупреждать жертву специальной повесткой? Нет, здесь что-то другое. Надо смотреть действительности прямо в лицо... Я слышал, все пропавшие — сильные здоровые парни в возрасте от двадцати двух до двадцати шести лет. И, обратите внимание, как правило, вторые сыновья в семье.

— Ну и что?

— А то...— Накадзаки пустым взглядом уставился в пространство.— Может быть, чем черт не шутит... может быть, это настоящая мобилизация...

Мы с шефом невольно переглянулись. Я почувствовал себя так, словно меня ударили по голове чем-то тяжелым.

Мне показалось, что страшно давно, нет, наоборот, совсем недавно, всего несколько месяцев назад, кто-то уже говорил об этом... о мобилизации... Кто же это был? Где я это слышал?.. Я изо всех сил старался вспомнить. Но чем больше напрягал память, тем более расплывчатым становилось воспоминание.

Страшная, напоминавшая давно оконченную войну повестка продолжала появляться в почтовых ящиках квартир, где жили мужчины соответствующего возраста. Пожалуй, слово «появляться» больше всего подходит в данном случае, ибо полиция установила, что почта здесь ни при чем: «красные бумажки» не были зарегистрированы ни в одном почтовом отделении и ни один почтальон их не доставлял. Кто же опускал их в почтовые ящики?..

Вопрос повис в воздухе, потому что никто во всей Японии, от Хоккайдо и до Кюсю, не видел таинственных отправителей.

Родители сыновей, получивших повестку, или просто сыновей соответствующего возраста с искаженными лицами бежали в полицию — куда же смотрят блюстители порядка?! Почему нельзя мобилизовать все силы и ликвидировать эту ужасную банду, похищающую людей? Или хотя бы предотвратить исчезновение тех, кто на очереди?.. И полиция действительно мобилизовала все силы для охраны получивших повестку, ни на что другое ее

уже не хватало. В первое время власти для каждого очередника выделяли специальный наряд полицейских. Его должны были охранять в течение двадцати четырех часов до срока явки, указанного в повестке. Потом, когда повестки стали массовым явлением, от этой меры пришлось отказаться — слишком мало было полицейских. Кроме того, молодые люди, получившие повестку, все равно исчезали, как бы тщательно их ни охраняли, — буквально испарялись на глазах. И происходило это всегда за несколько минут до указанного срока, когда мобилизованный должен был сесть в поезд и отправиться к месту назначения.

Когда выяснилось, что никакие силы не могут противостоять этой страшной и загадочной мобилизации, среди населения началась настоящая паника. Каждый день парламент осаждали демонстрации родителей. «Объявите чрезвычайное положение! Выделите для восстановления порядка отряды полиции и самообороны!» — требовали люди. Однако вскоре полицейские и члены отрядов самообороны тоже начали получать пресловутые «красные бумажки». Число мобилизованных достигло нескольких сотен тысяч, и правительство наконец-то поставило этот вопрос на обсуждение кабинета министров и парламента. Но обсуждение было бессмыслицей — разве можно принять какие-либо меры против сверхъестественного явления, причины которого не выяснены?.. Мобилизация не признавала никаких социальных градаций. Наследники виднейших политических деятелей и финансовых магнатов исчезали с тем же успехом, что и сыновья простых рабочих и крестьян. «Красная бумажка» была всесильной. Не пощадила она и молодых знаменитостей — актеров, певцов, писателей, чемпионов. Когда один из самых популярных певцов получил повестку, его обзвумевшие от ужаса, но полные решимости поклонники соз-

дали гвардию телохранителей. Но это не помогло. В день и час явки, указанные в повестке, актер, пытаясь снискать еще большую популярность, выступал на эстраде перед многочисленной публикой. Вдруг он страшно вскрикнул и растворился в воздухе на глазах у онемевшей публики и гвардии телохранителей.

В первое время молодежь, получившая повестки, совсем не волновалась, беспокоились только их близкие. Оно и понятно: двадцатилетние парни, здоровые, отлично сложенные, не имели ни малейшего представления о войне. Зато люди среднего поколения, испытавшие ее на собственной шкуре, сразу заволновались так, словно кто-то прикоснулся к их старым, но еще не зажившим ранам. В первый период смятения и ужаса жертвой разъяренной толпы стали почти все конторы шовинистических организаций и так называемые милитаристские бары. Но таких заведений вообще было мало. Наблюдались случаи нападения на нотные магазины: обезумевшие люди рвали и топтали ногами ноты военных песен и маршей. Бунтовщики устроили также погром на телестудии, демонстрировавшей военные фильмы, в редакции журнала для юношества с милитаристским уклоном и на фабрике игрушек, производившей игрушечные крейсера, истребители и танки, сделанные по моделям, сохранившимся с времен прошлой войны. Почтенные родители, в массе своей вполне благонадежные граждане, внезапно превратились в бунтов и хулиганов. Они кричали:

— Гниды, паразиты! Видно, вам мало прошлой войны?! Что — недостаточно разжирили на нашей крови, недостаточно людей загубили?! Теперь опять за старое взялись!

Кинокомпании не снимали больше военных фильмов. Издательства не печатали романов и повестей о войне. Казалось, бесчисленные литературные герои, все эти

храбрые солдаты и гениальные полководцы, трусливо убралась подальше, как только на страну вновь упала мрачная тень милитаризма. Старые боевые песни, которые нет-нет да и звучали в кабаках, где собирались ветераны и просто люди старшего поколения, вовсе смолкли. Антивоенные настроения охватили всю страну. Но несмотря на это, в Японии и без войны разыгрывалась военная трагедия...

Жены, матери и невесты устраивали многочисленные конференции под лозунгом: «Защитим наших дорогих сыновей, мужей и возлюбленных от чудовища новой войны!»

Вообще в борьбе против мобилизации женщины были активнее мужчин. Но их активность не давала никаких результатов — люди не знали, против кого и против чего бороться.

— Мы надеемся, на этот раз вы будете с нами! — агитировали нас члены пацифистских организаций. — Во время войны вы протестовали только внутренне, в мыслях своих, но открыто так и не высказались. Нельзя допустить, чтобы трагедия повторилась. Друзья, объединимся в борьбе!

— Но против кого? — спрашивали мы.

— Разумеется, против сил войны, против военщины! — восклицали пацифисты с жаром. — Эта мобилизация — вне всякого сомнения, гнусная интрига тайных милитаристов.

— Но что же мы должны делать?

— Как — что?! Всем объединиться и сказать решительное «нет»! — кричали они. — Если вы откажетесь, мы будем бороться одни. Мы все как один скажем «нет» мобилизации, уйдем в подполье и там будем продолжать борьбу;..

Каждый день на улицах города можно было видеть демонстрации женщин с плакатами «Долой войну!», «Долой мобилизацию!». Но наши женщины стреляли холостыми зарядами, и их выступления начали приобретать истерический характер.

Мужчины были на грани отчаяния. Каждый знал: если получишь повестку, скрывайся не скрывайся, ничто не поможет. Многие пытались бежать за границу, в какую-нибудь далекую заморскую страну. Но это почти никому не удавалось. По совершенно непонятным причинам или виза оказывалась недействительной, или в тот момент, когда человек поднимался по трапу на пароход, он исчезал, как дым. Казалось, у тех, кто проводил эту чудовищную мобилизацию, была своя тайная полиция, как в довоенной Японии. Поговаривали, будто некоторые охваченные ужасом мобилизованные в тот час, когда они должны были явиться в сборный пункт, слышали бряцание сабли. И действительно, довоенные полицейские имели на вооружении сабли...

— Я, кажется, кое-что понял, — сказал мне однажды Накадзаки, побледневший и осунувшийся от тяжких дум.

Как только началась эта странная история, Накадзаки совсем забросил работу. Он целыми днями сидел с отсутствующим видом, уставившись в одну точку.

— Поняли? Что поняли?

— Да причину всех этих событий...

— Причину? — я подскочил на стуле как ужаленный. — Какие тут могут быть причины?! Это же сплошное безумие! Весь мир сошел с ума — вот единственно здравая мысль.

— У каждого безумного явления должно быть свое

объяснение, может быть, не менее безумное, чем само явление.

— Но как же можно объяснить эти таинственные исчезновения? Ведь люди исчезают на глазах у всех...

— Во-первых, внезапное исчезновение людей не такая уж редкость, — Накадзаки нахмурил брови. — В конце девятнадцатого века человек по имени Дэвид Ланг внезапно исчез на совершенно открытом пастбище в штате Теннесси на глазах членов своей семьи и знакомых. Бывали и такие случаи, когда ребенок, прыгнув с забора, словно бы растворялся в воздухе, не достигнув земли. А еще один человек в снежную ночь пошел за водой и исчез у колодца. Родственники слышали его голос, звавший на помощь. Голос доносился откуда-то сверху. На снегу остались только следы этого несчастного, а сам он, как видно, уносился все выше и выше. Голос звучал вроде бы с неба и, наконец, умолк...

— Но... — мне стало страшно, у меня застучали зубы, — это ведь отдельные случаи, а у нас массовое исчезновение людей.

— И раньше бывали массовые пропажи людей. Например, в восемнадцатом веке на Филиппинах внезапно исчезла целая армия. Через мгновение она появилась в Мексике. Вот и недавно произошел такой случай. Жители эскимосского поселка вдруг исчезли неизвестно куда. Их дымящаяся еда осталась нетронутой... Почитайте Чарлза Форда, он приводит целую кучу таких примеров.

— То есть... — я запнулся, пытаюсь подытожить то, что узнал, — вы хотите сказать, что все эти люди были поглощены иномерным пространством?

— В том-то и дело, что иномерным пространством ничего не объяснишь... Если это особое физическое явление, подчиняющееся неведомым нам законам, то как увязать

с ним такой анахронизм, как повестка для мобилизованных?

Действительно, люди у нас исчезали не просто так, а предварительно получив пресловутую повестку. Я не знал, что ему сказать.

— Есть еще одно объяснение, если допустить существование миров, параллельных нашему... — глубокомысленно изрек Накадзаки. Мне было известно, что он зачитывается фантастикой и знаком с множеством всяких бредовых теорий. — Предположим, где-то по соседству с нами существует еще один мир, точная копия нашего. Все там похоже на нас — и люди, и уклад жизни, только история развивается несколько по-иному.

— Правильно! — заорал я. — Совершенно верно! Рядом с нами существует еще один мир, где война до сих пор не кончилась! Тут и гадать больше нечего!

— Но все же и это не дает удовлетворительного объяснения, — Накадзаки посмотрел на меня пустыми глазами. — Если бы эти два мира случайно соприкоснулись, произошел бы, так сказать, взаимообмен. Но люди-то исчезают только у нас...

— Какая разница? Ведь ваша теория все равно фантастическая!

— В фантастике тоже должна быть своя логика, — пробормотал Накадзаки, уходя в себя. — Исчезновение людей — явление фантастическое, но если оно происходит, мне хочется дать ему логическое объяснение. Негоже человеку исчезать без всякой причины — это не к добру...

Повестки начали распространяться по Японии, как чума. Люди перестали сомневаться, что где-то на изломе нашего мира идет невидимая война. Да что говорить! В некоторые семьи, откуда исчезли сыновья, стали при-

ходить официальные сообщения о смерти. Города и деревни стонали от плача. Мужчины, еще не получившие новости, ходили с опущенными глазами, словно во всем были виноваты они.

— С каждым днем все страшнее становится, — сказал я жене. — Пока еще берут мужчин до тридцати лет, но, наверное, скоро очередь дойдет и до людей более старшего возраста. Если меня...

— Нет, нет! — жена так крикнула, что испугала детей. — Не хочу, не позволю! Сбежим куда-нибудь!

— Бегство не помогает, ты же знаешь, — сказал я нарочито беспечным тоном, но грудь моя наливалась противным холодом. — Слышала о довоенной тайной полиции? Как ни крутись, а из рук Министерства внутренних дел и жандармерии не вырвешься.

— Вон что вспомнил! — глаза жены гневно сверкнули. — Когда это было-то? Теперь другие времена. Нет, здесь нельзя больше оставаться. Продадим все и уедем за границу... Впрочем, и продавать не стоит. Удерем без всего, в чем есть. Может, сейчас удастся, пока ты еще не получил повестку.

— Но ходят слухи, что никому из мужчин среднего возраста не удастся выехать из Японии. А кроме того...

— Что — кроме того?

— Как же я могу уехать, когда отец, беспомощный старик, лежит в больнице?

— Вот именно — беспомощный старик! Подумай, сколько ему уже лет, со счета сбиться можно. А к тому же он еще и сумасшедший...

— Замолчи! — я вышел из себя. — Да как ты смеешь? Перед детьми!

Сердце у меня сжималось от боли. Как же ей не беспокоиться?! У нас ведь двое детей. Что жена будет де-

лять, если я вдруг исчезну? Ну что она может?.. Разве что удвоить мою страховку...

Не только нас волновали эти проблемы. Правительство долгое время не принимало никаких мер, потом, наконец, решило выплачивать единовременное пособие семьям пропавших. Но это была ничтожно малая сумма — курам на смех. А ведь в некоторых семьях, особенно в крестьянских, мобилизованный зачастую являлся единственным кормильцем. Так же как капля воды не может потушить пожара, жалкое пособие не могло спасти их от голода. Профсоюзы попытались заставить предпринимателей выплачивать жалование исчезнувших сотрудников их близким. Предприниматели заупрямились, вопрос так и остался открытым...

Потихоньку приближалось лето. Стояли ясные, погожие дни. Теплый ветерок шевелил молодую листву деревьев, потоки ярких солнечных лучей заливали город. На улицах было полно народу, магазины ломились от товаров, пестрые броские витрины манили покупателей. На первый взгляд — обычный городской пейзаж, обычная картина поздней весны. Но над всем этим кажущимся спокойствием и довольством маячила грозная тень невидимой войны.

Война, до сих пор бродившая по земле, прочно обосновалась в Японии. На улицах встречалось все меньше и меньше молодых, красивых, модно одетых парней. И однажды...

Однажды утром, когда мы пришли на работу, не успевшие отдохнуть за ночь, вконец измотанные, — в последнее время дел у нас прибавилось, не так-то просто было найти замену исчезнувшим сотрудникам, — перед нами предстал начальник отдела, обритый наголо.

— Дошел черед и до меня! — сказал он, сверкая глазами. — Я ведь офицер, связист, так сказать, представитель технических военных кадров. Вот, по-видимому, они и затребовали меня раньше вас, высоко оценив мои специальные знания.

Шеф, кажется, был пьян. Говорил он бодрым, даже веселым тоном, но за этим чувствовалась горечь.

— Решил быть покорным и мужественным. Что поделать, приходится подчиняться обстоятельствам, другого выхода нет. И потом, пока еще я ваш начальник. Вам было бы тошно смотреть, как я трепыхаюсь, — он погладил свою бритую, иссиня-черную голову и нарочито громко расхохотался. — Однажды я уже пережил это, теперь, так сказать, повторение пройденного. Если такое начинается в стране, один человек бессилен что-либо изменить. Да и все мы бессильны. Будем считать, что нам просто не повезло — родились в паршивое время...

Прошла неделя. Шеф каждый день являлся в отдел пьяный, но работал по-прежнему четко и энергично. В обеденный перерыв распевал старые военные песни. Наверно, хотел подбодрить себя.

— Буду вас ждать, ребятки! Эх вы, задохлики! Все как один сутулые. Ну да ничего, я вас выпрямлю. Таковую муштру введу, что небу жарко станет! — дразнил он нас.

Наконец, когда остался один день до его явки, он с красной лентой через плечо, как это было принято среди мобилизованных во время войны, обошел все начальство со словами прощания. Кто-то предложил достойно проводить шефа, и за несколько часов до отправки поезда — время, разумеется, было указано в повестке — мы собрались у него на квартире. В руках у нас были бумажные флажки с изображением восходящего солнца. Пришли соседи, смущенные, сочувствующие.

Детей отправили к родственникам. Жена неудержимо

плакала, закрыв лицо ладонями. Шеф, вдрызг пьяный, зеленовато-бледный, прижимал к груди старый вещевой мешок. Заплетающимся языком он произнес речь:

— Благодарю вас за великолепные проводы. Я, недостойный Кодзо Тамура, подчиняюсь приказу и готов служить его величеству, не щадя живота своего. Я готов умереть, чтобы после смерти стать демоном-защитником отечества*! Ну, мне пора!

Мы вразнобой крикнули: «Банзай!» Настроение у всех было подавленное. Шеф с упрямством пьяного приказал нам петь. И мы запели, сбивчиво, с трудом припоминая слова:

...в тот день, когда явиться
на фронт микадо мне велел,
во славу жизни пели птицы,
и утренний восток алел... **

С этой песней мы вышли на улицу. Испуганные прохожие шарахались, втягивали головы в плечи, бежали прочь и таяли в сумерках вечера. Я вдруг вспомнил, как еще гимназистом провожал на фронт отца. Когда его мобилизовали, ему тоже было за сорок. Он, ярый шовинист уличного пошиба, выпячивал грудь, гордо распрямлял плечи и оглядывался — все ли видят, какой он бравый, сильный, непобедимый. Но его тощая, неказистая фигура выглядела какой-то озябшей и удивительно жалкой. Во мне просыпалась тревога — как бы на фронте у него не возобновились похожие на эпилепсию припадки, которыми он страдал раньше... Нелепая процессия, размахивая флажками с изображением восходящего солнца, прошла по пристанционной улице, мимо многочисленных питейных

* Стереотипная речь всех мобилизованных японцев во время второй мировой войны. — *Прим. перев.*

** Песня военного времени. — *Прим. перев.*

заведений и игорных автоматов. И вот перед самой станцией шеф исчез. Мы дикими голосами крикнули: «Банзай!» и разбредлись кто куда.

Все стали воспринимать невидимую войну как факт. Предприимчивый книготорговец переиздал давным-давно ставшую библиографической редкостью «Памятку пехотинцу», и ее покупали нарасхват, как пирожки. Если мобилизации все равно не избежать, так уж лучше освежить в памяти забытую науку, чтобы «там» не так туго пришлось... Некоторые, руководствуясь такими же «гуманными» побуждениями, высказывались за то, чтоб возобновить обучение студентов и гражданских лиц военному делу.

Другие делали отчаянные и смехотворные попытки избежать неизбежного. Подобные чудаки выпивали полную миску соевого соуса или целый день висели на турнике вниз головой, надеясь одурачить военврача — а вдруг старый способ сработает?.. Но я ни разу не слышал, чтобы хоть один мобилизованный вернулся домой. Отцы и матери, желая спасти своих детей, вспомнили старую, в общем-то ненадежную уловку и поспешно отдавали вторых сыновей чужим людям, регистрировавшим их как «старших сыновей», или посылали в монастырь, где молодые парни принимали постриг. Вспомнили также, что во время войны студентов-естественников освобождали от мобилизации. В высших учебных заведениях начало твориться нечто невообразимое: гуманитарные факультеты опустели, студенты осаждали кафедры естественных наук.

На центральных торговых улицах города, внешне почти не изменившихся, полных обычного оживления, появились женщины с печальными напряженными лицами, которые просили прохожих вышить один стежок на «Поясе тысячи стежков» — старинном талисмане, якобы охраняв-

шем от пуль. Антивоенных демонстраций больше не было, вместо них время от времени маршировали процессии с национальными флагами и распевали «Именем неба», «Провожаем на фронт солдата» и прочие военные песни. Люди устали сопротивляться, они не то чтобы приняли существующее положение вещей, а просто не знали, как с ним бороться. Правительство наконец увеличило сумму компенсации семьям мобилизованных, больше оно тоже ничего не могло сделать. Праздник проводов весны вылился в невиданное всенародное торжество. Но печальное это было веселье: людям хотелось гульнуть напоследок, а не насладиться неделями отдыха.

Постепенно все приходило в упадок. Семидесятые годы, сулившие стране расцвет экономики, явились началом увядания. Мобилизованных насчитывалось теперь уже не сотни тысяч, а миллионы. Из городов почти полностью исчезли двадцатилетние и тридцатилетние мужчины — здоровые, жизнерадостные «белые воротнички». Мрачная пропасть, поглощавшая человеческие жизни, была ненасытной, и никто не знал, где ее пределы.

Наконец мобилизация захлестнула и студентов. Затем повестки стали получать подростки. Как видно, положение «на фронте» было критическим, и «там» решили, по примеру недоброй памяти войны, «высочайшим повелением» отменить отсрочку, даваемую учащимся высших учебных заведений, и снизить призывной возраст сначала с двадцати одного года до девятнадцати, а потом — с девятнадцати до семнадцати.

Молодежь с обезумевшими лицами и пустыми глазами слонялась по городу. Многие начали пить, дебоширить, хулиганить. Другие самозабвенно занимались автоспортом — лихачили, попадали в катастрофы. Наиболее силь-

ные и смелые увлеклись альпинизмом — взбирались по отвесным склонам на горные вершины, недоступные даже для опытных мастеров спорта... Конечно, и до этого подростки делали недозволенные вещи, но если раньше подобные бунтарские настроения можно было объяснить только переходным возрастом, то теперь они стали закономерными.

Пропасть поглотила не только студентов. Вскоре на ее краю очутились и люди многосемейные, и мужчины старше сорока лет, и слабые здоровьем, словом, все те, кого во время войны освобождали от воинской повинности. Пришел день, когда повестку получил Накадзаки, а потом и я.

По-видимому, «там» кончился запас стандартных, отпечатанных в типографии повесток, и теперь текст писали на телеграфных бланках. Сжимая в кулаке такой бланк с наклеенной на него тонкой красной полоской в знак высокой чести, я весь позеленел. Жена взглянула на меня и, обняв детей, разрыдалась. У меня еще теплилась слабая надежда — а вдруг пронесет, вдруг забракуют? Я ведь ужасно хилый, близорукий, без очков собственных пальцев не вижу... Но «там», как мы все понимали, дела обстояли плохо, в общий котел валили всех — и здоровяков и инвалидов. Срок, который проходил с момента получения повестки до явки, тоже сократился. Мне приказано было явиться завтра вечером...

5

Следующий день прошел в суматохе. С утра я отправился на работу, приводил в порядок бумаги и передавал дела своему преемнику. Хлопотал по начальству, чтобы мое жалованье оставили за семьей. Кроме того, надо было еще улучшить минутку и сбегать в больницу — мне хо-

телось попрощаться с отцом. Отделы нашей фирмы представляли собой печальное зрелище: тишина, пустота, за малочисленными столами сидят глубокие старики со слезящимися глазами, напряженно смотрят сквозь стекла очков. Это бывшие сотрудники фирмы, много лет назад ушедшие на пенсию и теперь возвращенные сюда насильно.

Когда этот похожий на кошмар день подходил к концу, я, совершенно измотанный, вернулся домой. Заплаканная жена шила мне пояс-талисман. Дети, присмиревшие и испуганные — наверно, мать им уже все объяснила, — сидели в углу и даже не пытались подойти ко мне. Я тоже забился в угол и повернулся ко всем спиной. Краешком глаза я видел дрожащие руки жены, делавшие стежок за стежком, и мной вдруг овладела безысходная ярость. Дочь, младшая из детей, очевидно, не выдержав напряжения, отчаянно расплакалась и кинулась ко мне.

— Папа, папочка, не уходи! Никуда не уходи!

Я крепко прижал ее к себе.

Почему, отчего происходит этот кошмар?! Мне захотелось крикнуть изо всех сил: «Какой идиот все это натворил? Где он? Покажите мне его!»

Бежать, скорее бежать! Сейчас скажу жене и... Пусть это бесполезно, но сидеть вот так и ждать — невыносимо... Возьмемся за руки все четверо и побежим куда глаза глядят...

Тут в дверь резко постучали. Мы прижались друг к другу и оцепенели. Но нет, это было еще не то. Принесли телеграмму из больницы, что отец при смерти, и срочное письмо от Накадзаки.

— До явки остается час, — сказал я жене. — Пожалуйста, вызови такси. Может, и не успею дать ему последний глоток воды, но все равно поеду.

Жена вышла, прикрывая руками опухшие от слез гла-

за, а я раздраженно и нетерпеливо вскрыл письмо Накадзаки. «Есть только одно объяснение этому.... — писал он. — Наконец-то я додумался, а до явки остается всего несколько часов... Правда, моя теория имеет смысл, лишь если допустить, что на свете существует такая сила, о которой можно только смутно догадываться. Доказать тут ничего нельзя. Но благодаря этому допущению можно дать хоть какое-то объяснение происходящему, а с меня и этого достаточно...

Я уже высказал однажды мысль о соприкосновении нашего мира с другим, параллельно существующим. Однако подобное предположение не объяснило всего с достаточной ясностью. Ведь при случайном соприкосновении или перекрещивании двух миров ни одно явление не может длиться очень долго. А то, что происходит у нас, имеет длительный и, я бы сказал, планомерный характер. Впечатление такое, будто какие-то люди действуют сознательно и организованно. Не кажется ли тебе, что причина подобного явления кроется не только в сверхфизических законах, но и в усилиях человеческой воли, направленной определенным образом?

Это единственно возможное объяснение. Мобилизация происходит по чьей-то воле! Тогда все становится понятным.

Ты наверняка слышал о парапсихологии. С древнейших времен происходит много такого, что позволяет предполагать существование телепатии и ясновидения, хотя наукой это еще не доказано. Но сейчас ученые всего мира серьезно изучают проблемы парапсихологии. Говорят, в Америке на это тратятся огромные средства. Если не ошибаюсь, в 1959 году для парапсихологических экспериментов там даже использовали подводную лодку.

В парапсихологии есть понятие психокинетики. Психокинетик одним напряжением воли может вызвать желае-

мое явление. Например, бросает игральную кость, и выходит нужное число. А наиболее выдающиеся передвигают кости одним усилием воли, не прикасаясь к ним руками.

Допустим, некий человек силой своего воображения может вызвать любое угодное ему явление. С обычной точки зрения предположение, конечно, невероятное. Но если задуматься — такая ли уж большая разница между игральными костями и людьми? Люди ведь не более чем пешки. Вот я и говорю: может быть, какой-нибудь гений в области парапсихологии и психокинетики, и притом злой гений, вертит нами по-своему и диктует свою волю целому обществу.

Вывод должен быть для тебя ясен: где-то есть человек, обладающий подобной силой, которому захотелось, чтобы так было. Человеческая душа — потемки, и, может быть, в этих потемках родилась сумасшедшая идея повергнуть нашу страну в ужас и горе, вызвать такое явление, которое всем бы казалось сверхъестественным, иррациональным. Может, ты со мной не согласишься, даже наверняка не согласишься, подумаешь — старый дурак Накадзаки рехнулся с горя. Но, как я уже говорил, это единственно правдоподобное объяснение. Недаром же говорят, будто мысль о кровопролитных войнах, принесших впоследствии горе миллионам людей, поначалу приходит в голову одному-единственному человеку...

Я не знаю конкретно, кто этот человек, но могу представить, какой он. Очевидно, это японец, уже пожилой или даже старый, судя по тому, что он отлично знает порядок проведения мобилизации и все ее этапы. Наверно, его самого погнали на фронт в конце войны, когда он был уже далеко не молод. И скорее всего, в его душе война до сих пор еще не кончилась. С другой стороны, он упрям и своеволен, он погружен в прошлое и люто ненавидит современность, послевоенные нравы, образ жизни нашей

молодежи. В свое время он, несомненно, пережил трагедию войны и поражения и теперь горит мстительным желанием отыграться на нашей молодежи — пусть, мол, парни на своей шкуре испытают, что это такое... Связав воедино все предположения, я пришел к выводу, что он уже...»

Я не стал дочитывать письма. Вне себя от ужаса я выскочил из комнаты и прыгнул в такси, которое жене наконец-то удалось поймать.

— В психиатрическую клинику! — крикнул я срывающимся голосом.

Ну да, ну да, так оно и есть!..

И как же я раньше не подумал! Какой-то человек, вздорный и злой, пожелал этого... А потом все и началось. Я собственными ушами слышал это гнусное желание, выказанное вслух. Злодей, изверг, человеконенавистник — не кто иной, как мой собственный отец! Помню, кажется, месяца за два... точно, за два месяца... до начала мобилизации я был у него в больнице. Он уже несколько лет лежал там. Я пришел как раз тогда, когда у него начинался припадок. Трясаясь всем телом, он произнес со злобой и ненавистью:

— Нынешняя... молодежь... Слюнтяи, белоручки несчастные... Видеть не могу... Всех... всех... мобилизовать!.. На войну их!.. Чтoб закалялись... чтобы знали...

Мне всегда было невыносимо тяжело смотреть на его муки. Не мог я видеть, как этот старый, очень старый, выживший из ума человек бьется в припадке. В тот раз я тоже отошел от кровати, повернулся к окну и начал смотреть на улицу. Из-за спины доносилось бессвязное бормотание. Я и не прислушивался — мало ли что больной говорит в бреду. Но сейчас его слова, очевидно, заст-

явившие все же где-то в тайниках моей памяти, всплыли с необычайной ясностью. Если Накадзаки прав...

Действительно, ведь сбывались же его предсказания! Была у него такая странная особенность: вдруг, перед самым припадком, он начинал вещать. И то, что он говорил, потом всегда сбывалось. В семье считали это своеобразным даром пророчества. Но, кто знает, может быть, он не предвидел, а вызывал явления силой своего воображения.

Помню один случай. Я был еще совсем маленький. Напротив нашего дома стоял особняк в европейском стиле. Там жило много молодежи. Модно одетые, веселые парни и девушки почти каждый вечер шумели, танцевали, бренчали на гитаре. И всякий раз, когда до нас доносились звуки музыки, смех и возбужденные молодые голоса, отца начинало трясти от ярости. Однажды, с искаженным от гнева лицом, он подошел к окну и, указывая на особняк, сказал:

— Этот дом скоро сгорит!

Ровно через два месяца случился пожар. Особняк сгорел дотла.

Да что там! Таких случаев не сосчитать. Он предсказал смерть собаки, раздражавшей его своими повадками, несчастье в доме отдаленных родственников, смену кабинета министров... И всегда он предсказывал за два месяца до несчастья.

Одно время его пророчества сбывались так часто, что он даже решил заняться гаданием. Но эта затея с треском провалилась. Дело в том, что он изрекал правду только перед самым началом припадка, похожего на эпилептический.

И если... если только казалось, что он обладает даром провидца, а на самом деле это была мощная психокине-

тическая сила, способная вызывать явления, рисовавшиеся в его воображении... и как раз за два месяца до происшествия, тогда...

Я невольно содрогнулся. В памяти всплыло еще одно его пророчество. Ровно за два месяца до начала трагических событий однажды он, в бешенстве стуча пальцем по газете, заорал:

— Пора покончить с Америкой и Англией! Давно пора! Надо задать им хорошую трепку! Таковую, чтобы больше и не оправились!

Но... разве могут твориться такие чудеса на свете?! В глазах у меня потемнело, к горлу подступила тошнота. Впрочем, чем черт не шутит, может быть, это он в свое время вызвал войну на Дальнем Востоке?..

К счастью, не все подчинялось воле отца. Наверное, он сам даже и не подозревал о своем могуществе. Тайственная сила пробуждалась в нем только тогда, когда он впадал в полубезумное состояние. Затем следовал припадок с полной потерей памяти. Если он успевал очень сильно пожелать чего-нибудь за этот короткий период, это, очевидно, сбывалось. Вот и война шла совсем не так, как ему бы хотелось. События на фронте он встречал со скрежетом зубным. Пожалуй, только одно его желание сбылось в то время.

— Я тоже пойду на фронт!— крикнул отец однажды, расстроенный и возбужденный до крайности неутешительными вестями о поражении.— Да, да, пойду! Пусть я стар, но еще послужу на благо отчизны!

Через два месяца после этого его мобилизовали и отправили на передовую.

Но если даже проклятая невидимая война действительно была вызвана отцом, я не мог его винить. Что он такое? Выходец из крестьян, мелкий служащий, забитый и жалкий. Пусть крикун, шовинист, но его шовинизм не

шел дальше обыкновенного злопыхательства и верноподданнических выкриков. Желание «побузить» осталось у него еще от времен жизни в деревне. О политических интригах, разумеется, не могло быть и речи. Иногда наша тесная квартира наводнялась какими-то подозрительными типами, похожими на завсегдатаев самых низкопробных кабаков. Они корчили из себя национальных героев, обжирали и опивали нас, а отец, слушая их маниакальные речи и геройский раскатистый смех, пыжился изо всех сил, выпячивал впалую грудь и всем своим видом старался показать, что он свой. Больше он ни на что не был способен... Бедный отец! Безысходная тоска, уныние окружающей действительности и собственная невезучесть толкали его в пекло националистических идей, граничащих с бредом душевнобольного. В конце концов он всерьез поверил, что во всех его жизненных трудностях виноват прогнивший общественный строй, который существовал в те времена в Японии. Он, как и прочие шовинисты, видел только один выход — войну. Но даже если предположить, что война произошла по воле одного человека, страшная война, принесшая непоправимое горе стол миллионному народу, то, спрашивается, кто внушил этому жалкому, забитому безумцу такую злобу и ненависть? Кто внушил ему, что необходимо расправиться с другими народами?..

На фронте, во время боя, у отца случился очередной припадок, и он попал в плен. Когда война кончилась и пленных репатриировали, к нам в дом вернулся уже не просто больной человек, а настоящий калека, нравственно и физически. Раньше он внушал нам страх, теперь это чувство сменилось презрением и жалостью. Несмотря на все пережитое, отец по-прежнему старался держаться молодцевато и обращался с нами строго. Мы, дети, за это еще больше презирали его. Его припадки участились. А к

тому времени, когда умерла мать, он наполовину потерял рассудок.

Вот уже десять лет он лежит в психиатрической больнице. Врач, мой давнишний приятель, обещал установить за ним особое наблюдение, обеспечить хороший уход и сдержал обещание. Казалось, пророческий дар отца пошел на убыль. И надо же было случиться, что в один из коротких периодов, предшествовавших очередному припадку, этот человек, уже стоявший одной ногой в могиле, вдруг сосредоточил свою волю и вызвал к жизни проклятие, долгие годы терзавшее его измученную душу!

«Всех, всех мобилизовать!.. На войну их!.. Чтобы закалялись, чтобы знали...»

Такси, с трудом преодолев заторы, образовавшиеся на улицах в часы пик, наконец остановилось у больницы. Мне оставалось всего десять минут.

— Если хотите застать его в живых, поторопитесь,— сказал главврач.— Когда начнется новый припадок, сердце больше не выдержит.

Я вихрем промчался по мрачному коридору и вбежал в палату. Отец, маленький, желтый, похожий на обтянутый кожей скелет, лежал на спине, плотно сжав тонкие бескровные губы и прикрыв глаза почти прозрачными веками. Его кадык время от времени начинал судорожно опускаться и подниматься, из горла вылетали свистящие звуки.

— Отец,— воскликнул я, хватая его за плечо.— Отец, скажи, ты сделал это?..

Его веки дрогнули и приоткрылись, хрип в горле усилился.

— Отец, послушай, отец!— у меня отчаянно билось сердце, я схватился за спинку кровати, чтобы не упасть.—

Останови, прекрати это! Умоляю тебя, перед тем как начнется приступ, пожелай, чтобы все кончилось. Прошу, умоляю тебя, слышишь? Ради детей, ради твоих внуков...

Внезапно его глаза широко открылись, и я невольно отшатнулся. Подернутые дымкой зрачки, невидящий взгляд безумца, погруженного в свой страшный мир...

По телу отца пробежала дрожь — предвестник припадка.

Я снова склонился к изголовью кровати, приблизил губы к его уху.

— Ну, постарайся, пожалуйста, постарайся! Сейчас, а то поздно будет! — крикнул я. — Собери всю свою волю и пожелай, чтобы война кончилась. Понимаешь — кончилась! Люди возвращаются с фронта домой!..

Его тонкие губы дрожали, он силился что-то сказать. Я напряженно следил за движениями этих сухих бескровных губ и вдруг заметил искривившую их странную усмешку. Мне стало страшно, я отступил от кровати. Его тело забилося, задергалось в судорогах. Только тут я понял, что он хотел сказать, и почувствовал, как меня сковывает леденящий ужас.

«Банзай его величество император!» — едва слышный шепот остывающих губ, зловещий шелест могильной травы... Вслед за тем из горла умирающего вырвался последний хрип, его тело дрогнуло и затихло.

За моей спиной звякнула сабля. Рука, взявшая меня за локоть, не была рукой больничной сиделки...

СВЕТ УТРА

— Все еще ночь? Небо еще не посветлело?— тяжело дыша спросил старик.

Какие же это были долгие годы... Как медленно тянулось время... Но сейчас старик знал — конец был уже близок. Старик готовился к этому. Что ж, он неплохо справлялся со своими обязанностями. В одиночку, но неплохо. Правда, не совсем в одиночку.

— Снаружи все еще темно? Мрак не рассеивается?— снова спросил старик.

— Пока нет. Но через час, наверно, наступит утро, — ответил его товарищ, глядя в густую черноту за окном. — Если вам неприятна темнота, я зажгу огонь.

— Нет, не нужно, Дзиро. Я хочу своими глазами увидеть свет утра.

— Здесь ночи очень длинные, — сказал Дзиро. — А вам кажутся еще длиннее, так как вы не любите темноты.

— Все это пустяки, Дзиро. Просто сегодня особенная ночь. В тех краях, где я родился, эту ночь называют новогодней, а утро, которое наступит, — утром Нового года.

— Новый год? — хрипло спросил Дзиро и замолчал.

— Да. Новый год. Я знаю, тебе это непонятно. Неважно. Мне хочется, чтобы ты меня выслушал... Видишь ли, Дзиро, каждый год — это веха в нашей жизни. Проходит год, наступает новый, и мы на год становимся старше. И так все время, пока совсем не состаримся, как я...

Старик надолго замолчал. Потом продолжал:

— Но когда-то давным-давно я был очень молод и радовался, что становлюсь на год старше. Я любил одну девушку... Ох, как давно это было... И она меня любила... Да, очень молодые мы были, совсем молодые. Почти дети... Ты слушаешь, Дзиро?

— Да, слушаю, но не совсем понимаю.

— Это неважно, ты только слушай. Так вот, мы были почти дети и не могли еще жить вместе. И поэтому мы очень хотели поскорее стать старше. И мы радовались, когда кончался старый год и начинался новый. Каждый раз под Новый год мы тайком выбирались из дома, встречались в саду и ждали восхода новогоднего солнца...

— Новогоднего солнца?

— Дзиро, бедняга, ты ничего не понимаешь, но это не имеет никакого значения. Ты только слушай, слушай, Дзиро... Знаешь, как это бывает? Сначала—ночью—небо черное, как чернила, а звезды крупные и яркие. Потом звезды начинают бледнеть. Потом на востоке, у самого горизонта появляется узенькая светлая полоска, и на сердце становится светлее... Вот этого-то света мы и ждали каждый раз... И когда наконец звезды совсем гасли и в бледно-голубом небе появлялось новогоднее солнце, мы улыбались друг другу и шли по домам. И однажды она мне сказала: «Встретим еще раз новогоднее солнце, а потом будем вместе, всегда вместе...» Дзиро, ты слушаешь?

— Да.

Но голос старика прервался. Потом Дзиро услышал какой-то странный звук — кажется, старик плакал.

— Дзиро, ты не поймешь этого... Ты никогда ничего не поймешь... Она умерла...

Дзиро растерянно молчал.

— Это очень печальная история, Дзиро. Очень печальная, самая печальная на свете... Нет ничего горше, чем

смерть любимой... Впрочем, тебе этого не понять... Потому-то я и приехал сюда. Бежал от нестерпимой печали. Бежал в края, где ночь длится почти пятьдесят часов...

— А-а...— вдруг сказал Дзиро.— Над горизонтом появился свет. Кажется, наступает утро.

Старик хотел приподняться, но мучительно закашлялся и упал на подушки.

— Дзиро, прости, не могу сам. Поддержи меня.

Дзиро помог ему.

— Спасибо, Дзиро! Ты верно и долго служил мне...

Да, небо на востоке, кажется, посветлело, но мои глаза уже застилает туман. Дзиро, скажи, мрак рассеивается?

— Да.

— В небе уже заиграли золотые лучи?

— Да.

— Края облаков стали розовыми и прозрачными?

— Да, все вокруг стало розовым.

Старик удовлетворенно кивнул.

— Благодарю тебя, Дзиро. Теперь уложи меня поудобнее и укрой. Мне холодно...

Старик лежал с закрытыми глазами. Он больше не шевелился и не спрашивал, взошло ли солнце. На его лице застыл блаженный покой.

Дзиро немного постоял около него, потом открыл дверь и вышел наружу. Свет новогоднего утра разлился по бесконечно далекой от Земли планете. На крыше хижины играли розовые блики.

Металлическая грудь Дзиро вспыхнула под лучами яркого солнца. Глупышка робот, не ведавший, что такое любовь и смерть, маленький стальной оруженосец, верой и правдой служивший своему хозяину — рыцарю, пионеру космоса, ибо так повелевал ему электронный мозг, взял ведро и зашагал вниз по тропинке к источнику. Но пить воду было уже некому.

КОРАБЛЬ СОКРОВИЩ

Господин Эн был дома, в своей квартире на десятом этаже огромного здания. Впрочем, в ближайшие дни ему предстояло распрощаться с этой квартирой. Жилось здесь неплохо, но сейчас он находился в таком положении, когда человеку остается только одно — скрыться.

Господин Эн наделал кучу долгов. В том числе он задолжал и за квартиру. Занимать больше было не у кого. Валяясь на кровати, он размышлял вслух:

— Да, все возможности исчерпаны... Больше никто не даст... И главное, ничего не придумаешь. Хоть бы какая-нибудь идея пришла, как заработать деньги! Нет, видно, такая уж у меня голова — не рождаются в ней хорошие идеи. Но... Корабль сокровищ... милый, прекрасный Корабль сокровищ, если бы ты появился!

Господин Эн сделал усилие и сосредоточился. Постепенно все прочие мысли испарились, осталась только одна — о Корабле...

И вдруг раздался негромкий стук в окно. Господин Эн вскочил с кровати. Полночь. Десятый этаж. Не может быть, чтобы стучали снаружи!

Наверно, показалось. Или это птица случайно ударилась о стекло, или шальной ветер зашвырнул в вышину сломанную ветку... Но стук повторился. Сомнений не было: в окно стучали костяшками пальцев.

Замирая от страха, господин Эн приблизился к окну.

выглянул наружу и... опешил. В синеве ночи покачивался Корабль, пришвартованный к подоконнику. Мелькнула мысль — может, произошел второй всемирный потоп...

Господин Эн протер глаза и посмотрел еще раз. Поразительно! Корабль висел в воздухе. Нет, он несколько не походил на современный воздушный лайнер — самый обыкновенный старый корабль с палубой и мачтой. На палубе мелькнула человеческая тень. Господин Эн распахнул окно и сказал:

— Что это?

Необычно одетый человек ответил:

— Посмотрите внимательней, небось, поймете.

Господин Эн принялся рассматривать корабль. Так и есть, старое судно, одномачтовое, с простым прямоугольным парусом. На парусе огромная надпись тушью — «Сокровища».

— А-а, Корабль сокровищ! — сказал господин Эн.

— Вы правы. А мы — боги счастья.

— А почему вы причалили здесь?

— Потому что вы нас позвали. Вы же всеми силами души желали, чтобы мы явились.

— Да... кажется, желал...

— К таким мы и являемся. Правда, не ко всем тем, кто нас зовет. Вы потерпели неудачу в делах, но дурных поступков не совершали и вы достойны сочувствия. К таким людям мы приходим на помощь и наделяем их счастьем.

Все это походило на сон, но сон прекрасный, и господин Эн страшно обрадовался.

— Ох, даже и не знаю, как вас благодарить... И каким же счастьем вы меня наделите?

— Это уж зависит от вас. Не стесняйтесь, просите всего, чего вам захочется. Только имейте в виду — мы можем исполнить лишь одно желание.

— Тогда...

Господин Эн проглотил чуть не сорвавшуюся с языка фразу — сумму всех своих долгов. Нельзя торопиться. Поспешишь и как раз сделаешь глупость. Этакое счастье привалило, больше никогда не повторится!

Он мысленно удвоил сумму, но вслух ничего не сказал. Потом еще будешь раскаиваться. Ведь сейчас может исполниться любое его желание... Он добавил два нуля к удвоенной сумме, склонил голову на бок, подумал и добавил еще два нуля. Пожалуй, достаточно.

— Ну, что же вы молчите? Какое у вас желание? — поторопил его бог счастья.

— Минуточку! Пожалуйста, еще одну минуточку!

Господин Эн приказал себе: не спеши, будь осторожным и предусмотрительным! Ведь желание не будет исполнено дважды. Сумма, пожалуй, подходящая, но... такие деньги! С ними потом хлопот не оберешься. Узнает кто-нибудь, что он разбогател, — ведь уйма денег, даже в комнате не уместятся... фу, даже голова пошла кругом... — узнает кто-нибудь и заподозрит неладное. Еще подумают, что он банк ограбил. Никто не поверит, что деньги получены от бога счастья, с Корабля сокровищ. Нынче перевелись люди с воображением.

Да, пришьют ему грабеж или того хуже — скажут, что он фальшивомонетчик, и конфискуют денежки. Впрочем, этого, пожалуй, можно избежать. Никто не докажет его вины. А вот от налогового управления никуда не денешься. Оно тут как тут. Чинуши и пикнуть не дадут, заберут большую часть как налог. Это уж точно. Мало того, могут потребовать больше, чем есть в наличности, заподозрят, что он скрывает свои доходы. Знает он этих людей — они всю душу наизнанку вывернут. Да, инспекторам из налогового управления палец в рот не клади, ни за что не поверят, что он назвал всю сумму.

И вообще, если хорошенько подумать, деньги вещь эфемерная.... Предположим, какая-то часть у него все-таки останется. Ну и что из этого? Он ведь может в любую минуту отправиться на тот свет. Такой уж нынче век. Несчастные случаи происходят на каждом шагу...

И тут господин Эн сразу принял решение. Молодость и бессмертие — вот что ему нужно. Какая польза от денег, если тебе суждено умереть? И господин Эн сказал: — Дайте мне молодость и бессмертие.

Бог счастья поморщился:

— Нет, только не это!

— Но почему?

— А потому, что это не дозволено человеку. Выберите, пожалуйста, богатство — можете назвать любую сумму — или карьеру, или женитьбу на красавице.

— Но вы же сами сказали, что исполните любое мое желание!

— Виноват, забыл предупредить, чего желать нельзя. Простите уж меня великодушно! Пожелайте чего-нибудь другого.

— А я не хочу другого! И настаиваю на своем желании, это мое право. Понимаете: ничего другого мне не надо!

Господин Эн разозлился и упрямо стоял на своем! Бог счастья кланялся и просил извинения. К нему присоединились все другие боги счастья. Но он только мотал головой.

— Нет, нет и нет! Слово есть слово. Дали его, так будьте любезны, держите! Сделайте меня бессмертным, вечно юным, чтобы я никогда не старел и не умирал!

Боги подумали, подумали и исполнили его желание. Господин Эн получил, что хотел. Он и сейчас молод, и через десять веков будет молодым. Однако молодость и

бессмертие против ожидания оказались не таким уж большим счастьем.

Боги вытащили его через окно и сделали матросом на Корабле сокровищ. Изю дня в день он занимается бесконечной, однообразной работой: драит палубу, чистит галюн, помогает коку и прочее и прочее. Жалованья ему не платят, выпить не разрешают, на берег не пускают, а женщин на корабле нет. Скучища! И до каких пор так будет продолжаться?! А до скончания веков — ведь он бессмертный...

РАЗВОПЛОЩЕННАЯ

В вестибюле отеля за конторкой управляющего зазвонил телефон. Звонил коридорный пятого этажа.

— Господин управляющий, — голос молодого коридорного звучал немного взволнованно, — скажите, пожалуйста, 533-й номер занят?

Управляющий бросил взгляд на доску с ключами и ответил:

— Да. Только что прибыл новый постоялец. Я думаю, он уже поднялся наверх.

— В том-то и дело! Я сам его проводил... — коридорный запнулся и секунду молчал. — Скажите, а вчера 533-й номер никто не занимал?

— Вчера?.. Минуточку... Добро пожаловать! Да, да, номер уже заказан. Прошу вас, распишитесь вот здесь, — управляющий, не выпуская из рук трубки, протянул бланк новому постояльцу. Пока тот расписывался, он свободной рукой перелистал книгу записи приезжих. — Вы слушаете? Ни вчера, ни позавчера в 533-м никто не останавливался, — управляющий подал ключ вновь прибывшему и нажал кнопку вызова коридорного. — Сейчас вас проводят. Благодарю вас покорно, желаю хорошо отдохнуть в нашем отеле... Алло! Так что там у вас с 533-м номером?

— Да понимаете, там какая-то женщина... — голос коридорного звучал совсем расстроено.

— Женщина? Странно... — управляющий недоуменно склонил голову набок. — Номер был заперт?

— Ну конечно. Я открыл его тем самым ключом, который вы вручили новому жильцу. Входим, а там — женщина...

Управляющий недоумевал. Странная история. Если это какая-нибудь искательница приключений, то что ей понадобилось в пустом номере?

— Как же быть? Вновь прибывший господин возмущается.

— Очевидно, произошла какая-то путаница. Попросите, пожалуйста, этого господина спуститься ко мне. Постарайтесь его успокоить, сейчас мы во всем разберемся.

Управляющий уже хотел положить трубку, но в этот момент чей-то голос сказал:

— Ой, ее уже нет!

Потом в трубке раздался сильный треск. Управляющий скорчил гримасу и потер ухо.

— Да что там у вас происходит? — крикнул он, выходя из себя. — Что-нибудь случилось?

Трубка захрипела снова, потом послышался испуганный голос коридорного:

— Она... она... Эта женщина... исчезла. Прямо на моих глазах... Только что была здесь... и пропала.

Из трубки донесся звук падения тяжелого предмета, крики, топот бегущих ног.

Управляющий подождал, потряс трубку, подул в нее — может быть, коридорный скажет что-нибудь еще? Но все смолкло. Он хотел было вызвать сторожей на подмогу, потом решил подождать.

Если эта особа ушла из номера, она должна сейчас появиться здесь, внизу. Управляющий посмотрел в сторону лифтов. Нет, никто не вызывал лифт наверх. Сигнальные лампочки не горели. Все было спокойно.

И вдруг... Управляющий затряс головой и протер глаза. Что такое? Ведь он же в здравом уме и твердой памяти и отлично помнит, что еще секунду наза́д ни один лифт не был занят и никто не вызывал лифт на пятый этаж. Но...

Перед дверью лифта возникла женщина!

Не вышла из лифта, а именно возникла. Управляющий не мог бы сказать, как и откуда она появилась. Он снова протер глаза. Женщина стояла на том же месте.

Стройная, красивая, молодая — лет тридцати, не больше. Отлично сшитый костюм. Высокая прическа. Ее лицо — с большим лбом, широко расставленными глазами и четко очерченным подбородком — казалось волевым.

Женщина тяжело дышала. Ее голова была немного откинута назад, руки с побелевшими, словно сведенными судорогой пальцами крепко прижаты к груди, нижняя губа закусена, ноги твердо упирались в пол. Казалось, она изо всех сил пытается удержать равновесие.

— Ну нет! Хватит! На этот раз ни за что не дамся! — хрипло крикнула она, уставясь в пустоту лихорадочно горевшими глазами. — Видишь? Вот она я! Я победила!

Постояльцы, дежурные, швейцары, продавщица цветов, мальчишка-газетчик — все, кто был в вестибюле, смотрели на нее с удивлением. Она, кажется, никого не замечала. Странная женщина. Должно быть, немного не в себе, но держится совсем не так, как обыкновенные сумасшедшие. Какая-то оригинальная разновидность помешательства.

Прошло минуты две. Женщина вздохнула с облегчением. Ее напряженные мышцы расслабились. Она постояла еще немного, тыльной стороной руки отерла со лба пот. Потом, чуть-чуть пошатнувшись, двинулась с места и твердым шагом направилась к центральному выходу.

Управляющий выбежал из-за конторки и решительно преградил ей дорогу.

— Простите, пожалуйста... — он придвинулся к ней вплотную, чтобы в любой момент можно было схватить ее за руку, но говорил крайне учтиво. — Простите, пожалуйста, не вы ли останавливались в 533-м номере?

Женщина окинула управляющего высокомерным взглядом.

— А кто вы такой? — ее голос звучал властно.

— Управляющий этого отеля, — он вежливо поклонился.

— Гм... Вот как! — она презрительно фыркнула, потом огляделась по сторонам. — Управляющий отеля... Так, значит, это отель...

— Разумеется, отель! А вы что изволили думать?

Управляющий все еще говорил вежливо, но в душе у него накапливалось возмущение. Подумаешь, какая цаца! Строит из себя невесту что. Видали мы таких! На языке у него так и вертелось — брось дурака валять, сама понимаешь, что отель, а не баня и не общественная уборная! — но он сдержался.

Женщина вдруг зашлась злым истерическим смехом.

— Вот, значит, в чем дело! Поняла, поняла! — она никак не могла успокоиться, плечи ее вздрагивали. — 533-й номер... спасибо, что вы мне напомнили. Ну да, этот номер... меня туда заманили, заманили в ловушку!

— Простите, конечно... но уж раз вы сами сказали... Позвольте узнать, как вы попали в этот номер? — управляющий почувствовал себя настоящим сыщиком. Он мысленно потирал руки — сейчас, мол, все узнаем! — Ключ от номера был у меня, номер числился свободным... Простите за нескромность, вы изволили ночевать в этом номере?

— Что вы ко мне привязались?! — глаза женщины

вспыхнули гневом. — Какое вам до всего этого дело? Хотя... если уж вас это так интересует, могу сказать, что в номере я была всего три минуты. Не верите? Спросите у горничных...

— В таком случае, позвольте...

— Отойдите! — властно сказала женщина.

Управляющий невольно повиновался, и женщина, громко стуча каблуками, вышла из отеля.

Если бы управляющий даже и хотел задержать ее, он бы все равно не смог. Его вдруг охватила странная слабость. Ноги стали ватными.

Снова зазвонил телефон. Растерянно оглядываясь на дверь, в которую только что вышла таинственная незнакомка, управляющий поплелся к конторке. Поднял трубку. Звонил какой-то мужчина. Голос страшно расстроенный, испуганный.

— Простите, пожалуйста, в вашем отеле не появлялась жейщина?.. Несколько минут назад... Высокая, красивая, в зеленом костюме... Да, молодая, лет двадцати восьми... Особые приметы?.. Гм... ну, пожалуй, подбородок выдается чуть больше обычного... И выражение лица капризное.

— Да, — сказал управляющий. — Эта дама только что...

— Немедленно еду к вам! — перебил его мужской голос.

— Алло! Алло!..

Но трубку уже положили. Оцепенение постепенно проходило. Дело, кажется, начинает проясняться. Неплохо все-таки у него голова варит — ловко он это спросил про особые приметы, прямо как в полиции...

Не прошло и пяти минут, как к подъезду отеля подкатила ослепительная спортивная машина. Мальчишка-газетчик охнул и буквально прилип к стеклянной наружной

стене, пожирая глазами сверкавший золотом и голубизной «кар». Из машины легко выпрыгнул мужчина лет тридцати, атлетического сложения красавец с крупными мужественными чертами лица. Он казался бы еще более привлекательным, если бы не аляповатая роскошь, с которой он был одет: под дорогой, но слишком яркой спортивной курткой — рубашка фантази, на шее — шелковый платок, небрежно заколотый булавкой с огромным бриллиантом. В целом фигура производила фатоватое и удивительно пошлое впечатление — типичный герой-любовник из дешевенькой оперетки. Управляющий, окинув его профессиональным взглядом, сразу вспомнил, что этот человек однажды останавливался в их гостинице. Впрочем, довольно давно. Кажется, в тот раз он был с женщиной. Может быть, та женщина и незнакомка...

— Ушла, говорите? — мужчина вытирал потное лицо тонким носовым платком. — Не заметили, в какую сторону?

— Не заметил, не могу сказать.

— Злилась, нервничала?.. Впрочем, нечего и спрашивать — конечно, злилась...

— Совершенно верно изволили заметить. Дама была сердитой. Не знаю уж, на что...

— Что же делать-то, а? Надо бы ее найти... Поладить с ней миром, а то, пожалуй, все это плохо кончится... — мужчина задумчиво теребил волосы. Потом нерешительно двинулся к выходу.

— Простите, — управляющий засеменил за ним, — если эта дама ваша знакомая, то... Она останавливалась в нашем отеле, и надо бы...

— Уплатить за номер? — сказал мужчина, оборачиваясь.

Он вывернул карманы, они были пусты. Тогда, уста-

вившись в одну точку, он начал было делать какие-то странные жесты, но вдруг опустил руки.

— Извините, у меня нет при себе денег. Очень спешил, забыл бумажник. Придется вам приехать за деньгами ко мне домой. Впрочем... если хотите, мы можем поехать прямо сейчас, на моей машине.

Управляющий не сомневался, что этот расфуфыренный парень миллионер. Но такого богатства, такой роскоши он не ожидал. Самый фешенебельный район, самая лучшая улица, самый шикарный особняк — это еще ладно. Но когда управляющий увидел три бассейна — один выложенный розовым мрамором, другой — серебром, третий — золотом, у него глаза на лоб полезли. Окончательно доконали его небольшой аэродромчик и элегантный спортивный самолет, переливавшийся всеми цветами радуги, как стрекоза.

У парадного подъезда, украшенного кариатидами, пилонами, балюстрадами, эстакадами и еще чем-то (управляющий был не очень силен в архитектурной и прочей специальной терминологии, не относящейся к соблюдению и поддержанию порядка в отеле), их встретила толпа швейцаров, лакеев и горничных. Где-то на заднем плане мелькнула шикарная красotka.

— Вот это да! Сроду не видал такой роскоши! — громко ахнул управляющий, забывая, что ему, старшему служащему солидного отеля, не подобает выражать вслух свои чувства перед возможным клиентом.

— Она не говорила, что собирается сюда? — с беспокойством спросил хозяин особняка. Его лоб опять покрылся крупными каплями пота.

— Нет, вроде бы ничего такого не говорила, — управляющий замялся. — Простите, пожалуйста, за нескромный вопрос... эта дама ваша супруга?

Мужчина посмотрел на него испуганно. Будто слово «супруга» было табу...

— Нечто в этом роде, — сказал он, покусывая ногти.

— Осмелюсь заметить, необыкновенная она, должно быть, женщина! — управляющий говорил вежливо и даже подобострастно — за долгие годы работы в отеле у него выработалась такая привычка, но он ничего не мог поделать с одолевавшим его любопытством. — Как это ей удастся появляться в запертом на ключ номере, а потом бесследно исчезать?

— Гм... заметили, значит... — мужчина, кажется, колебался. — Даете слово, что никому не скажете?

— Честное-расчестное благородное слово! Гроб, могила! — управляющий тоненько захихикал. — Так что не сомневайтесь! У нашего брата профессиональная привычка и, так сказать, золотое, хоть и неписаное правило — чтобы ни гу-гу! Храним тайны клиентов, как свои собственные. Иначе — под зад коленкой, и прости-прощай тепленькое местечко. А уж тайны, доложу я вам, такие бывают, что и...

— Дело вот в чем, — перебил хозяин этот словесный поток. — Я наделен необычными способностями. Вот смотрите!

Он вытянул руку вперед, ладонью вверх. Его взгляд секунду блуждал, словно обшаривая пустоту, а потом сосредоточился на одной точке, кажется, на центре ладони.

Управляющий, сгорая от любопытства, тоже не спускал глаз с его ладони. Прошло секунд десять. И тут случилось нечто невероятное. Сначала на ладони обозначилась какая-то смутная, расплывчатая тень. Потом ее контуры стали более четкими, и наконец она превратилась в банкнот.

— Потрясающе! — управляющий свистнул. — Гени-

альный фокус! Да вы просто талант! Впервые такое вижу! Я, знаете ли, и сам фокусник-любитель. Люблю всякие такие штучки-дрючки. Клопа, например, в шляпе спрятать. Накроешь его шляпкой-то, скажешь — «Ахалай-махалай!», потом поднимешь шляпу, а клопика-то и нет! Известно, клоп не дурак — забился в подкладку, ну, а ребятишки, разумеется, не догадываются... Или вот еще шарики железные глотаю. То есть я их не глотаю, конечно... зубов у меня сбоку не хватает, вот я туда шарик и заталкиваю. Да что говорить... В цирке еще и не то показывают. Но такого, нет, такого не видал, врать не стану! А может, вы того... гип... гипнотизер, а?

— Да это не фокус, — сказал мужчина.

Тем временем управляющий внимательно разглядывал банкнот. Со всех сторон оглядел, и так просто, и на свет. Послунявил палец, попробовал стереть краску — не стирается. Да и узор правильный. Настоящий, не фальшивый, тут и сомневаться нечего.

— Я наделен способностью овеществлять свои желания, — продолжал мужчина, беря банкнот из рук управляющего. — И ничего в этом нет особенного. Просто таким меня *сделали*.

— То есть как же это?.. Невероятно! — выдохнул управляющий, опускаясь на диван. — Впервые слышу о такой способности!

— Ну, как бы вам объяснить... — мужчина закурил сигарету с золотым обрезом. — Может, вам приходилось слышать о спиритах? Они вызывают духов... Впрочем, это совсем не то... Как бы лучше сказать... Ага, нашел! Среди душевнобольных встречаются люди, страдающие галлюцинациями. Для них галлюцинации — абсолютная реальность, хотя окружающие понимают, что это только плод их воображения. А у меня плод моего воображения ста-

новится реальностью и для других... Только и всего! Поняли?

— Понять-то понял, да не совсем... — управляющий начал усиленно тереть виски, словно у него разболелась голова. — Впрочем, это неважно. Главное, очень уж здорово у вас получается. Завидная способность!

— Вы правы! — мужчина кивнул. — Способность неплохая. Во всяком случае — очень удобная.

— А этот дом... — управляющий окинул взглядом комнату.

— Дом? К сожалению, только частично, — он опять начал грызть ногти. — С землей, например, ничего у меня не получается, как ни бьюсь.

— Не горюйте, — сказал управляющий, стараясь не показать жгучей зависти. — Подумаешь, земля — велика невидаль! Да на что она вам, если вы э-э-э... деньги делать можете? За денежки-то что хошь купишь...

— Да нет, я ведь не создаю наличные. Так и фальшивомонетчиком стать недолго.

Мужчина пристально посмотрел на банкнот, который только что создал, и он, постепенно бледнея, растворился в воздухе.

— Вы не беспокойтесь, за номер я уплачу обыкновенными деньгами... Как правило, я создаю золото, бриллианты. Тут уж никто не придерется. Их в природе сколько угодно, это вам не пронумерованный банковский билет.

Повеяло легким ароматом духов. По коридору в полупрозрачном пеньюаре прошла жутко шикарная красotka, которую управляющий видел в парадном.

«Ну и киса! С ума сойти! — подумал управляющий, провожая ее жадным взглядом. — Ну и киса! Пальчики оближешь!..»

Но пока он заворуженно смотрел вслед сказочной красавице, ему в голову пришла одна мысль.

— Позвольте... а эту даму... — у него вдруг пересохло во рту. — Нет, быть того не может!..

Мужчина кивнул, поняв его мысль.

— А почему бы и нет? И эту девочку, и швейцара, и камердинеров, и горничных тоже... А что прикажете делать? Сейчас ведь ни за какие деньги не найдешь хорошо вышколенных слуг...

— А они... кхе-кхе... это... стареют?

— Конечно, как и все люди. Если уж материализовались, то подчиняются всем законам природы. Они ведь не призраки, а живые существа, как мы с вами.

Управляющему стало жарко. Он вытащил из кармана платок и отер пот. Здесь был кондиционированный воздух, но управляющий задыхался.

— И что же, — сказал он, распуская галстук, — они, эти ваши плоды, то есть эти призраки, то есть, виноват, существа... будут жить даже и тогда, когда вы помрете?

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить, — мужчина огорченно покачал головой. — Конечно, все они живые люди и существуют в реальной действительности. Но, с другой стороны, не исключена возможность, что их существование поддерживается только силой моего воображения. Если так, они должны исчезнуть вместе со мной.

Управляющий поежился. «Гад он все-таки, — подумал он про хозяина особняка, — что же с той кисой-то будет? Такая девочка, и должна погибнуть из-за этого ублюдка?! Самого бы его придушить, да руки марать неохота...»

Мужчина начал проявлять явные признаки беспокойства. Он ерзал в кресле, его глаза бегали по сторонам, щеки то бледнели, то краснели. По-видимому, он чего-то боялся.

— Послушайте, она ничего про меня не говорила?

Управляющий впился в него сверлящим взглядом, кажется, он начинал кое-что понимать.

— Нет, ничего... Скажите, неужели вы вашу супругу...

— Что?.. Ах, супругу... ну да, нечто в этом роде... — он замолчал. Его губы дрожали. — Но ведь это не убийство! Просто я ее развоплотил. Развоплотил в буквальном смысле этого слова...

У управляющего по спине побежали мурашки. Убил или развоплотил — какая разница? Женщина-то исчезла. Нет ее, и все. Ишь ты — развоплотил! И слово-то какое мудреное придумал! Всегда так — сделает человек какую-нибудь гадость и тут же придумает для своего мерзкого поступка какое-нибудь этакое словцо. За него и прячется, как за ширму.

— Мы сначала безумно любили друг друга, — продолжал мужчина, нервно потирая лоб и щеки. — Потом я стал охладевать. Она ведь была старше меня...

— Вот уж не сказал бы! Выглядела она моложе вас, ненамного, может, года на два-три, но моложе...

— Неужели вы не понимаете? Она сохранила тот возраст, когда я ее развоплотил. Но я-то за это время старел! Вот она теперь и стала на два года моложе меня... Во всяком случае, когда мы встретились и потом, к моменту развоплощения, она была старше меня.

— Гм... да... Ну и что же?

— Да ничего... Неплохая была женщина. Мне даже нравилось, что у меня такая серьезная, рассудительная жена. Она относилась ко мне, как к младшему брату. Но в таком отношении есть своя оборотная сторона. Противно, понимаете ли, когда жена во все сует свой нос...

Управляющий кивнул, словно хотел сказать — как же, как же, по себе знаю. Хозяин дома, ободренный поддержкой, продолжал:

— Да, сначала все шло отлично. Жили, как два голубка — не надышимся друг на друга. Только благодать скоро кончилась. Ее опека встала мне поперек горла.

Туда не ходи! Сюда не гляди! Ревнивая — ужас! Мало того, еще вздумала критиковать мой вкус. И одеваюсь-то я не так, и ем не так, и на стуле сижу не так! Воспитывала, воспитывала, дохнуть не давала...

— Это что же? — управляющий почесал в затылке. — Что же получается? Сами ее придумали, сами, значит, сделали, так сказать, по заказу, а получилось не то? Ошибочку, что ли, какую-нибудь допустили?

— Ха, не так-то просто создать идеал! Обязательно упустишь какую-то деталь... Вот вы, например, пробовали когда-нибудь вообразить нечто идеальное?

— Да нет, куда уж мне! — управляющий махнул рукой. — И вообще женщина существо непонятное и лживое. В девушках-то они все хороши. Пока за ней ухаживаешь, вроде бы и придраться не к чему. А как женился — все, конец! Тут-то она и развернется. Недаром пословица гласит: «До замужества и ежика хризантемой прикинется, после свадьбы и хризантема ежихой обернется».

— Вот, вот! Про это самое и я говорю. Кого угодно взбесит, если жена начнет издеваться над его вкусами и привычками.

Мужчина подошел к стене, снял висевшее там охотничье ружье, с чрезмерной щедростью инкрустированное золотом и украшенное драгоценными камнями, и начал его любовно поглаживать. О вкусах, конечно, не спорят, подумал управляющий, но зачем этому типу понадобилось усыпать ружье, вещь серьезную, разными блестками и камешками, как булку маком?.. Впрочем, бабы все равно не имеют права вмешиваться в мужскую жизнь и издеваться над вкусами мужа.

— Она меня совсем заела! — хозяин дома никак не мог успокоиться. — Как встанет утром, так, бывало, и начнет. И в бассейн-то я не тем боком полез, и палочки для

еды не так держу, и почему ботинки слишком туго зашнуровал, и прочее, и прочее. Одним словом, топтала мое самолюбие.

— Почему же вы ее сразу не раз... раз... как это... не развоплотили? Уж если вы ее сами создали, то тут и церемониться нечего.

— А вы думаете, так легко развоплотить готовенькую, сделанную по всем правилам женщину, да еще свою собственную жену?— мужчина испуганно втянул голову в плечи.— Слышали небось про Адама и Еву? Еву-то из адамова ребра создали, уж ей бы, кажется, надо было чувствовать свое место. А на деле что получилось? Только открыла глаза и давай мужем командовать, так и вертит им во все стороны... И сама до того довертелась и допрыгалась, что бог ее из рая выгнал, и Адама за ней следом... А вы говорите...

«Прав он, еще как прав!— подумал управляющий, проживший трудную семейную жизнь.— Как только станет женщина женой, а потом матерью, нет с ней никакого сладу. До того заест мужа, что он, бедный, не знает, куда деваться. И почему так получается?»

— Да, так уж жизнь устроена, — сказал он вслух. — Жена вроде бы превращается в высшее существо, а мы — так, ни то ни се. Как же тут не скиснуть!

— Приятно беседовать с женщиной! — одобрительно кивнул хозяин. Поиграв аляповатым охотничьим ружьем, он снова повесил его на стену и снял с гвоздя старинную тяжелую пищаль. — Вот я и говорю, боялся я ее, терялся перед ней, как мальчишка, как бедный родственник, из милости взятый в дом. Даже и представить себе не можете, как я намучился, пока собрался с духом и развоплотил ее. Но наконец такой день настал. Отправились мы с ней в путешествие, и в первом же отеле, где мы остановились, я улучил момент и...

— Послушайте! Надеюсь, это было не в нашем...

— Можете не надеяться! Именно в вашем отеле, в 533-м номере. Но, насколько мне известно, я не причинил вам никаких хлопот

Лицо управляющего сделалось суровым и даже торжественным. В этот момент он почувствовал себя не просто человеком, случайно попавшим в гости к современному чудотворцу, а защитником чести мундира славного отряда слугителей отелей и гостиниц.

— Не знаю, что вы изволите понимать под неприятностями, — сказал он ледяным тоном, — но, надеюсь, вам известна добрая слава нашего отеля. Заведение это старинное, весьма уважаемое, и до сих пор ни одно пятнышко не замарало его репутации. Так что, мне кажется, вы несколько опрометчиво выбрали наш отель для проведения таких, с вашего позволения, странных опытов...

— Но я же говорил вам, что не совершил никакого убийства! — сказал мужчина раздраженно. — И к тому же ваш отель числится в моем...

Он вдруг умолк, словно не хотел говорить дальше. Управляющий тоже решил не касаться больше этого вопроса. С богачами лучше не связываться. Кто его знает, может быть, этот тип — один из держателей акций отеля?.. Управляющий заговорил о другом — интересно все-таки узнать подробности.

— А... а как же получилось, что ваша супруга сегодня вдруг опять очутилась в 533-м номере?

— Видите ли, в чем дело... Как только мне удалось развоплотить ее, я всеми силами старался не думать о ней, не вспоминать ее... — руки мужчины дрожали мелкой дрожью. — Вы, наверно, знаете, что такое страх. Когда боишься чего-нибудь, все мысли направлены только на это, в голове больше ничего не остается... Так вот, я старался о ней не думать. Средства всякие успокаива-

ющие принимал, врачам показывался, гипнозом лечился. Как только вспомню про нее, тут же напрягу волю и переключу мысли на что-нибудь другое.

У мужчины бессильно опустились плечи. Дыхание стало прерывистым. Он весь позеленел и дрожал как лист. На него жалко было смотреть.

— Первое время я держал себя в руках, денно и ночью следил за собой, — продолжал он. — Потом воспоминания о ней начали стираться. Словно ее никогда и не было. Я, разумеется, обрадовался и, как видно, ослабил самоконтроль. И надо же было...

— Сегодня... — сказал управляющий.

— Да, да! Надо же было именно сегодня прочитать эту газету! Какое-то малюсенькое сообщение, строчек пять, не больше. Но там было черным по белому напечатано — 533, не помню уж, в связи с чем приводилось это число. Но оно запало мне в душу. Понять не могу, почему так получилось. Ведь речь в заметке шла совсем о другом. Но 533... я сейчас же с удивительной ясностью вспомнил табличку на двери того номера в вашем отеле. А вслед за этим...

— А вслед за этим и все остальное! — подхватил управляющий. Он напряг память, собирая все свои знания античной мифологии, и продолжал: — Так сказать, дверь распахнулась, а за ней — ожившая Медуза-Горгона, жутко страшная баба, вместо волос у нее — черные гадюки. Охмурила она вас, тут вы все и вспомнили. Мысли завертелись в одну сторону, ну и та, Другая баба, то есть, простите, пожалуйста, ваша уважаемая супруга, сразу и возникла...

— Она непременно сюда явится! — лицо мужчины исказилось, взгляд стал безумным. — Надо принять какие-нибудь меры. Постараться договориться с ней... Вымолить прощение...

— Почему вы ее так боитесь? — спросил управляющий. — Ведь она всего только плод вашего воображения.

Вдруг в комнату ворвался какой-то посторонний шум. Кажется, у парадной двери начинался скандал. Перекрывая взволнованные голоса швейцара и горничных, слышался властный, разгневанный женский голос:

— Прочь с дороги! Это мой дом! Как вы смеее меня не пускать?!

По коридору затопали чьи-то шаги, кто-то взвизгнул, кто-то крикнул истошным голосом, потом дверь с треском распахнулась, и на пороге появилась та самая женщина. Она уставилась на мужчину испепеляющим взглядом.

— Т-т-т-ты... — дрожа так, что у него зуб на зуб не попадал, он медленно поднялся ей навстречу. — Я... я...

— Несчастный, как ты осмелился заманить меня в ловушку! — сказала женщина зловещим шепотом, от которого мороз подирал по коже. — Обмануть так подло! Сказал, что мы проведем наш второй медовый месяц, улестил меня, обвел вокруг пальца, как последнюю дурочку, и я поверила, забыла об осторожности... И ты, жалкий фигляр, выродок, развоплотил меня! Но, как видишь, я опять появилась!

— Умоляю тебя... ради самого неба, выслушай меня! — пяťсь бормотал мужчина. — Я... ты... совсем меня измучила... Ведь у меня никакой жизни не было.. Человек я или не человек, в конце концов?! Почему я должен был отказываться от всех человеческих радостей?! Мне тоже хотелось по своему вкусу...

— Ха-ха-ха! — ее резкий, отрывистый смех больно ударил по барабанным перепонкам, но тут же потонул в коврах и тяжелых шелковых портьерах. — Вот, оказывается, о чем ты мечтал! И предел твоих мечтаний — вся эта пошлятина, вся эта безвкусица! — она окинула взгля-

дом комнату. — Это же не дом, а лавка антиквара, мебельный магазин, склад театрального реквизита! Одно золото и побрякушки чего стоят! Смотреть тошно на эту претенциозную роскошь! И ты еще смеешь говорить о своем вкусе!

— Оставь меня в покое! — из последних сил крикнул мужчина. Его голос зазвенел, хотя сам он не переставал дрожать. — Я... я... я ведь не твоя игрушка!

Тут в дверях появилась юная ослепительная красotka. Презрительно сморщив точеный носик, она сказала:

— Милый, что от тебя надо этой мерзкой старухе? И как ты терпишь, чтобы тебя отчитывали в твоём собственном доме! Куда девались слуги? Гнать её надо в три шеи! Позвони, наконец, в полицию!

Лицо женщины исказилось от бешенства, но она сейчас же овладела собой и гордо вскинула голову.

— Все понятно, — сказала она с ледяным презрением. — Теперь мне ясно, почему ты меня развоплотил. Все-му виной эта... эта тварь, эта девчонка со смазливой мордочкой!

Красotka, которая была выше её сантиметров на пять и, вероятно, сильнее, съежилась под этим уничтожающим взглядом.

— Я... — мужчина чуть не бросился на колени перед своей бывшей супругой. — Выслушай меня, умоляю! Мне надо сказать тебе...

— Ну нет! — процедила женщина сквозь зубы. — Ничего я не стану слушать! Думаешь, я забыла твоё предательство? Теперь настала моя очередь. Я тебя уничтожу!

— Прошу меня извинить, — вмешался вдруг управляющий, становясь между женщиной и стеной. Он боялся, что она схватит ружье. — Уж если я невольно очутился свидетелем этой сцены, то разрешу себе сказать несколько слов. Уважаемая госпожа, мне кажется, вы...

того... ну... это... позволили себе лишнее. Ведь этот человек создал вас, и вы существовали... существуете только благодаря силе его воображения...

— Что-о?! — она взвизгнула так громко, что управляющий невольно отшатнулся.

— Успокойтесь, пожалуйста, прошу вас! Я хотел сказать, что вы всего-навсего плод воображения этого человека.

— Это он вам сказал? — женщина снова разразилась отрывистым истерическим смехом. Ее пылающие глаза были устремлены на бледного, как бумага, мужчину. — Так, значит, ты мой создатель? Я плод твоего воображения? Да как ты смел сказать такое?! Забыл, что это я, я! тебя вообразила и воплотила?!

Женщина, кажется, даже не замечала управляющего, но он снова обратился к ней.

— Позвольте, как же так... Что-то непонятно получается... Если все наоборот... то есть если это вы его создали, а не он вас, как же он мог вас раз... раз.. как это... развоплотить?

— А так! Он, — женщина указала пальцем на мужчину, — наделен силой разрушения. Он может не только воплощать вещи и людей, но и развоплощать их. Этим-то он и отличался от меня. Но это я создала его таким!

У управляющего голова пошла кругом. Глядя то на мужчину, то на женщину, он уже с трудом соображал, что происходит.

— Вы... вы хотите сказать, — язык у него заплетался, — что он — плод вашего воображения?.. Значит, вы создали его и наделили этой волшебной силой?

— Конечно, я! А что мне оставалось делать? Когда он появился, мне нужно было избавиться от моего прежнего мужа. Но я не обладала силой развоплощения, вот мне и пришлось наделить его мое собственное создание...

Управляющий весь затрясся. Куда он попал? В притон, в гнездо бандитов и убийц?..

— Он... вы... — пролепетал управляющий, едва шевеля побелевшими губами. — Вместе, значит, заодно, значит... То есть со-сообщники...

— Вот именно, — она сделала несколько шагов по направлению к мужчине. — Вот именно, сообщники. И надо же было быть такой дурой, чтобы сообщника сделать еще и своим мужем! Эй ты, приготовься! — голос ее был страшным — Видеть тебя не могу! Глаза бы мои на тебя не смотрели!

— Дорогая, что ты?! Зачем? — мужчина умоляюще протянул к ней руки. — Умоляю!.. Выслу...

Мужчина стоял все в той же позе — с протянутыми вперед руками, но фигура его вдруг начала расплываться, терять очертания, бледнеть и бледнела до тех пор, пока совершенно не исчезла. А вслед за этим исчезли дом, юная красotka, слуги, весь фешенебельный квартал, отель и даже управляющий, несмотря на его отчаянное сопротивление. Исчезло все, ибо все это было плодом воображения мужчины.

Последней исчезла женщина. Когда-то она создала мужчину, но теперь она сама была всего лишь плодом его овеществленного страха...

ПРИКАЗ О ПРЕКРАЩЕНИИ РАБОТ

1

— Послушайте, Сугиока, хотите получить специальную премию? — спросил начальник отдела по распределению работ.

Я ответил не сразу. Конечно, неплохо получить премию, но шеф обычно давал такие невероятные задания, что потом долго приходилось восстанавливать силы и душевное равновесие.

— Опять хотите воспользоваться моим не совсем обычным положением? Конечно, служащий без определенной должности всегда вроде чернорабочего... — немного помолчав, сказал я. — И что же вы придумали на этот раз?

Шеф коротко усмехнулся, взял сигарету, зажал ее между зубами, и через полсекунды она вспыхнула сама собой. Волнами поплыл густой пахучий дым.

— Да так, ничего особенного... Просто я подумал, неплохо бы вам недельку-другую провести в зеленых чащах матери-природы...

— Не виляйте, пожалуйста, шеф! Говорите прямо, к чему мне готовиться.

— Конечно, конечно... — он перелистал лежавшие на столе бумаги. — На нашей четыреста сорок четвертой стройке не все благополучно... Надо послать туда надежного человека.

— Четыреста сорок четвертая? — я мысленно перелистал картотеку. — Это, кажется, где-то в Южной Америке?

— Совершенно верно. По заказу республики Р мы строим в бассейне реки А современный город...

— Джунгли?! — у меня вытянулось лицо. — Вы что же, хотите, чтобы я отправился корчевать лес вместе с обезьянами?!

— Ну зачем же? Я думаю, в таком деле обезьянам не потребовалась бы подмога, — шеф перебросил мне толстую пачку бумаг. — На этом участке все работы выполняют роботы. Но тамошние власти не давали роботам разрешения на строительство, так что нам пришлось послать туда в качестве руководителя нашего служащего.

— Скажите, пожалуйста, какой сервис!

— Как вам известно, пять дней назад в республике Р произошел государственный переворот, — продолжал шеф, зябко поежившись. — Новое правительство расторгло наш договор на эту стройку и обязалось выплатить нам компенсацию за понесенные убытки. Рассрочка довольно надолго — на двадцать лет... Наши капиталовложения в это строительство были весьма солидными, и сейчас необходимо срочно демонтировать оборудование, иначе убытки станут непоправимыми.

— Ясно... — я просмотрел бумаги. — Но... ведь сделано еще очень мало — около одной пятой общего объема работ. Пошлите начальнику стройки приказ о прекращении работ, и дело с концом!

— Такой приказ мы послали, но он не возымел действия.

— Как так — не возымел действия?

— Понимаете, какая штука получилась, — пробормотал шеф в некотором замешательстве. — Начальник строительства исчез... на следующий день после того, как мы

послали приказ. И на экстренный вызов не ответил. Наш агент в столице Р обследовал район стройки с самолета, но начальника обнаружить не удалось, а роботы с идиотской добросовестностью продолжают работу.

— Да, неприятная история. Что же с ним произошло? Сбежал? Или, может, в катастрофу попал?

— Трудно сказать... Мы примем меры к его розыску. А в вашу задачу входит прибыть на стройку и остановить работы. По-моему, задание пустяковое...

— Оставьте ваши шуточки, шеф! — я замахал руками. — Конечно, я уже привык быть затычкой для всякой бочки, но это... Я же ни черта не смыслю в строительстве! А тут — роль начальника. И потом, я еще не дал согласия!

— Ну-ну, не волнуйтесь! — сказал он примирительно. — Вы себя недооцениваете. Вы же — голова! Мастер на все руки! Впрочем, если вам очень уж не хочется браться за это задание, порекомендуйте кого-нибудь. Ваш протеже не посмеет отказаться, хотя в душе, наверно, будет ругать вас на все корки.

Что мне оставалось делать? Не мог я никого рекомендовать.

— Ладно, — сказал я, сдаваясь, — поеду. Когда прикажете отправляться на место назначения?

— Да прямо сейчас, — ласково сказал шеф. — Я не сомневался в вашем согласии и уже передал нашему агенту в Р, что вместо пропавшего начальника стройки едете вы.

— Ну, знаете, это пахнет самой настоящей аферой!

— Да чего там, все будет отлично! — шеф неумело подмигнул. — Специальная премия!.. По высшей ставке! И вообще я вам верю, как самому себе...

Я наговорил шефу кучу неприятных вещей, но когда сел в сверхзвуковой самолет, отправлявшийся в Южную Америку, почувствовал радость от предстоящей поездки.

Я люблю свою работу. Наверно, по натуре я путешественник и искатель приключений. Гораздо интереснее выполнять какое-нибудь неожиданное задание, чем киснуть в отделах фирмы.

Наша фирма «Пионер сервис» выполняла любую работу по заказам правительства и общественных организаций. Например, мы могли организовать какую-либо выставку, построить новый университет и снабдить его профессорско-преподавательским составом, возвести город в пустыне или в джунглях. Могли даже, если требовалось, создать регулярную армию.

Разумеется, такого рода работа чревата всякими неожиданностями, и наша фирма не раз попадала в затруднительное положение.

Сотрудников без определенной должности, таких, как я, у нас насчитывалось около ста человек. Мы предварительно проходили специальную подготовку. Нашим лозунгом было «оперативность и неразборчивость в средствах». По приказу фирмы мы стремглав бросались на защиту ее интересов. Люди нервные, склонные философствовать на тему о добре и зле, не годились для нашей работы. Не годились также и люди с замедленной реакцией.

У меня было такое чувство, словно я отправляюсь в отпуск. Все мои прежние задания казались мне несравненно сложнее и опаснее. Сейчас мне предстояло встретиться не с людьми, а всего-навсего с механическими куклами.

В южноамериканском аэропорту я пересел на магнитный поезд и через два часа прибыл в столицу Р. Здесь я отправился прямо в агентство нашей фирмы.

Только что прошел тропический ливень, и жара была относительно терпимой. Громады домов казались неприступными крепостями в лучах предвечернего солнца. Республика Р несколько лет назад стала независимой, выйдя из состава государства В. Город буквально лихорадило от строительных работ. А тут еще недавний государственный переворот, накаливший атмосферу и взбудораживший умы. По улицам сновали военные, всем своим видом выражавшие готовность, если потребуется, встать на защиту новой власти.

Служащий нашего агентства увидел меня в окно и выбежал мне навстречу. Как видно, меня ждали с нетерпением.

— Страшно рад, страшно рад! — кричал он, трясая мою руку. — Наконец-то вы приехали! Я вас с раннего утра поджидаю. Пожалуйста в вертолет, у меня все готово!

— Погодите, дайте хоть отдышаться, — сказал я. — Какая бурная встреча для такой мелкой сошки, как я! Если не ошибаюсь, в мои обязанности входит всего-навсего дать команду роботам, чтобы они прекратили строительные работы?.. Может, вы меня с кем-то спутали? Я ведь на четыреста сорок четвертый объект, временным руководителем...

Я помассировал пальцы правой руки, заболевшие от его чрезмерно крепкого рукопожатия.

— Конечно, конечно, на четыреста сорок четвертый! — он заулыбался и закивал головой. — Я вас ни с кем не спутал.

— Так вот я и говорю, заданье же пустяковое: дать команду куклам, чтобы они прекратили свои игры, и все дела!

Он широко раскрыл глаза.

— Дать команду роботам?.. Чтобы они прекратили...

— Ну да! А что же еще?

— Тогда... тогда с вами случится то же, что с прежним начальником... — он не договорил и пристально посмотрел на меня. — Вы что, ничего не знаете?

— А что я должен знать?

Мне стало как-то не по себе. Что случилось с бывшим начальником? И почему со мной случится то же самое, что с ним, если я прикажу роботам прекратить работу?..

Но он ничего не стал мне объяснять. Взглянув на часы, он сказал:

— Я введу вас в курс дела в вертолете. Мне приказано доставить вас на объект незамедлительно, как только вы прибудете в Р.

Внизу тянулись сплошные черно-зеленые заросли. Сначала еще попадались поселки и отдельные хижинки, но постепенно они совершенно исчезли, уступив место буйной тропической растительности. Под нами был бассейн реки, самой большой в мире. Развернувшаяся перед глазами картина являлась наглядным опровержением известной истины, будто большие города, разрастаясь, наступают на джунгли. Джунгли остаются, ибо это... джунгли...

— Стройка казалась мне авантюрой с самого начала, — говорил служащий, стараясь перекричать рев мотора. — Четыреста сорок четвертый объект — первая работа нашей фирмы в Р... Здешнее правительство нам не доверяло. Вы даже представить себе не можете, какого труда мне стоило получить этот заказ! В конце концов нам пришлось согласиться на опытное строительство,

чтобы заслужить их доверие и на практике показать, на что мы способны...

— Опытное строительство?

— А как же иначе его назовешь? — кричал он, по-сматривая вниз. — Настоящего современного города в таком гиблом месте построить нельзя. Вы представляете себе небоскребы на болоте? Строительная площадка — сплошное болото, окруженное холмами. А в период дождей низину совершенно заливают водой, деревья и травы начинают расти, как сумасшедшие. Джунгли мгновенно сожрали бы все дома. Да и место больно страшное для человеческого жилья. Нам-то, конечно, наплевать. Наше дело сделать работу и получить по счету деньги... Но вполне можно понять новое правительство — оно поспешило приостановить строительство и не бросать миллионы на ветер.

— Вы совершенно правы! — прокричал я в ответ так же громко, как и мой собеседник. Мне очень хотелось как следует выругаться — действительно, какому идиоту понадобилась эта бессмысленная стройка?! — Я немного знаком с проектом работ. О климатических условиях там говорилось вскользь, но и этого достаточно... Жуткий климат, глухомань, болезни...

— Болезни?! — он расхохотался. — Кто думает о болезнях? Эти места славятся невиданным обилием ядовитых змей. Вот это действительно страшно! А все остальное чепуха.

— Змеи? Ядовитые? — я подпрыгнул на сиденье, словно меня уже укусила ядовитая змея.

— Да! Вы и представить себе не можете, сколько там этих гадов! Коралловые змейки, куаймы и еще какие-то покрупнее, метров до трех длиной, забыл, как называются. Они терпеть не могут яркого света. На электрический фонарь бросаются молниеносно. А гремучие змеи? А ана-

конды? Эти, правда, не ядовитые, но сожрать могут за милую душу... Да что говорить! Если бы только змеи... Там еще полно клещей, скорпионов, пауков, мух, малярийных комаров и прочей нечисти...

— Перестаньте!

— Простите, пожалуйста! — сказал он, поворачивая руль. Мы начали удаляться от реки. — Это я все к тому говорю, чтобы вы поняли, как там необходимы роботы. У нас там роботы особые, простые не справились бы. А у этих «повышенный трудовой инстинкт». Программа на весь срок работ. Никакого дополнительного управления не требуется.

— Постойте... — Наконец-то до меня кое-что дошло. — И мне придется иметь дело с этими особыми роботами?

— Разумеется! Других там нет.

— И заставить их прекратить работы?

— Да.

— Но это же невозможно! Уж я-то знаю! — крикнул я. — Если попытаться остановить этих механических фанатиков, они... — все мое тело покрылось липким холодным потом.

Тайна прояснилась. Мой несчастный предшественник попытался остановить этих чудовищ в их неумном стремлении продолжать работу. Не знал он, что ли, с кем имеет дело? Или забыл, на что рассчитана их программа?.. Бедняга! Хотел выполнить приказ фирмы и... пропал без вести.

Я вспомнил ласковый голос начальника отдела распределения работ. Мерзавец! Заманил меня в ловушку!

И какая страшная ловушка! Попался я, как рыба на крючок, а в качестве наживки — специальная премия по высшей ставке. Разве шеф, эта старая, хитрая лиса, стал бы хлопотать о такой премии, если бы задание было

обычным?! Но я-то, я-то идиот! Разум у меня отшибло, что ли? Поверил, что меня посылают с единственной целью — «провести недельку-другую в зеленых чащах матери-природы»!

Я дотронулся до плеча моего собеседника.

— Дорогой друг, поворачивайте назад. И побыстрее! Я должен еще раз переговорить с начальником отдела распределения работ.

Но он притворился, будто ничего не слышит, и повел вертолет на снижение.

— Говорят вам — назад! — заорал я.

— Ничего не выйдет! — крикнул он в ответ. — Кому-то все равно нужно ехать. А наша главная контора характеризовала вас как самого подходящего для этого дела человека...

Я внутренне бушевал.

— Собирайте свои вещи, — сказал он. — Вот он, четвереста сорок четвертый объект.

Внизу, среди моря зелени, показался круг правильной формы — строительная площадка. Краны, еще какие-то механизмы, горы материалов. Несколько недостроенных небоскребов. В грязи, между арматурой, снова-ли черные точки. По мере снижения вертолета они приобретали все более четкие контуры. Это и были роботы.

Я смирился с участью, мысленно готовясь к самому худшему. Впрочем, вру. Как только я увидел стройку, меня охватил знакомый азарт — сладкое и тревожное чувство. Ну что ж, мне предстоит еще одна встреча с неизведанным. Почти не отдавая себе в этом отчета, я уже горел желанием вступить в бой и победить. Вот она, прелесть работы сотрудников без определенной должности!

Уж что-нибудь да я придумаю! Обязательно найду какой-то способ обуздать этих не в меру ретивых роботов! Мы еще посмотрим — кто кого!..

Надев форму руководителя строительства, которую мне выдали перед путешествием, — комбинезон из эластичной ткани, — я вышел из вертолета.

Мои ноги по щиколотку погрузились в зловонную жижу. Но влага не проникла сквозь защитную ткань комбинезона.

Я огляделся.

Стройка огромная, гораздо больше, чем казалось с воздуха. Очищенная от деревьев площадка тянулась до самого горизонта. Зрелище довольно унылое: грязь, островки травы, бетон, стройматериалы. Роботы были заняты своим делом и не обращали ни малейшего внимания на вертолет. Сотни механических кукол самозабвенно работали...

Впрочем, работали не все.

Ко мне направлялся робот. Он шел очень быстро, его цилиндрическое туловище слегка покачивалось, голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Меня вдруг охватил жуткий страх — засосало под ложечкой, к горлу подступила тошнота. Но я тут же взял себя в руки. Чего испугался, дурак? — говорил я себе. — Это всего-навсего машина, машина, машина! Машина, созданная человеком. И все-таки мне хотелось повернуться и броситься назад, к вертолету.

Нет, так не годится! Моя задача — обуздать этих механических тварей. Значит, с самого начала надо взять инициативу в свои руки. Сделав усилие, я твердо зашагал навстречу роботу. Под моими ногами все так же противно хлюпала вязкая жижа.

За спиной послышался рев мотора: это стартовал вертолет.

Робот повернул ко мне свою голову из нержавеющей стали. Его пластиковые губы зашевелились.

— Вы руководитель работ? — раздался скрипучий голос. — Назовите вашу фамилию, имя и служебный номер.

— Что?! — совершенно потрясенный, я оглядел это трехметровое чудовище, оснащенное по последнему слову техники. — Что еще за фокусы? Почему я должен называть себя?

— Для уточнения, — проскрипел робот. — Мы должны знать, тот ли вы человек, о котором сообщили из главной конторы. Вы меня поняли?

Неслыханно! Что за наглый тон! Мне в голову бросилась кровь. Если с самого начала будешь стоять по струнке перед этими куклами и отвечать на их вопросы, это добром не кончится. Они такого начальника в грош ставить не будут.

— Ты сам сначала представься!

— Нет, вы должны сделать это первым.

— Интересные дела! — я возмущенно пожал плечами. — А если я не представляюсь?

— Я вас уберу.

— То есть это как же?..

— Если вы не назовете своей фамилии, имени и служебного номера, значит вы самозванец, а не законный начальник строительства. Следовательно, никакого касательства к нашим работам не имеете. А все посторонние предметы мы обязаны устранять со стройплощадки.

Ну и ну!.. Не очень-то приятно, когда тебя называют «предметом», да еще «посторонним». И кто называет! Но робот уже прогнул руки в мою сторону.

— Эй ты! — заорал я, шарахаясь от него. — Прекрати немедленно! Как ты смеешь!

Робот молча шел на меня.

— Ладно, — пробормотал я, отирая со лба пот, — скажу. Я — Сугиока Цутому!

— Служебный номер, пожалуйста.

— СХ-88!

Робот опустил руки.

— Проверка окончена, — он повернулся ко мне спиной. — Прошу следовать за мной.

— Куда?

— Я проведу вас в кабинет начальника строительства.

Мы подошли к одному из маленьких домиков на краю строительной площадки. Поднялись по узкой бетонной лестнице.

Распахивая дверь в конце коридора, робот сказал:

— Вот ваш кабинет.

Я осмотрелся.

Довольно большая комната, метров около тридцати, наверно. Высокий потолок, огромное окно, из которого видна вся стройка.

Кровать, книжная полка, разная аппаратура, экраны связи с главной конторой. За полиэтиленовой занавеской, очевидно, ванна и туалет. Комната похожа на аккуратно прибранный номер в старомодном отеле.

Что ж, не так плохо. Жить вполне можно. Что-то будет дальше?.. Я обернулся к стоявшему у порога роботу:

— Эй, ты!..

— Меня зовут не «Эйты», а 444-1, — произнес робот голосом, лишенным всякого выражения. — Цифра 444 указывает на номер объекта, а цифра 1 обозначает занимаемое мной положение. Я — контролер на этой стройке.

— Что? Контролер? — растерянно переспросил я. — И что же ты делаешь?

— Начальник стройки осуществляет контакт с рабочими через меня. Я передаю по радио все приказы, касающиеся строительных работ. Такая мера необходима для того, чтобы все трудовые процессы были строго координированы...

Кажется, он собирался сказать еще что-то, но я его перебил.

— Речи будешь произносить на митинге, — мне ужасно хотелось хорошенько дать ему по стальной нержавеющей морде. — Скажи лучше, в чем заключаются мои обязанности.

— У начальника стройки, как у каждого начальника, есть свои обязанности, — затараторил робот. — Сообщаю ваши обязанности: в пять часов подъем, в пять тридцать заслушивание доклада робота-контролера, на доклад отводится ровно час, то есть он заканчивается в шесть тридцать. В семь тридцать завтрак, с восьми до девяти пятидесяти первый обход стройки. В десять часов связь с главной конторой...

— Хватит! — я замахал руками. Ужасно многословный робот! — Говори не так быстро!

— Простите.

— Повтори все сначала, я буду записывать. А то ничего не запомню. У людей, знаешь ли, память не очень хорошая.

Первый поднял руку и указал на стену.

— Здесь есть таблица с точным указанием всех ваших обязанностей.

Действительно, на стене между телеэкраном и щитком с приборами висела небольшая пластмассовая табличка.

Ну и олух этот контролер! Не мог сразу показать!

Я пошел было к стене, но тут же испуганно обернулся: робот вставлял ключ в замочную скважину.

— Ты что это делаешь?

— Запираю дверь на ключ, — бесстрастно произнес Первый. — Начальник стройки должен быть защищен от всяких опасностей. Я буду охранять и полностью опекать вас.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

— Куда ты?! Да погоди же, постой!

Я отчаянно забарабанил кулаками по толстой стальной двери, изо всех сил дернул ручку. Разумеется, все было бесполезно.

— Открой!

— Мне надо идти. Я открою, когда приду опять.

Отвратительный скрипучий голос замолк. По коридору протопали тяжелые шаги.

Кошмар!

Значит, я — заключенный... Настоящий заключенный!

Пошатываясь, я отошел от двери и, совершенно обесиленный, повалился на стул.

Нет, с этим мириться нельзя! Необходимо что-то придумать. Мой взгляд случайно упал на табличку-расписание.

«Обязанности начальника стройки». Все расписано по часам и минутам, еще более подробно, чем говорил робот. Но не это привлекло мое внимание.

Поля таблички были испещрены какими-то записями, сделанными от руки.

Я подошел поближе и попытался прочитать эти записи. Не тут-то было! Закорючки, немыслимые каракули, прерывистые линии и точки и лишь кое-где более или менее разборчивые слова. «Помогите», «На помощь!», «Убивают!» — прочитал я. Ну и ну!

Вообще-то похоже, что писал сумасшедший... Раньше в этом кабинете жил мой предшественник. Тот самый,

который пропал без вести, как говорили в главной конторе. Значит, это он писал. Больше никому.

Может быть, он под конец, не выдержав заточения, сошел с ума. И теперь такая же участь ждет меня?..

Ну нет! Со мной подобного случиться не может! Видно, бывший начальник был слабонервным.

Чтобы хоть как-нибудь отвлечься, я посмотрел в окно.

В тропиках почти нет сумерек — ночь наступает сразу вслед за днем. Где-то у горизонта, на границе стройки и джунглей, еще играли солнечные отблески, а здесь, в котловине, уже была темень. Между каркасами небоскребов сновали роботы, освещенные призрачным светом люминесцентных ламп. Я не мог отыскать среди них Первого.

Недобрые предчувствия овладели мной с новой силой.

4

— Пожалуйста, вставайте! Пожалуйста, вставайте! Пожалуйста, вставайте...

Я так и подскочил. Нестерпимо громкий голос, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, безжалостно прогнал сладкий предутренний сон.

Над моей кроватью стоял Первый. Дверь в комнату была распахнута.

Солнце уже взошло; за окном, на месте вчерашних каркасов, высились вновь возведенные стены. Эти подлые твари, должно быть, работали всю ночь.

Я заскрипел зубами. Приказ о прекращении работ еще не отдан. Значит, потрачено несколько лишних тысяч тонн стройматериалов! Значит, несколько миллионов иен улетучилось как дым!

Первому не было никакого дела до моих треволнений. Он хорошо знал свои обязанности.

— В пять тридцать я приступаю к докладу о ходе выполнения работ,— продолжал он.— В вашем распоряжении полчаса. За это время вы должны успеть сделать все, что положено делать человеку после сна...

— Ах ты мразь! Туда же — рассуждать о человеке!

— Почистите зубы, примите душ и не забудьте совершить свои естественные отправления...

— Убирайся к черту!..

Расписание было очень жестким. У меня не оставалось ни одной свободной минуты. Я едва успел ополоснуть лицо, как Первый уже приступил к докладу, обильно уснащенному цифрами и специальными терминами. Потом последовал завтрак — безвкусные блюда из пищевых концентратов. Пока что я беспрекословно подчинялся моему мучителю, не желая раньше времени вызывать подозрения. Исподтишка я наблюдал за ним и ждал подходящего момента, чтобы начать переговоры.

В восемь часов робот ненадолго ушел и вернулся с каким-то странным костюмом, напоминавшим космический скафандр: комбинезон, покрытый тончайшей металлической сеткой, герметический шлем.

Я скорчил гримасу.

— Я должен надеть все это?

— Да. Это защитный скафандр. Ваш форменный комбинезон в какой-то мере может предохранить тело, но не настолько, чтобы исключить всякую опасность внешних воздействий. Во время обхода начальник стройки не имеет права появляться без защитного скафандра.

— Ясно...

Мы вышли под открытое небо. Сумасшедшее тропическое солнце резануло меня по глазам. Воздух звенел от зноя.

Я и раньше бывал в тропиках, и мне казалось, что уже ничто не может поразить моего воображения. Но я ошибался. Перед моими глазами развернулась гигантская батальная сцена: железо и бетон отчаянно защищались от наступавших на них красной вязкой глины и буйной зеленой растительности.

Да, как видно, джунгли готовились дать последний решительный бой. Человек и посланные им роботы, вооруженные всем, чем только может вооружить современная наука и техника, вгрызлись в самое сердце дебрей, и природа на время отступила. Но в ней уже разрасталось зеленое бешенство, и джунгли собрали все силы для прыжка, словно ждали, когда стройка позволит себе передышку хотя бы на один час. Над нашими головами в доказательство этого прозвучал отвратительный визгливый хохот обезьян. Под ногами, в двух шагах от экскаваторов, копошились змеи, в лужах поджидали добычу маленькие рыбешки с острыми, как бритва, зубами, которые, говорят, за полчаса могут дочиста обглодать корову.

Теперь я понял, почему на четыреста сорок четвертом объекте работали одни только роботы. Человеческим возможностям есть пределы, ибо человек смертен. А здесь смерть подстерегала все живое на каждом шагу. Я с невольным уважением посмотрел на роботов, этих бездушных трехметровых чудовищ, которые давили стальными подошвами копошившихся внизу гадов и были совершенно безразличны к любым колебаниям температуры.

Как же прекратить это бессмысленное строительство?.. Я шагал рядом с Первым, слушал его объяснения, а голову все время сверлила одна мысль — что делать, что делать?.. Роботы были фактическими хозяевами стройки. Они управляли машинами, месили бетон, работали на подъемных кранах. И, казалось, не было такой силы, которая могла бы их остановить,

Кончив обход, мы уже собирались вернуться, но я невольно остановился, привлеченный необычным зрелищем. В грязи, среди похожих на могильные камни железобетонных свай, лежал робот. Над ним склонились два других — сняв наружную стальную пластину, они копались в его груди.

— Что случилось?— спросил я.

— Перегрев,— ответил Первый.

— Как так перегрев?

— У него вышла из строя схема связи из-за перегрева, наступившего от перегрузки. Здесь очень неблагоприятные условия, перегрузка опасна, а я требую — работать на полную мощность. Этот не вынес перегрузки.

Какая нелепость! Мало того, что мы попусту расходует тут стройматериалы, так еще и роботы портятся! Мне прямо нехорошо стало, когда я подумал, какие убытки понесет наша фирма.

— Ты представляешь себе,— сказал я резко, оборачиваясь к Первому,— во сколько обходится создание одного робота? Дороже, чем постройка реактивного лайнера!

— Я знаю.

— Ах, знаешь?! Почему же ты тогда выжимаешь из них полную мощность и допускаешь перегрузки?

— Сроки строительства очень жесткие,— ответил он своим обычным монотонным голосом. — В настоящее время мы немного отстаем от плана, а кроме того, сезон дождей в этом году по прогнозам должен наступить несколько раньше обычного. Но я при любых обстоятельствах должен закончить строительство в срок. Приходится жертвовать роботами.

— Срок, срок! Кому нужен этот срок при таких огромных потерях. Я приказываю тебе свести потери до минимума. И вообще разумнее всего было бы прекратить это строительство!

— Предупреждаю,—сказал он вдруг скороговоркой,— воздержитесь от высказываний, которые могут вредно повлиять на ход работ!

— Да как ты смеешь рассуждать?!— взорвался я.— Кто здесь в конце концов начальник?! Отвечаю за стройку я, и ты должен беспрекословно исполнять все мои приказания!

— Я подчиняюсь начальнику только в том случае, если его приказы приносят пользу для стройки,— сказал Первый. Теперь его голос звучал тоном выше.— Предупреждаю вас вторично: воздержитесь от высказываний, которые могут оказать вредное влияние на ход работы. Иначе я буду вынужден принять соответствующие меры.

Я замолчал, в бешенстве сжимая кулаки. Все во мне кипело, но я был бессилен.

Роботы, оставив надежду починить своего коллегу, снова остервенело принялись за работу. «Труп» уже наполовину засосало грязью.

Потянулись унылые, похожие друг на друга, словно близнецы, рабочие дни.

Я и сам наполовину превратился в робота, работая по расписанию, как заведенный. В пять подъем, потом доклад, завтрак, обход стройки, связь с конторой, обед, снова обход, снова доклад... К десяти вечера я валился с ног от усталости. Мне было уже наплевать, что Первый держит меня под замком. Не все ли равно, как спать вконец измученному человеку — при открытых или закрытых дверях?.. В такой чудовищно напряженной обстановке придумать что-либо было совершенно невозможно.

Конечно, во время обходов я мог не слушать объяснений Первого и пытался собраться с мыслями. Но и это не удавалось. Мозги плавились от зноя, я с трудом вытаскивал ноги из красно-рыжей жижи, от буйной зелени, подступившей к самым границам стройки, мельтешило в

глазах, а сновавшие вокруг металлических псевдочеловеки вызывали такое отвращение, что хотелось плакать.

Если бы здесь был хоть один человек кроме меня! Если бы вместо этой бездушной махины, величавшей себя контролером, было существо из плоти и крови! С человеком, даже одержимым одной идеей, даже сумасшедшим, всегда можно договориться. Можно найти слабые струнки в его душе, можно воззвать к его чувствам. Но у роботов нет чувств. Когда я пытался говорить с Первым намеками, он, ничего не понимая, молчал, как пень, а если я высказывался напрямик, он повторял снова и снова: «Я вас еще раз предупреждаю...» Моя мечта покончить это дело одним героическим ударом развеялась как дым.

Я попытался установить контакт с другими роботами — может быть, они окажутся не такими фанатиками и согласятся на саботаж. Но выяснилось, что они вообще не могут общаться с людьми. Такими способностями обладал только Первый.

Тогда мне пришла в голову мысль о создании помех на тех радиоволнах, на которых Первый передавал приказания другим роботам. В принципе это было возможно, но существовало два «но». Во-первых, мой тюремщик наверняка быстро нашел бы помехи и устранил их, во-вторых, для создания таких помех мне пришлось бы разобрать и смонтировать заново всю радиоаппаратуру. А времени для этого не было.

Но самым странным во всем этом кошмаре было поведение главной конторы. Начальник отдела распределения работ ни разу не появился на экране. Мои доклады принимал служащий строительного отдела. Каждый день с девяти до девяти тридцати он молча выслушивал меня, делая пометки в блокноте. Хоть бы одно слово сказал, хоть бы ободряюще улыбнулся! Казалось, он даже и не подозревает об истинном положении вещей, словно все

идет как положено и наша задача — поскорее закончить строительные работы. Может быть, он боялся повредить мне каким-нибудь неосторожным замечанием — ведь Первый все время торчал за моей спиной, — да я и сам открыто не высказывался, а лишь строил гримасы и делал намеки... Но все же человек должен бы понять другого человека!

Видимо, фирма махнула на меня рукой. Велика важность — одним сотрудником без определенной должности будет меньше! Впервые в жизни я ощутил, что значит настоящее одиночество. Далекая от родины чужая земля. С одной стороны проклятая стройка, отданная в руки механических человекоподобных существ, с другой — непроходимые дебри, кишашие отвратительными гадами.

И все-таки я не терял надежды. Должна же существовать какая-то возможность положить конец этой чудовищной бессмыслице! Конечно, проще бежать с поля боя, чем ломать себе голову над сложнейшей задачей, но я не мог этого сделать. Не позволяла профессиональная гордость.

Я предельно сократил время сна, используя лекарство, которое прихватил с собой перед отъездом. Таким образом мне удавалось выкраивать ночью часок-другой. Я составил таблицу способностей и возможностей Первого. Общение с ним в данном случае сыграло положительную роль.

Но результат оказался далеко не утешительным. Первый принадлежал к числу тех роботов, которых не может остановить никакая сила, включая создавшего их инженера, пока они не выполнят всю заложенную в них программу.

Я не хотел смириться, но начало сказываться ежедневное недосыпание. Мои силы были на пределе.

Я сидел глубоко задумавшись. Из полужабытия меня вывел громоподобный голос Первого:

— Внимание: время доклада! Время доклада!

— А-а?

Я приоткрыл тяжелые веки, и Первый сейчас же затараторил:

— Близится сезон дождей. С сегодняшнего дня придется повысить норму выработки на каждого робота.

— Как?— я испуганно посмотрел на Первого.— Нормы и так чудовищные, куда же еще повышать?

— Да, нормы очень высокие, роботы работают на износ, но темпы строительства повысились.

Я вспомнил, что в последние два-три дня, занятый своими мыслями, я совсем не вникал в смысл докладов.

— Постой... Работают на износ, говоришь? А в чем это заключается?

— Сегодня двадцать роботов вышли из строя. По моим расчетам, завтра выбудут не менее двадцати четырех.

— Сейчас же прекрати это безобразие!— заорал я вне себя и вскочил, опрокинув стул.— К черту темпы строительства! Надо беречь роботов! Ты можешь сообразить своей дурацкой башкой, какие это убытки?! И вообще я приказываю немедленно приостановить все работы!

Только тут я спохватился. Последнее сообщение контролера вывело меня из себя, на какой-то миг отказали сдерживающие центры. Но теперь было уже поздно.

Несколько секунд Первый молчал. Потом сказал:

— Вы обвиняетесь в попытке учинить беспорядки на стройке.

— Послушай!

— Наша основная задача — завершить строительство в назначенный срок,— речь Первого все убыстрялась.— Вы как руководитель должны всячески этому способствовать. Однако ваше последнее высказывание содержит в

себе опасность срыва работ. Ставлю вас в известность, что с сего момента наша связь будет односторонней: я отключаю свой слуховой аппарат и не буду слушать того, что вы говорите...

— Погоди!..

— Однако,— продолжал он, не обращая на меня ни малейшего внимания,— помимо высказываний, во всем остальном вы ведете себя как и положено начальнику стройки. Поэтому я буду неукоснительно выполнять все мои прочие обязанности по отношению к вам.

Первый сделал какое-то быстрое движение, в груди у него что-то щелкнуло.

— С этой минуты я больше не слышу ваших слов, а все остальное остается по-прежнему.

Все это время я стоял в полной растерянности, как настоящий идиот, и только тут понял, что произошло.

— Да погоди ты! Я погорячился! Ляпнул не подумав...

Но все было напрасно. Первый уже отключил свой речевосприниматель. Я мог орать сколько угодно — он меня не слышал.

Теряя последние силы, я повалился на стул. Первый подошел ко мне и начал докладывать.

Да, это была самая настоящая односторонняя связь.

6

— Вставайте! — гремело в моих ушах. — Время доклада!

Я поднимался с мучительным стоном. Теперь, когда Первый не слышал меня, я мог кряхтеть и стонать сколько угодно — мое самолюбие от этого не страдало.

Чтобы снова не попасть впросак, я делал вид, будто внимательно слушаю доклад, и даже кое-что записывал в блокноте.

Первый орал над самым моим ухом, и мои барабанные перепонки едва выдерживали. Но разве эта дубина имела представление о такой вещи, как барабанные перепонки?!

После доклада он поволок меня на обход.

С каждым днем мое положение все больше приближалось к положению грешника, приговоренного при жизни к адским мучениям. Я видел, как на хлипкой и вязкой глинистой почве растут железобетонные конструкции, как стройка пожирает груды материалов, как один за другим выходят из строя роботы... Удивительно, что я до сих пор еще не сошел с ума. Но в один прекрасный день я почувствовал, что начинаю выходить за пределы нормы.

Солнце ежедневно вставало над джунглями. Может быть, над нашим болотом занималась заря славы?.. В темно-зеленых зарослях беспрерывно кричали дикие звери. Но даже их голоса — голоса живых существ — стали для меня родными и казались куда приятнее, чем механический скрип роботов.

Наступил сезон дождей. Сначала короткий дождь шел один раз в день. Потом ливни стали сильнее и продолжительнее.

Начала прибывать вода. Ее уровень с каждым днем повышался. Недаром служащий нашего агентства в Р. говорил, что в период дождей здешние места превращаются в настоящее болото.

Все дома в котловине строились на пятиметровом фундаменте. Темп работы все убыстрялся. Под сплошной завесой дождя роботы крутились как бешеные. Каждый час несколько выходило из строя.

Как же поступить? Надо остановить работы во что бы то ни стало. Временами во мне вспыхивала энергия, но тут же гасла, уступая место все возраставшей слабости.

«Непременно справлюсь, непременно справлюсь!» — твердил я себе, но уже понимал, что эти слова — пустое закланение.

Однажды, когда я, достав из шкафа защитный комбинезон, стал натягивать его на себя, Первый сказал:

— С сегодняшнего дня ваш обход стройки временно прекращается.

— Прекращается? — сказал было я, но тут же замолчал, вспомнив, что он меня не слышит.

Впрочем, он еще не исчерпал запаса слов, заготовленных для данного случая.

— Сегодня уровень воды на стройке повысился до одного метра десяти сантиметров, и, надо полагать, еще будет повышаться. Выходя наружу, вы подвергаете себя опасности, поэтому обход отменяется до того дня, когда уровень воды не будет превышать пятидесяти сантиметров. Защитный комбинезон я отнесу на склад, там он лучше сохранится.

Первый взял комбинезон, вышел, запер дверь и затопал вниз по лестнице.

Я очутился в полной изоляции.

Делать было абсолютно нечего. Я целыми днями неподвижно сидел на стуле, обхватив колени руками, и смотрел в окно. Иногда я словно пробуждался, но тут же думал, что такое состояние, пожалуй, самое лучшее при данных обстоятельствах, и снова погружался в полузабытие.

Вся строительная площадка походила теперь на огромное затянутое зеленой ряской озеро. В воде плавали яркие красивые рыбы. Кое-где поднимались цветы, похожие на лотос.

... Проиграл... Проиграл...

В моем сумеречном сознании жило одно только это слово.

Человеку далеко до этих роботов. Во мне нет и десятой доли их целеустремленности...

Над водой все так же возвышались фундаменты. Постепенно вырастали стены. Роботы, серые в струях дождя, прыгали с одного фундамента на другой, иногда срывались и тяжело падали в болото, но тут же снова карабкались вверх, цепляясь за каркасы недостроенных зданий. С их громоздких, облепленных водорослями тел водопадом стекала вода. Змеи и ядовитые вьюны, прилипшие к их ногам, соскальзывали вниз и исчезали в глубинах болота.

Я уже давно не поддерживал связи с главной конторой. Лишь иногда, принуждаемый Первым, садился перед включенным экраном и беззвучно шевелил губами. Что я мог сказать? Там бы меня все равно не поняли. Да и вряд ли я сумел бы связно изложить свои мысли.

А дождь все лил и лил... От гнилого болота поднимались ядовитые испарения. В воздухе пахло плесенью и гнилью. Хваленая установка для кондиционирования воздуха работала плохо.

Мне снились сны.

... В комнату вплывали рыбы. Их чешуя сверкала серебром. Потом они превращались в роботов. Я брал молоток и разбивал их головы, одну за другой, одну за другой...

Сон и явь мешались. «Подъем! Время доклада!» «Связь с главной конторой...» «У вас страшно быстро растут ноги. Смотрите — их уже пятнадцать...» «Еда — это строительный материал для клеток человеческого тела...»

Сон — явь. Сон — явь...

...Смеются водоросли. Окно открывается, на подоконник ложится маленькая рыбка, которая за полчаса может обглодать корову, и приветствует меня: «Добрый вечер!»

Первый сует мне какую-то таблетку, но на моей ладони она начинает сиять, как солнце, и исчезает...

А время шло. И строительство, совершенно независимо от моих ощущений, продвигалось вперед.

Число роботов резко уменьшилось. А те, что уцелели, изменились до неузнаваемости. На них жалко было смотреть. Среди них не было ни одного исправного. Первый теперь работал наравне со всеми, за исключением времени, отведенного на доклад и на мое питание. Он, кажется, хромал, на его боках были вмятины.

Тем не менее роботы не прекратили своей деятельности. Наоборот, каждая потеря словно подстегивала их. В жизни я не видал такого бешеного темпа! Благодаря их усилиям и неукротимой энергии стройка, в день моего приезда напоминавшая нелепое сборище железобетонных конструкций, начала приобретать вид города.

Но меня это нисколько не радовало. Я был здесь чужим, я был узником, и все окружающее не имело ко мне ни малейшего отношения.

Каждый раз, когда я видел роботов, входящих в воду, меня охватывала жгучая зависть. Если бы я мог выйти наружу, я бы сбежал.

Побег...

Побег — это путь к спасению от самого себя, от грозившего мне сумасшествия. Если я и дальше буду оставаться в четырех стенах этой комнаты, безумия не миновать. Наверно, моему предшественнику все-таки удалось убежать и он до сих пор блуждает где-нибудь в непроходимых дебрях...

Однако бежать без защитного комбинезона невозможно. Значит, надо заполучить его. Но как? Первый отнес его в кладовую и не вернет мне, пока дожди не кончатся. Может быть, уничтожить Первого?..

Уничтожить...

Эта мысль впервые пришла мне в голову.

Уничтожить, и дело с концом. Тогда, пожалуй, и бежать не надо. Роботы потеряют своего контролера и руководителя, работы приостановятся. Полный поворот дела — на сто восемьдесят градусов. Игра, конечно, очень опасная, но не такой уж я трус, чтобы не воспользоваться единственно возможным шансом.

Я осмотрел свою комнату. Пожалуй, стальная полка для книг, висящая на стене, подойдет. Я снял ее, поставил около двери и стал ждать, затаив дыхание.

Это был удар, в который я вложил все свои силы. Я едва удержал равновесие. Голова робота треснула, из нее посыпались какие-то винтики. Следующий удар пришелся в бок. Первый зашатался и сказал:

— Прекратите, пожалуйста, прекратите...

Не отвечая ни слова, я замахнулся еще раз. Тут грудь робота треснула, и меня со страшной силой отбросило назад. Я грохнулся спиной об пол.

Когда я, преодолевая боль, попробовал приподняться на локтях, Первый странно задергался. Если бы речь шла о человеке, я бы сказал, что у него агония. Потом из его развороченного горла вырвался хриплый шепот:

— Работы не прекратятся, хоть вы меня и разрушили... Я предвидел, на что вы способны, и вложил в электронный мозг каждого робота определенную программу... — Первый на несколько секунд замолчал и перестал дергаться. Потом dokonчил: — Стройка... будет... завершена... и без меня...

Огромный корпус робота накренился, и он рухнул на пол. Детали рассыпались по всей комнате.

Какая чудовищная нелепость!.. Я был так поражен,

что на какое-то время совершенно забыл о нестерпимой боли в спине.

Значит, я проиграл, а Первый выиграл?.. Как ни странно, я не испытывал ненависти к моему поверженному, но победившему врагу. Я почувствовал к нему нечто вроде уважения. Так всегда бывает, когда теряешь достойного противника.

Проиграл...

Мои мысли путались. Не осталось ничего — только боль. Я потерял сознание.

7

— Вот, значит, как обстояли дела... — с экрана на меня смотрел начальник отдела по распределению работ. — Итак, стройка все еще продолжается?

— Да, — чуть не плача сказал я. — На этот раз, шеф, я с треском провалился, не оправдал ваших надежд...

— Почему же? Наоборот, все хорошо.

— Как?!

— Да видите ли... — шеф на секунду замялся и даже опустил глаза. — Дело в том, что скоро на четыреста сорок четвертый объект прибудет новая партия роботов, так сказать, молодые кадры...

— Что? Как? Пополнение?..

Я ничего не понимал. Абсолютно ничего. Значит, строительство не прекращается?..

— Объясните, шеф!

— В общем-то все очень просто, — произнес он, нехотя разомкнув губы. — В Р опять был государственный переворот, к власти пришло прежнее правительство, наш договор возобновлен...

— Возобновлен?! — у меня перехватило горло. — Значит, если бы мне удалось прекратить работы...

Я не мог продолжать. Я все понял.

Договор возобновили не потому, что совершился переворот, а переворот совершили для того, чтобы возобновить договор. Все ясно.

Кто совершил переворот, тоже понятно: конечно же, наша фирма «Пионер сервис»!

Я попытался придать своим мыслям стройность. Наша фирма вложила колоссальные деньги в эту стройку. Расторжение договора грозило страшными убытками. Если бы еще удалось прекратить работы в один день, убытки были бы терпимыми. Но упрямые роботы продолжали строить, никакая сила не могла остановить их, и убытки катастрофически росли.

Оставался только один выход — возобновить договор. Вероятно, в Р направили группу агентов, которые финансировали свергнутое правительство и помогли ему оружием и чем там еще помогают в подобных случаях... По сравнению с капиталами, вложенными в строительство, эти расходы были мизерными.

В чем же тогда заключалась моя роль? Очевидно, прекращение работ не было главной задачей. Просто фирме нужно было проверить, можно ли практически приостановить работы на четыреста сорок четвертом объекте. С этой целью меня и послали. И когда руководство убедилось, что с роботами ничего поделать нельзя, тогда они и совершили переворот...

— Шеф, — сказал я, взглядываясь в лицо начальника отдела по распределению работ, — ну и каково ваше самочувствие после того, как вы использовали мое тело вместо контрольного прибора?

— Ладно, не сердитесь! — на его губах появилась хорошо знакомая мне усмешка. — Спецпремию вы все равно получите, независимо от того, удалось вам приостановить работы или нет... Так, значит, мир?

— А что мне еще остается делать?

— Вы представляете себе размеры премии? Сумма очень большая, — его ухмылка стала еще шире. — Вы еще не придумали, на что ее истратить?

— А вы хотите дать мне хороший совет?

Я повернулся и посмотрел на останки робота. Мой стальной противник все так же лежал на полу. Пожалуй, жаль его. В первый раз встречаю такого стойкого и последовательного в своих убеждениях робота.

Я снова взглянул на экран — прямо в глаза шефа — и сказал:

— Я уже придумал, шеф! Устрою роскошные похороны этому роботу, с музыкой и цветами. Неплохо, а?..

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПРЕДКИ

Все началось со старой выцветшей фотографии.

В один прекрасный день меня уволили. Первое время выплачивали пособие по безработице и я кое-как перебивался, а потом, когда платить перестали, мне пришлось туго. Тогда-то у меня и возникла мысль поехать в родные края, в деревню, к бабушке. Благовидный предлог нашелся — решил поклониться могилам предков.

Бабушка встретила меня довольно сурово.

— Бесстыжие твои глаза! Ишь ты — предков вспомнил! Небось, раньше, пока со службы не прогнали, не вспоминал. Смотри, падет проклятие на твою голову!

Бабушка могла сыпать проклятиями сколько угодно, я только радовался, что она все такая же бодрая и энергичная. Одно слово — боевая старуха! Может, она и сердилась на меня, но все равно я оставался самым любимым ее внуком. Еще бы, она ведь меня вынянчила и вырастила. Матери я не помнил, она умерла рано. Так я и рос, в деревне, у бабушки... Что ж, кормила она меня в детстве и сейчас прокормит — в деревне это проще, чем в городе.

Я начал жить в нашем старом, насквозь прокопченном доме. Мне здесь нравилось. Дом, конечно, не архитектурный памятник, но как-никак, стоит уже больше двухсот лет... Да и окрестности неплохие. Почему бы, в самом

деле, не осмотреть земли, где когда-то жили мои предки! Никаких определенных занятий у меня не было: я или валялся на постели, или отправлялся к озеру за горой поудить рыбу. Рыба, правда, никогда не клевала, но зато можно было ловить стрекоз. Самая подходящая забава для человека в моем возрасте! Смех да и только!

— Завтра разберемся в чулане, — сказала однажды бабушка, сидя перед телевизором, — вещи надо проветрить, а то, чего доброго, еще черви заведутся или мошь все побьет. Найдется среди вещей что-нибудь путное — так и быть, бери, мне не жалко. Жадных в нашем роду никогда не было... Бери да поезжай в Токио, попытай счастья еще раз, может, и повезет. А то сидишь тут балбес балбесом, даже перед людьми совестно!..

Наш род Кимура, старинный и всеми уважаемый в округе, уходил корнями в глубокую древность. Может быть, в чулане, действительно, найдутся какие-нибудь интересные вещи... Правда, самое ценное было распродано во время войны, но кто знает?..

Начали мы рыться в старом барахле. Сначала попала всякая ерунда — изъеденные молю шелковые полотнища, сильно поношенная одежда, покрытые толстым слоем ржавчины мечи. Потом я откопал несколько вещей поинтересней: старинный котелок для чайной церемонии, с причудливой крышкой, чугунный — чугунок европейской отливки, наверно, вышел из кузнечных мастерских средневековых мастеров; еще один котелок, такой же, только поменьше; несколько расписных жаровен. Возможно, эти вещи и понравились бы антиквару.

Сам я затруднялся определить стоимость старинной утвари, хотя кое-что бесспорно было ценным. Например, старинный фарфор кутани или работы Кандзана. Впрочем, без специалиста все равно не обойтись — я не отличу искусную подделку от подлинника. Вскоре я и попытаюсь

перестал отображать что-нибудь для продажи. Да и бабушка не разрешала. Только увидит какую-нибудь действительно оригинальную вещь, так начнет говорить — это, мол, семейная реликвия или дар господ таких-то, благородных и высокоуважаемых друзей нашего семейства... Но это меня нимало не огорчало. Я так увлекся необычной красотой всех этих вещей, что совсем позабыл о бизнесе. Только охал, ахал да глаза тарашил.

Некоторые вещи удивительно хорошо сохранились. Я долго разглядывал старинное шелковое кимоно, которое носили мужчины трех поколений, начиная с моего прадеда. Мошь его почти не тронула. Краски чуть-чуть потускнели, но это придавало кимоно особую изысканность — сразу видно, что товар старинный, а не какое-нибудь стандартное барахло массового производства. Домотканые хлопчатобумажные набедренные повязки тоже были как новенькие, не чета нынешним трусам — надел, поносил два дня, и вот уже они трещат по швам... Но больше всего меня восхитил погребец — огромный, размером с телевизор. Он был покрыт лаком, по лаку роспись золотом — герб нашего рода и еще что-то, углы окованы желтой медью, по краям крышки железные кольца, в которые продевали палку, чтобы погребец можно было нести на плече, по бокам выдвижные ящички для различной снеди. Но настоящим чудом казалась миниа-тюрная жаровня, вделанная в крышку. Откинешь круглую железную заслонку, а там медный ящичек для угля с двойными стенками и дном. Между стенками заливалась вода, предохранявшая погребец от жара. С таким погребцом мои предки отправлялись на прогулку, когда начинала цвести сакура. Мне живо представилась эта картина... Впереди шагает мой предок, за ним — слуга с погребцом. Приходят в лес. Кругом благодать — цветет сакура, деревья стоят в белорозовой дымке. Слуга нахо-

дит полянку, покрытую шелковистой зеленой травой, расстилает красный суконный ковер. Из погребца, как по мановению волшебной палочки, появляются всякие яства, одно вкусней другого. А вот и небольшая тыквенная бутылка, полная сакэ. Сакэ переливают в бронзовый графинчик, в жаровне тлеют угли. Через минуту-другую мой благородный предок блаженно потягивает тепловатую, приятную на вкус, пьянящую жидкость. А цветы сакуры легонько покачиваются под весенним ветром, и белorozовый снег медленно сыплется на землю... Какая изысканность! Какой артистизм! Любуясь картиной, созданной моим воображением, я забыл обо всем на свете. В реальный мир меня вернул громкий голос соседского парнишки, известного озорника. Его привлекли вещи, разложенные на солнышке.

— Ой, ой!— кричал он дурным голосом.— Чудеса, чудеса! Старина-то какая — причесочка тёнмагэ!

— А ну-ка, покажи!— я взял у него старый покоровившийся кусок картона.

Выцветшая фотография. На фотографии какой-то самурай. Я перевернул снимок и прочитал надпись, сделанную энергичным почерком: «Сануэмон Кимура, тридцати двух лет от роду. Снят во дворе собственного дома, в октябре первого года правления императора Мейдзи — в год дракона».

— А-а, это твой прадед, мой отец, стало быть,— сказала бабушка, возившаяся на пороге дома.— Благороднейший был мужчина... и отважный — герой Реформации. Да ты посмотри на него, посмотри как следует! Тут он как раз в твоём теперешнем возрасте, а разве можно вас сравнить?— старуха сокрушенно вздохнула.— И в кого ты такой уродился? Впрочем, он не настоящий твой прадед, не по прямой линии. Я ведь его приемная дочь. Как почтили с миром мои родители,— они с Сануэмоном

в дальнейшем родстве состояли, — так он и взял меня в свой дом. А уж как любил-то, как нежил да лелеял! Словно дитя родное...

Фотография как фотография. Я бросил ее на пол галереи, где она лежала раньше. Но малыш, младший братишка озорника, крутившийся тут же, поднял ее и запрыгал на одной ножке.

— Поид, поид, поид! — кричал он, размахивая куском желтого картона.

Что еще за поид? Впрочем, мне было некогда разбирать лепет малыша.

— Где, где? — спросил старший. — Ой, и правда — поезд! Смотрите, дяденька, даже надпись разобрать можно — суперэкспресс «Эхо».

— Ладно, ладно, — сказал я. — Очень хорошо... Только вы, ребята, не мешайте, видите — дядя занят.

Я направился в чулан, но вдруг замер на месте.

— Что за ерунда?! — проворчал я, снова беря фотографию. — Какой еще поезд?..

Я долго изучал фотографию. Действительно, поезд! Что за наваждение... Снимок сделан сто лет назад, в первый год правления императора Мэйдзи, то есть в 1868 году. На переднем плане — господин Сануэмон Кикура восседает посреди двора на раскладном стуле. Одет он с подобающей его положению пышностью — в хаори-хакама *, на боку меч. Фоном служит двор нашего дома, тот самый двор, где я стоял минутой назад, и гора, возвышающаяся вдали, за домом. Ну-да, вон она, я ее и сейчас вижу. Но поезд... Все видно очень отчетливо — выходя-

* Хаори — верхнее короткое кимоно, хакама — японские шаровары. — *Прим. перев.*

щий из туннеля поезд, надпись на головном вагоне — экспресс «Эхо», окна... Суперэкспресс с электровозом, новейшая модель. Чудеса...

— Бабушка, ты уверена, это действительно мой прадед?

— Я еще не ослепла, дружочек мой! — старуха, кажется, обиделась, но все же надела очки и принялась разглядывать снимок. — Ну конечно, прадед! А то кто же еще? Отлично помню эту фотографию. Сколько раз в детстве любовалась на моего благодетеля... А вот эта гора, видишь? Наша она, с древних времен род Кимура владеет ею...

Я все больше и больше приходил в недоумение. 1868 год... электроэкспресс.. прадед с прической тёнмагэ...

В конце концов я отправил фотографию в Токио, моему приятелю, работавшему в редакции газеты. Пусть проверит, не фотомонтаж ли это.

Да, действительно, загадка. Самое смешное, что никакой железной дороги в наших краях нет. Гора есть, и раньше была, и сто лет назад, и двести, а вот железной дороги нет и, разумеется, не было...

Наконец, приятель мне позвонил.

— Проверил, показал специалистам, — сказал он весело. — Все в порядке, можешь не сомневаться — подлинный снимок, никакой не фотомонтаж. Правда, ребята из фотолаборатории сказали, что если б был негатив, они бы еще точнее определили...

Откуда я возьму негатив? Скорее всего, его выбросили, а если и не выбросили, то он куда-нибудь затерялся. Кому придет в голову хранить негатив целых сто лет, словно какую-нибудь драгоценность?

— У меня к тебе еще одна просьба... — я подышал в трубку, соображая, как бы поточнее выразиться. — Видишь ли, в чем дело... На фото — гора, в горе туннель,

поезд. Но на самом деле в этой горе никакого туннеля нет. Железная дорога сюда не доходит. Так вот, если представится случай, узнай, пожалуйста, не собирается ли Министерство транспорта провести здесь железную дорогу...

Через несколько дней приятель позвонил снова. На сей раз его голос звучал взволнованно.

— Послушай, а ты ведь угадал. Будет у вас железная дорога. Официального разрешения, правда, еще нет, но проект уже утвержден. По этому проекту старая железнодорожная ветка будет удлинена, и пути пройдут как раз около твоего дома.

— А когда начнут строить?

— Точно не известно... Но, кажется, на проекте есть пометка — «Срок завершения строительства 1968 год».

Я был поражен. 1968 год! Выходит... выходит, на фотографии запечатлено будущее, которое должно наступить через сто лет! Через сто лет после того дня, когда была сделана фотография!

Не знаю уж почему, но чутье подсказало мне, что именно наша гора каким-то образом связана с загадочным явлением.

— Железную дорогу построят, говоришь? — спросила бабушка. — Через нашу гору? Еще чего! Да кто же это им позволит?! Кто позволит, спрашиваю? — в ее голосе появились грозные нотки. — Не будет на то моего согласия! Хоть бы они мне все деньги предложили, какие ни на есть в казне, все равно не допущу. Наша гора, спокон веков наша, у нас и останется! Не то что ездить, добрые люди на нее и ходить-то страшатся. Говорят, там Тэнгу* живет. А если случайно и забредет на гору пут-

* По японским поверьям, существо, подобное лешему, обитающее в лесах. — *Прим. перев.*

ник, о том не ведающий, то враз и исчезнет. Пропадет совсем. Это, значит, Тэнгу на него гневается...

Разумеется, мой интерес к таинственной горе после бабушкиного рассказа намного возрос. Гора не такая уж большая, обследовать ее не трудно. Этим я и займусь, все равно ведь без дела болтаюсь.

Обошел я гору. Гора как гора, невысокая — метров сто двадцать — сто тридцать. И в том месте, где на фотографии находился выход из туннеля, тоже ничего достопримечательного не было. Правда, скорее всего, если начнут прокладывать железную дорогу, туннель выведут именно здесь, потому что с противоположной стороны к горе примыкал небольшой кряж, тянувшийся до основной горной цепи.

Всю гору опоясывал старый-престарый забор, кое-где покосившийся, пестревший деревянными заплатами. Как видно, не одно поколение потрудились, чтобы не дать ему завалиться. Я отыскал дыру, пролез в нее и очутился в густой, высокой траве, доходившей мне почти до пояса. В одном месте трава была ниже и не такая густая: вероятно, когда-то здесь протоптали тропинку. Тропинка привела меня к маленькому полуразрушенному храму. Крыша давно рухнула, но стены еще стояли. Правда, камень до того выветрился, что нельзя было разобрать, что это за храм. Я огляделся. Храм находился примерно на середине склона. Отсюда открывался прекрасный вид на окрестность. Но, кроме красивого вида, ничто не привлекло моего внимания. Надо передохнуть. Я растянулся на траве, закурил. Было душновато. В зеленых зарослях стрекотали кузнечики. Вверху, словно паря в воздухе, покачивались лесные пауки. Ловко перебирая ножками, они время от времени скользили вверх по тонкой, почти невидимой на солнце паутине, потом снова спускались. Я рассеянно наблюдал за ними и вдруг заметил нечто

странное. Что за чудная паутина! Ее нити сходились не в центре, как обычно, а в одном углу. Паутина по форме напоминала треугольник. Я заинтересовался и начал осматривать всю паучью пряжу подряд. Действительно, каждая паутина имела форму неправильного треугольника, причем его вершина была обращена к горе.

Как только я заметил это, все стало казаться мне необычным. Контуры предметов неуловимо смещались, словно окутанные легким маревом. Я протер глаза. Может, туман поднимается? Да нет, какой туман — солнце светило вовсю. Тут мое внимание привлекли деревья. Они росли необычно — под прямым углом к склону, потом, примерно посередине, ствол искривлялся и устремлялся вверх, к небу. Я вспомнил одну научно-популярную статью, опубликованную в каком-то журнале. В американском штате Орегон есть долина, где не соблюдаются законы притяжения. Ученые объяснили это влиянием магнитной аномалии, но к окончательным выводам так и не пришли. Обычная история — люди ломают голову, строят различные гипотезы, а толком разобраться, что к чему, не могут. Может быть, и на этой горе... нарушено пространственное поле?.. Может быть, здесь тоже какие-нибудь аномалии, магнитные или другие, еще не известные науке... Впрочем, сам я никаких аномалий не чувствовал — твердо стоял на ногах, свободно поворачивался во все стороны и с любопытством глазел на странные деревья. А это что такое? Я даже немного испугался: мне показалось, что в зарослях травы, скрывавших невысокий обрывчик за храмом, притаилось какое-то чудовище. Оно разинуло черную зияющую пасть и вот-вот меня проглотит... Но в следующую секунду я рассмеялся — это был всего-навсего зев небольшой пещеры. Вот до чего иногда доводит воображение!

Я заглянул внутрь. Ничего страшного. Пещера довольно просторная, высота, наверно, около трех метров. Я продолжал делать свои «научные» выводы: так, так, вход, значит, небольшой, а пещера большая, интересно... Посмотрим, что будет дальше... Я шагнул вглубь. До сих пор не пойму, что меня тогда толкнуло в эту пещеру. Но внутренний голос нашептывал — иди, иди! И потом в кармане у меня лежал электрический фонарик, я захватил его, — среди бела дня! — отправляясь исследовать гору. Сделав несколько шагов, я наткнулся на ветхую, наполовину засыпанную землей деревянную решетку. Наверно, раньше она закрывала вход в пещеру. Чуть подальше, вплотную примыкая к стене, возвышался каменный столбик, испещренный какими-то письменами. Кажется, это была санскритская надпись.

Откуда-то издалека, от подножья горы, что ли, до меня долетел приглушенный голос.

— Эй, э-эй... — кричали мне. — Ты куда?.. Нельзя... нельзя в пещеру...

Я прислушался. Тишина. Наверно, у меня опять разыгралось воображение. Я смело шагнул дальше. Кругом темнота, разрываема лишь слабым светом моего фонарика. Под ногами мягкая, слегка влажная земля.казалось, подземному коридору не будет конца. Я шел все время прямо, никуда не сворачивая, не поднимаясь и не спускаясь. Нет, скучная пещера! И никаких особых ощущений я не испытывал, только один раз немного закружилась голова.

Когда впереди забрезжил свет, мне стало даже обидно — хоть бы какое-нибудь приключение! А то шел, шел и пришел к выходу. Выход точно такой же, как вход, только деревянная решетка здесь лучше сохранилась,

совсем еще крепкая. Она неплотно прилегала к стенам, оставляя достаточно большую лазейку.

Щурясь от яркого света, я огляделся. Снова разочарование! Я думал, что, проделав такой длинный путь, выйду по ту сторону горы и увижу незнакомый пейзаж. Но пейзаж был до уныния знакомый: деревня, точно такая же, как наша, рисовые поля, уже тронутые предосенней позолотой, на склоне высокая трава. Трещат кузнечики, по вершинам деревьев пробегает ветер... И тут меня осенило!

Да ведь это окрестности нашей деревни! Той самой деревни, откуда я вышел несколько часов назад, отправляясь на прогулку в гору!

Очевидно, подземный коридор описывал круг, и я очутился неподалеку от входа. Но теперь мне начало казаться, что знакомая местность приобрела какие-то едва уловимые новые черты. Впрочем, поля расположены так же, те же самые рощи на склоне. А вот и наш дом. Тут уж я ошибиться не мог. Старый, крытый соломой дом, просторный, крепкий, жилище многих поколений Кимура. Правда, и в нем что-то неуловимо изменилось, но все же это был дом, в котором прошло мое детство. Я спускался вниз по склону со странным чувством, будто меня околдовали.

Дорога. Палисадник. Нет, все же странно! На месте водокачки — колодец с журавлем. С заднего двора доносится лошадиное ржанье. Ничего не понимаю! Последнюю лошадь мы продали лет двенадцать назад и с тех пор не держали лошадей...

Я подошел к дому вплотную и замедлил шаги — из-за сѣдзи * доносились приглушенный разговор, шепот.

* Деревянная решетчатая раздвижная дверь в наружной стене, оклеенная бумагой. — *Прим. перев.*

Я уже хотел крикнуть: «Бабушка, у нас гости?», но в этот момент в комнате кто-то сказал: «ш-ш-ш!», и голоса сейчас же смолкли. Предчувствуя неведомую опасность, я застыл на месте.

Вдруг раздался треск, бумага на сёдзи лопнула, и наружу высунулось копьё, настоящее, со сверкающим стальным наконечником. Острие остановилось в сантиметре от моего носа. Я заорал, отпрянул назад и, не удержав равновесия, повалился на спину. Сёдзи раздвинулись и на пороге появилось пятеро мужчин. Вопль застрял у меня в горле.

Все пятеро были самураи, вооруженные мечами, одетые по старинному обычаю, с прической тёнмагэ!

— Что за человек? Кто таков? — грозно спросил один из них, молодой мужчина, которого я, кажется, где-то видел.

— Лазутчик, поганая ищейка! — выкрикнул другой, стоявший сзади.

— Не чужеземец ли? Странное у него обличье, с вашего позволения! Таких не доводилось видеть, — произнес третий. — Эй, ты! Как тебя там! Что ты здесь вынюхивал?

— Да что вы... я... я... случайно. Видно, ошибся домом... — язык у меня заплетался от страха. Я попятился.

— Довольно болтовни! Руби его! Коли!

Сверкнули мечи. У самого моего уха засвистел воздух, рассекаемый острым клинком. Я сделал скачок в сторону, как заяц, и пустился наутек. Все смешалось — топот, крики преследователей, мой собственный истошный вопль. Обливаясь холодным потом, спотыкаясь и задыхаясь, я совершенно бессознательно мчался к пещере. Никогда в жизни не бегал я так быстро: казалось, ноги оторвались от земли, и неведомая сила несет меня по воздуху.

— Держи его! Не упускай. Руби! Коли! — кричали за моей спиной.

Вот и пещера. Проклятый прямой коридор! И свернуть некуда, и спрятаться негде! Преследователи не отставали. Топот их шагов гулким эхом отдавался в стенах. Наконец впереди блеснул дневной свет. Я устремился к выходу, вернее ко входу, через который сегодня утром я вошел в пещеру. Проклятые самураи настигали меня. Трое выскочили наружу за мной. Снова у меня над головой засвистел меч, холодная сталь полоснула мою вздувшуюся на бегу рубашку. Взыв не хуже паровозного гудка, я ринулся вниз по склону. Крестьяне, мирно трудившиеся на рисовых полях, распрямили спины и, заслонясь руками от солнца, посмотрели в мою сторону. Происшествие явно заинтересовало их. Действительно, такое несчастие увидишь: задыхающийся, обливающийся потом и слезами односельчанин шпарит что есть мочи по полю, не разбирая межей, а за ним гонятся три здоровенных мужика в полном самурайском облачении и грозно размахивают мечами.

— Эгэ-гэй! Санпэй-са-а-ан! — донесся до меня чей-то веселый возглас. — Никак вы артистом заделались? В кино съемках участвуете?..

Но мне было не до объяснений. С воплем: «Спасите!» я мчался дальше. Мои силы иссякали, в икрах начались судороги, грудь разрывалась от недостатка воздуха. Как видно, сказалась сидячая городская жизнь. А ведь когда-то в детстве я считался неплохим бегуном, на школьных соревнованиях всегда приходил к финишу первым. Сделав последнее усилие, я пересек деревенскую улицу и ворвался в полицейский участок.

— Спасите, помогите, убивают! — простонал я и юркнул за спину старичка-участкового, благодушно распивавшего чай.

От неожиданности он поперхнулся, опрокинул на колени чашку, тут же вскочил и начал стряхивать чайники с форменных брюк.

— Что это ты распахивался, Санпэй-сан? Нехорошо! Так ведь человека заикой сделать можно! — он укоризненно покачал головой, как, бывало, много лет назад, когда отчитывал меня, озорника-мальчишку, за очередную проказу. — Кстати, передай мою благодарность твоей уважаемой бабушке за лепешки. Очень были вкусные...

Но тут послышался топот, грозные выкрики, и на пороге показались настырные самураи с обнаженными мечами в руках.

— А-а-а! Убивают! Помогите! — заорал я и забился в самый дальний угол.

— Да вы что, ребята, ополоумели? — полицейский выпучил глаза. — Тоже мне, нашли игрушки! Мечи-то, никак, настоящие?

— Молчи, несчастный! — взревел один из самураев. — Давай его сюда! А вздумаешь заступаться, не сносить тебе головы на плечах!

Он взмахнул мечом, и головка подсолнечника, одиноко стоявшего в горшке, полетела на пол. Видно, самурай для острастки решил продемонстрировать свою ловкость. Но наш участковый не растерялся. Проявив находчивость, несвойственную деревенскому полицейскому, к тому же далеко не молодому, он выхватил из кобуры пистолет и пальнул в потолок. Здоровенный кольт сорок пятого калибра, пуля которого с легкостью пробивала толстую сосновую доску на расстоянии пятнадцати метров, наделал много шума. Отдача после выстрела была такой, что участковый едва устоял на ногах.

Но самураи тоже были не дураки. Они немного отступили к двери.

— Осторожнее, господа! — сказал один из них. — Тут палят из огнестрельного оружия.

Наконец-то они почувствовали необычность обстановки! Разумеется, сначала, когда они гнались за мной, ослепленные яростью, им было не до того. Самураи пошептались, потом их глаза забегали по сторонам.

— Дурман, наваждение... — один из самураев покосился на еще дымившееся дуло пистолета. — Неладное творится, господа. Чудеса, колдовство какое-то...

— Отступим с честью, — сказал другой. — Но мы еще вернемся!

Самураи повернулись и бросились вон.

До участкового только сейчас начал доходить смысл всего случившегося. Он выскочил на улицу и несколько раз пальнул в воздух. Убегавшие самураи припустили еще быстрее.

— Все сюда! — кричал участковый громоподобным голосом, славившимся на всю деревню. — Эй, люди, сюда! Бросайте работу! Лови их, держи! Хулиганы, убийцы! Бандиты! Грабеж! Пожар!..

В нашей деревне народ соображает туговато, но уж когда сообразит, такая кутерьма поднимается, что только держись. И сейчас, услышав призывные крики полицейского, люди сбегались со всех сторон. Вооружались на ходу — кто вилами, кто палкой, кто камнем. Группа мужчин помоложе бросилась в погоню за самураями. Но сверкавшие на солнце мечи охлаждали пыл преследователей. Расстояние между двумя группами не уменьшалось. Правда, какой-то смельчак погнался за самураями на тракторе, но и он не решился сойти на землю и вступить в рукопашную схватку. Кто-то грохнул в набат — ведь участковый кричал: «пожар»! Кто-то, услышав сло-

«бандиты», кинулся к телефону и набрал номер полиции — 110. Короче говоря, вся деревня приняла участие в необычном происшествии. Недаром мои односельчане на всю округу славятся своим любопытством. Не прошло и получаса, как прибыла пожарная команда в полном составе. Пожарники, облаченные в огнеупорные комбинезоны, уже раскручивали шланги и держали наготове багры. Вслед за ними примчался грузовик с нарядом полицейских из префектуры, находившейся в двух километрах от деревни. Полицейские посыпались из машины как горох. Защелкали затворы винтовок. Поднимая пыль, врассыпную бросились куры. Ребятишки визжали от восторга, предвкушая невиданную забаву. А взрослые бес толково металась взад и вперед, не соображая толком, что происходит, и орала: «Давай, давай, не зевай, лови, держи!».

— Не знаю, ничего точно не знаю... — сбивчиво говорил начальству наш вконец расстроенный участковый. — Одно слово, бандюги! То ли правые экстремисты, то ли рэкетиры, то ли просто пьяные хулиганы. И вооружены ведь! Настоящими мечами! Вот, посмотрите, один как махнет мечом, как жахнет, так и отсек начисто маковку подсолнуха. А уж как я за цветочком ухаживал! Растил, старался...

Командир оперативного отряда решил прочесать лесок, росший на склонах горы, и обследовать пещеру. Раз уж полиция приехала, надо действовать и хорошенько осмотреть место происшествия. И потом, не оставлять же на свободе шайку вооруженных хулиганов! Разумеется, жители деревни увязались за отрядом. Но когда мы уже подходили к подножью горы, дорогу нам преградила женщина. Это была моя бабушка. Ну и жуткая фигура! Лицо мрачное и гневное, как у князя тьмы Асуры, глаза мечут молнии.

— Стойте! — крикнула она, простирая вперед руки и гордым движением головы откидывая назад разметавшиеся пряди седых волос. — Не пущу! Кто это вам позволил лезть в чужие владения?! Да будет вам известно — эта гора наша! С древних времен принадлежит нашему роду, и предки строго наказывали, чтобы нога человеческая на нее и ступать не смела!

— Многоуважаемая бабушка, — вмешался участковый, — все мы почитаем ваше благородное семейство, но... злодеи-то как раз на этой горе спрятались. Вон в той пещере. Чуть-чуть до смертоубийства не дошло, вашего Санпэй-сана порешить хотели... Да, кстати, все забываю поблагодарить вас за лепешки...

— Что-о? Санпэя?! — бабушка метнула в мою сторону тревожный и вместе с тем сердитый взгляд. — Ах они негодяи! Ну, хорошо же! Пошли! Все вперед!

— Бабушка, милая, куда ты? Это же опасно, — сказал я.

— Еще чего — опасно! Моего любимого внука чуть жизни не лишили, а я бояться буду?! У-у, дуралей, вечно с тобой разные истории! Ну, чего встали-то? Пошли, люди!

Что с ней поделаешь! Эта упрямая, не по летам бойкая старуха не боялась ничего на свете. Привыкла ко всяким передрягам, самостоятельно, после ранней смерти мужа, управляясь и с детьми и с хозяйством.

— Все за мной! — крикнула она и первой бросилась в пещеру.

За ней зашагали полицейские, потом пожарники, а следом и все остальные.

Наконец мы вышли из пещеры на ту сторону. Вон наш дом — тот дом. Кругом — тишина, словно ничего и не случилось.

— Куда же это мы попали, а? — переговаривались крестьяне. — Кажись туда, откуда вошли?

— И то правда... А вот и дом бабушки Кимура.

А бабушка стояла, вытаращив глаза и широко разинув рот. Она бы, наверно, так и не шелохнулась, если бы из разинутого рта не выпала верхняя вставная челюсть.

— Шайка скрывается в этом доме? — спросил командир отряда, обращаясь ко мне.

Я кивнул, и мы нестройными рядами двинулись к дому.

Только мы дошли до палисадника, как сёдзи с шумом раздвинулись, и появились уже знакомые мне самураи, все, как один, с прической тёнмагэ. Каждый грозно сжимал рукоятку меча.

— Много же вас припожаловало! — сказал один из них, окидывая презрительным взглядом разношерстную толпу. — Кто такие? Что надо?

Самураи, кажется, были удивлены. А наши — еще больше. Вряд ли современным японцам приходилось видеть такое количество людей с прической тёнмагэ. Некоторые из самураев недвусмысленно поигрывали мечами.

— Э-э-э... вы... вас... — проговорил, запинаясь, командир оперативного отряда, — вы арестованы по обвинению в попытке совершить убийство... и... э-э-э... также по обвинению в организации вооруженной банды...

— Что за дерзкие речи я слышу! — гневно воскликнул молодой самурай. — А ну-ка, попробуйте, подступитесь! Весьма любопытное будет зрелище!

Самураи обнажили мечи. И вдруг произошло нечто невероятное. Бабушка, моя гордая, независимая бабушка, с каким-то не то плачем, не то стоном повалилась в ноги самураю, стоявшему впереди всех.

— Отец! Мой дорогой, высокочтимый отец! — выдохнула она. — Как я по вас стосковалась!

— Что надо этой безумной старухе? — спросил молодой самурай, с недоумением глядя на расprostертую у его ног бабушку.

— Неужто не узнаете? Я же дочь ваша, приемная дочь Умэ! — бабушка залилась слезами.

— Что за глупости! Да я и знать вас не знаю! — молодой самурай нахмурился. Но, как видно, он все-таки растерялся. — Как может такая старуха быть моей дочерью?

— А как же иначе? — бабушка встrepенулась. — Вы же господин Сануэмон Кимура-сан! Вот взгляните, сделайте милость, это ваш правнук, Санпэй Кимура.

Я начал кое-что понимать. Молодой самурай был не кто иной, как мой прадед Сануэмон Кимура, изображенный на том самом снимке, с которого все и началось. Тот мне все время казался, что я его уже где-то видел! Но волнующая сцена свидания с предком была прервана приближавшимся стуком копыт.

Какой-то всадник осадил лошадь у ограды и крикнул:

— Спасайтесь, господа! Сёгунские псы напали на наш след. Из Эдо * выслали отряд на подмогу сельскому приставу. Облава с минуты на минуту будет здесь!

— Уходим! — распорядился высокий дородный самурай, должно быть, их главарь. — Кони во дворе. Все помнят уговор? Все ясно?

Самураи действовали с молниеносной быстротой. Мы и мигнуть не успели, как они исчезли на заднем дворе. Оттуда донеслось ржанье, потом удаляющийся конский топот.

— Отец! Отец, куда же вы! — запричитала бабушка. — Господин Сануэмо-о-он!..

Окрестные горы отозвались эхом. «О-о-он!» загремело по скалам и ущельям.

* Старинное название Токио. — *Прим. перев.*

А потом началась жуткая свистопляска. До сих пор, как вспомню, на душе муторно делается. Наши полицейские только было начали сокрушаться, что упустили бандитов, как нагрянула облава во главе с сельским приставом. Пристав в первый момент вылупил глаза, увидев толпу незнакомых людей странной наружности, но уже в следующую минуту в нем взыграл геройский дух, столь характерный для наших предков. Незнакомцы, да еще вооруженные? Сразу видно — проходимцы и бунтовщики! Измена, тут и гадать нечего! Без дальнейших размышлений он распорядился:

— Вязать их и в темницу!

Разумеется, нам он не собирался ничего объяснять. Это было не в обычаях того времени.

Итак, роли переменились. Из вершителей правосудия мы превратились в обвиняемых, организаторов вооруженной банды. Но часто ли вам приходилось видеть вооруженную банду, которая сдалась бы без сопротивления? То-то и оно! Наши brave полицейские решили постоять за честь мундира. Крестьяне убрались от греха подальше и быстро ретировались в пещеру, а полицейские открыли огонь. Правда, стреляли они в воздух, но это не имело значения. Наши противники все больше разгорячались. Люди пристава притащили луки, вокруг засвистели стрелы. У одного из полицейских, когда он чуть-чуть высунулся из-за скалы, стрела пронзила фуражку. Он удивленно воскликнул:

— Такое я только в кино видел. Настоящий вестерн!

В конце концов мы благополучно добрались до входа в пещеру. Отдельные смельчаки нас преследовали, но потом благоразумно решили повернуть обратно — нас было слишком много. К счастью, обошлось без кровопролития. Но это были, так сказать, цветочки, ягодки нас ждали впереди, на нашей стороне горы. Не могу передать,

что делалось в деревне. Настоящее светопреставление! Оказывается, в «походе» вместе с крестьянами принимал участие корреспондент сельскохозяйственной газеты и приехавший к нему погостить приятель — знаменитый репортер, писавший хлесткие статьи в центральной прессе для разделов хроники общественной жизни. Газетчики тут же приняли свои меры и повисли на телефоне. Кто-то до сих пор бил в колокол на пожарной вышке. Рядом, захлебываясь, трезвонил храмовый колокол. На сельской мэрии выла сирена. Короче говоря, любители совать нос не в свои дела развернули бурную деятельность. Животные, казалось, не хотели отстать от людей. Куры кудахтали, как сумасшедшие, петухи орали осипшими голосами, мычали коровы, собаки то заливались звонким лаем, то протяжно выли. К этому концерту присоединился несмолкающий детский рев. Трудно поверить, что пустячный случай может вызвать такой переполох. Наверно, все дело в деревенской скуке. Когда поблизости нет никаких увеселительных заведений, люди сами готовы стать участниками любого спектакля. Впрочем, предаваться рассуждениям было еще рано. Вскоре прибыл вертолет, битком набитый фоторепортерами и корреспондентами. А дело запутывалось все больше и больше. Вслед за вертолетом появился вооруженный отряд, откомандированный на место происшествия ближайшим гарнизоном самообороны. Когда один фоторепортер, не взирая на уговоры, сунулся в пещеру, а потом выскочил оттуда, обливаясь кровью, с торчащей в плече стрелой, атмосфера накалилась до предела. Полицейские и парни из отряда самообороны наскоро построили загородку у входа в пещеру, а сами заняли позиции неподалеку, готовые к бою.

На следующий день после полудня в деревню приехала комиссия по расследованию, возглавляемая представителями прессы. В нее входили и ученые. Наверно, их тоже привело сюда любопытство. Впрочем, вряд ли они до конца верили рассказам о странных делах, творившихся в нашей деревне.

Перед тем как комиссия отправилась обследовать пещеру, один из ее членов не преминул высказать свое мнение:

— Очевидно, бандиты, о которых вы говорите, представляют собой маленькую изолированную группу, скрывающуюся в горах. Несколько лет назад здесь уже была обнаружена подобная группа, жившая по законам феодальной общины. Эти люди были потомками средневековых воинов, потерпевших поражение в междоусобицах XIII—XV веков. Впрочем, не исключена возможность, что мы имеем дело просто со сборищем умалишенных, вздумавших поиграть в войну...

«Расследование» окончилось бесславно. Прошло около получаса, и из пещеры начали выскакивать члены комиссии с обезумевшими лицами, изодранные и избитые. Сопровождавшие их солдаты из отряда самообороны выглядели не лучше. Оказывается, с той стороны тоже была засада. Не знаю уж, изменилось ли мнение комиссии относительно странных событий, происходивших в окрестностях нашей деревни, но газетчики и ученые разъехались.

Впрочем, вскоре заявила вторая комиссия, более солидная. В нее входили мужи науки, руководившие кафедрами в центральных университетах. Среди них были и физики. Очевидно, в верхах начали понимать, что дело обстоит далеко не так просто, как показалось на первый взгляд. Вторая экспедиция, принявшая все меры предосторожности, прошла более успешно. Ученые, кажется,

сделали кое-какие выводы. К этому времени наша деревня изменилась до неузнаваемости. Она кишмя кишела репортерами, фото-, радио-, телекорреспондентами и просто любопытными. В расчете на них понастроили уйму лавок и лавочек, ларьков и киосков, торговавших различной едой и вином. Мэр деревни почувствовал себя крупным государственным деятелем. Еще бы — его осаждали газетчики, он давал интервью по десять раз на дню, вокруг беспрерывно щелкали фотоаппараты, жужжали кинокамеры. Я казался себе испорченной патефонной пластинкой — что-то заело, и пластинка в тысячный раз повторяет одно и то же, одно и то же... Бабушке пришлось и того хуже. Штурмовые отряды репортеров с раннего утра толпились у ворот нашего дома. Стоило только зазеваться, и кто-нибудь просачивался в комнаты. Самые нахальные рвались к чулану, где хранилась известная фотография. Один из этих молодчиков попытался действовать силой, но с бабушкой не так-то легко было справиться: она укусила наглеца в руку, и он позорно покинул поле боя, унося, однако, врезавшиеся в рану бабушкины вставные челюсти... Да что там говорить! Достоверно только одно: когда председатель комиссии делал чрезвычайный доклад в ставке генерального штаба, то бишь в палатке, раскинутой на склоне горы, температура в деревне и ее окрестностях поднялась ровно на три градуса по Цельсию... Честное слово!

Председатель комиссии, историк, в начале своего доклада, кажется, волновался. Вокруг, словно наконечники копий, блестели микрофоны. Докладчика озаряли вспышки непрерывно щелкавших фотоаппаратов.

— В результате тщательного обследования установлено, что пещера на горе Богопрят, принадлежащей гос-

поже Умэ Кимура, которая проживает в деревне Кэдзирри, уезд такой-то, провинция такая-то, ведет в прошлое...

Слушатели ожидали чего-то подобного, но все равно заявление докладчика было подобно грому, грянувшему среди ясного неба. В рядах корреспондентов началось волнение.

— Какая эпоха по ту сторону пещеры?— немедленно последовал вопрос.

— На той стороне конец эпохи Эдо, третий год Бункю, стало быть 1863 год. Нам удалось установить это в беседе с представителями... э-э-э... наших предков.

— Как?! Вы разговаривали с людьми эпохи Эдо?

— Да... Там нашлись толковые люди... Мы просили пристава доложить о необычайном явлении в бакуфу, то есть в правительство сёгуна.

Палатка ходила ходуном. Какой-то репортер вскочил на скамейку и крикнул:

— Вы сказали— на той стороне. Можно ли отсюда сделать вывод, что по ту сторону пещеры начинается мир девятнадцатого века?

— Да!— ответил репортеру физик.— Именно так. Пещера является связующим звеном...

Ему не дали закончить. Что тут началось— ужас! Люди, кажется, с ума посходили.

— Чушь!— заорал кто-то.— Такого не бывает! Чудеса давно кончились!

Современная наука затрудняется дать исчерпывающее объяснение этому явлению,— неуверенно продолжал физик.— Но факт остается фактом. Известно ли вам, что в Нью-Йорке, например, недавно обнаружили джентльмена, попавшего в город прямехонько из девятнадцатого века. С другой стороны, наблюдаются случаи таинственного исчезновения наших современников. Очень возмож-

но, что по каким-то еще не выясненным причинам они переносятся в прошлые эпохи. Отсюда вывод: не все свойства пространственно-временного континуума, а выражаясь проще — пространства и времени нам известны. Самым распространенным является представление о линейно-протяженном пространстве-времени. На самом деле это не совсем точно: пространство-время искривляется в полях тяготения, следовательно, пространство-время может оказаться волнообразным или сложенным вдвое, или даже многослойным. Во всяком случае, на этой горе соприкасаются девятнадцатый и двадцатый века.

— Значит, пещера является туннелем, ведущим сквозь пространство-время?

Этот вопрос потонул в невообразимом шуме. Все старались перекричать друг друга. А профессор физики старался перекричать всех.

— Заметили вы, — надрывался он, — что в пещере, примерно в середине подземного коридора, пространство перевернуто? Пойдите сами и посмотрите! Если коридор мысленно разделить пополам и с нашей стороны смотреть на их сторону, то в этом самом месте следы, оставленные ногами на полу, обрываются. Дальше они видны на потолке...

Сколько ни пытались восстановить порядок, утихомирить разбушевавшиеся страсти не удалось.

Председатель все еще пытался продолжать доклад.

— В те времена в Японии было неспокойно. Третий год Бункю — это год начала войны между Англией и княжеством Сацума на Кюсю, год бунта «Небесных карателей» против сёгуната. Иными словами, обстановка сложная... — тоненький голосок почтенного историка звучал как крик о помощи. — Поэтому, господа, мы просим вас не поднимать шума и не пытаться без особой надобности

проникнуть в мир на той стороне горы... Не толкайтесь, пожалуйста! Перестаньте! Больно ведь! Да как вы смеете?!..

Весть о «Пещере, ведущей в прошлое», с молниеносной быстротой распространилась по всему земному шару. Не думайте, пожалуйста, что я преувеличиваю — это чистая правда. Современное общество страдает чрезмерным любопытством, или, как теперь принято выражаться, активной любознательностью, и тут уж ничего не поделаешь. Ученые, исследователи, политические деятели, отважные путешественники, писатели, журналисты, репортеры, туристы и авантюристы наводнили Японию.

Наша захолустная деревенька мгновенно превратилась во всемирно известный центр. Международные телеграфные агентства открыли здесь свои постоянные филиалы. Сбор урожая был на носу, и жители начали беспокоиться. Тогда наш мэр обратился в префектуру за помощью. Он заявил, что при существующем положении уборка не может быть проведена в нужные сроки и с должным успехом, и потребовал от властей компенсировать деньгами предполагаемые убытки. Ходатайство удовлетворили, и мэр, таким образом, обеспечил себе большинство голосов на предстоящих выборах.

Губернатор префектуры объявил деревню Кэдзири и ее окрестности «зоной, охраняемой государством». Незадолго до этого у нас в доме появился какой-то подозрительный тип, отрекомендовавшийся негоциантом (очевидно, он считал, что это архаичное слово как нельзя более подходит к создавшейся обстановке) и попросил продать гору. Бабушка даже за сердце схватилась, когда он открыл здоровенный чемодан и высыпал перед ней кучу денег — около миллиарда иен, наверно... Но старуху не

так-то просто было облапошить. Она гордо вскинула брови и, обдав проходимца холодным презрением, произнесла целую речь. Гора, мол, не продается! Где это видано, чтобы старинный, благородный род торговал своими владениями?! Быть может, некоторым профанам и невеждам не известно, что на этой горе обитают боги и души предков... Скажите, молодой человек, вы бы рискнули продавать своих предков оптом и в розницу? Ах, не рискнули бы! А мы, Кимура, и подавно! С древних времен члены нашей семьи охраняли гору как святыню, и если теперь даже весь кабинет министров встанет на колени перед ней, Умэ Кимура, и предложит ей все золото Японии, она останется непоколебимой. Да и кроме того, она собирается в ближайшее время отправиться на ту сторону — в гости к родственникам...

Вход в пещеру круглосуточно охраняли солдаты сил самообороны. В нашей деревне был на постое уже не один отряд, а весь гарнизон префектуры. Нет, мы не боялись вторжения с той стороны, скорее наоборот: уж очень много народу стремилось проникнуть в тайну. Разумеется, среди любопытных всегда найдется несколько десятков задир и драчунов, а то и явных злоумышленников, которые не постесняются обхамить достоуважаемых предков.

В один ясный, погожий день произошло чрезвычайное событие. Из пещеры выехал самурай на белом коне. Одет он был, как положено: хакама, богато расшитое походное хаори с разрезами по бокам, на голове сверкающий лаком охотничий шлем с изогнутыми полями. Его сопровождала довольно большая свита. Один из воинов держал белый стяг.

— Саданосин Абэ, — представился он, подъехав к палатке штаба комиссии, — начальник стражи замка сёгуна в Эдо. Прошу дозволения лицезреть господина Таока.

Я привез высокочтимому господину ответное послание из совета старейшин, составленное господином Сакаем.

Профессор Таока, председатель второй комиссии, прочитав послание, просиял.

— Господа, — сказал он, — бакуфу предлагает обменяться делегациями!

Вдруг раздался свист меча, рассекающего воздух, и фоторепортер, нацелившийся аппаратом на парламентаря, с пронзительным визгом отскочил в сторону. Мы сразу даже и не поняли, что произошло — уж очень быстро действовал самурай.

— Я немного владею мечом, с вашего позволения! — сказал Саданосим Абэ с тонкой улыбкой. — Прошу удалить чернь.

Фоторепортер был вне себя от возмущения. Мало того, что этот кретин разрубил пополам его камеру, так еще и обзывается!

Укомплектовать состав делегации оказалось делом нелегким. Страсти разгорелись вовсю. Каждый претендовал на почетную роль делегата. У каждого нашелся друг-приятель, обладавший такими-то и такими-то достоинствами, которого абсолютно необходимо было включить в делегацию. А как быть с членами парламента? С представителями различных отраслей науки? А писатели — разве без них можно обойтись? Кто же увековечит знаменательное событие и в высокохудожественной форме расскажет о нем потомкам?.. Мелкая сошка — газетчики и киношники — действовала проще, решая спор кулаками. Солдаты самообороны и полицейские, понимая, что без хорошей вооруженной охраны наши не рискнут отправиться на ту сторону, — не на пикник ведь едут! — из кожи вон лезли, превознося собственную храбрость и умение владеть всеми видами современного оружия. Наконец делегацию кое-как укомплектовали. Представители пред-

ков, ожидавшие по ту сторону пещеры (около недели, наверно), в душе презирали людей нового времени — суетных, недисциплинированных волокитчиков. Зато, когда обмен состоялся, все, кажется, остались довольны. Предки сначала только хлопали глазами — уж очень странным казался им наш мир, но потом, уразумев, что к чему, пришли в себя и с большим достоинством вели переговоры. Наши, вернувшиеся с той стороны, были в полном восторге. Они привезли документальный фильм о нравах и обычаях эпохи Эдо, стенограммы всех встреч и бесед, ценные подарки. Обе стороны договорились о взаимном обмене научными и культурными делегациями.

— Господа! Это величайшее открытие! Величайшее достижение современной науки! — кричал профессор Таока, историк. И куда только девались его важность и степень! Он прыгал, как мальчишка, взъерошенный и весь багровый от возбуждения. — Этими вот глазами мы можем наблюдать прошлое столетней давности! Этими вот руками можем прикоснуться к нашим предкам! Господа, я выдвигаю новый лозунг: «Совершенствуя настоящее, изучайте прошлое!»

Казалось бы, теперь можно приступить к спокойной работе, но не тут-то было! Шум, поднятый вокруг пещеры, не утихал, а становился все больше и больше. Историки и социологи рвались на передовую — еще бы, им вместо копания в пыли архивов представлялась возможность покопаться в живой жизни! Физики настаивали на всестороннем изучении структуры подземного хода. Всех насмешили гинекологи, заявившие, что они должны отправиться в первую очередь — нельзя же допустить, чтобы наши прабабки и прапрабабки болели женскими болезнями и рожали по старинке, с помощью темных повитух, в антисанитарных условиях! Члены парламента, большие любители завязывать контакты с народами, стоящими на бо-

лее низкой ступени развития, твердили о своем праве первенства. Писатели, авторы исторических романов, доказывали, что кому-кому, а уж им-то необходимо попасть «туда» как можно скорее — мол, герои романов ждут не дождутся встречи. И вообще не известно, насколько точно отображена прошедшая эпоха в их произведениях, возможно, после непосредственного знакомства многие романы придется переписывать заново, чтобы не обидеть действующих лиц...

Очеркисты сочли это заявление личным оскорблением. Во-первых, кто теперь читает исторические романы?! Во-вторых, когда история становится действительностью, сегодняшним днем, надо писать не романы, а документальные очерки, ибо в романах вымысел всегда торжествует над правдой. В этот спор, поднятый представителями двух литературных жанров, моментально включились представители всех видов искусства: художники, композиторы, мастера цветной фотографии, драматурги, фольклористы, поэты, актеры, режиссеры, скульпторы, архитекторы и пр. и пр. Все рвались на «ту» сторону. Надо отдать должное писателям-фантастам. Они вели себя значительно скромнее и призывали не вмешиваться в прошлое, ибо такое вмешательство может привести к нежелательным изменениям настоящего и, кто знает, возможно, даже к непоправимым катастрофам. Я думаю, у их благородства была и обратная сторона: они просто боялись, что люди, соприкоснувшись с фантастическим и удивительным в жизни, перестанут читать фантастику.

Министерство просвещения начало настоящую тяжбу с канцелярией премьер-министра. Решался вопрос, какое ведомство должно взять под свое крылышко «сношения с прошлым». Да и вообще просто нет сил описать, что творилось в Японии в это время. А тут еще одна газета, оставив с носом все остальные, опубликовала сообщение о

секретной встрече представителя нашего правительства с членом совета старейшин, господином Сакаем, имевшей место в замке сёгуна. Мало того, в статье приводилось и содержание беседы высоких встретившихся лиц!

Как выяснилось, газета действительно проявила чудеса изобретательности и, я бы сказал, наглости. Разнюхав о предстоящей встрече члена нашего правительства с бакуфу, редакция установила слежку за входом в пещеру, и когда наш представитель прибыл туда под покровом ночи, один ловкий репортер подсунил ему в карман крохотный, совершенно невесомый передатчик-микрофон. Другой сотрудник газеты, заранее вошедший в контакт с обслуживающим персоналом канцелярии государственного деятеля, ухитрился вмонтировать в портфель его секретаря мини-приемник с магнитофоном. Впоследствии мне представилась возможность прослушать записанное на пленку содержание секретной беседы. Это было нечто поразительное!

Вот выдержки из этой беседы:

— ...Высокочтимый гость мой, я должен сообщить вам весьма прискорбную и, по моему разумению, давно известную вам истину: страна наша кипит и бурлит, словно вода в котле огромном, над разгорающимся пламенем подвешенном... — говорил печальным голосом член совета старейшин Тадаскэ Сакай, через два года ставший главой старейшин бакуфу. — Иноземцы стоят у порога Страны восходящего солнца и с настойчивостью дерзновенной требуют распахнуть перед ними двери. Внутри страны началась смута великая. «Дальние» князья, феоды свои не из дарующих рук сёгуна получившие, противятся требованию оному, а спесивые самураи, неслуживые, каждый из коих мнит себя господином владетельным, на иноземных пришельцев со всею яростью ополчаются. Не далее как в прошедшем году зарубили они ме-

чами подданного короля английскаго, а в ответ на сие английская же флотилия княжество Сацума из пушек обстреляла, учинив шуму премного, а сверх того и урон чувствительный. А допреж того корабли чужеземные осыпали градом ядер город Симоносэки в княжестве Тёсю. Одному небу ведомо, какие беды еще обрушатся на наши головы, ежели и далее твориться подобное будет...

— Гм... да... действительно... Очень, очень неприятно! — растерянно бормотал в ответ представитель нашего правительства.

— Да не поленится досточтимый гость наш утрудить свою память и вспомнить старинные книги, им читанные. В книгах оных повествовалось, а я, недостойный, ныне подтверждаю, что в году прошедшем жизнь была отнята у господина Ий, главы старейшин, и отнята самым кровавым образом. И с той поры не прекращаются убийства и покушения на земле нашей. В Ямато вороги сёгуна, подлые собаки, одно имя коих осквернило бы мои уста, подняли стяги измены, именуя себя «Небесными карателями». Поведение двора императорского и многих аристократов высокородных тоже нам опасения наисерьезнейшие внушает....

— Кхе-кхе... Гм... да... печально... Сочувствую...

— Посему спасение наше лишь в сплоченности и единстве полагаем, а коли не объединимся и не укрепим своей мощи, дабы выстоять против черной тучи, с морей далеких надвигающейся, быть нам под стопой чужеземных захватчиков. И пример тому злосчастье, Цинскую династию постигшее после войны, именуемой «Опийной». Вот и вопрошаю я вас, соотечественника нашего, готовы ли оказать нам помощь посильную?

— А? Что? Помощь?.. Это... позвольте поинтересоваться, в каком же роде?

— Наслышаны мы премного о вашем славном воин-

стве, храбром и многочисленном — до ста восьмидесяти тысяч душ, располагающем кораблями, кои летают по воздуху, аки птицы небесные, и вооруженном ружьями огнестрельными, в мгновение ока сотни пуль испускающими... Вот и просим низайше — уделите нам малую толику сего вооружения чудодейственного, уделите от братских щедрот ваших!

— Однако вы прекрасно информированы...

— Мир и покой столетиями царят в стране под властью благословенного дома Токугава, однако садовники владыки, сёгуна нашего, не дремлют*... — в голосе члена совета старейшин послышалась сдерживаемая ирония. — Так как же, надеяться нам на помощь братьев и соплеменников наших или не надеяться?

— Видите ли, в чем дело... — представитель правительства замялся. — Дело в том, что современная конституция Японии запрещает отправку войск за рубеж...

— Многоуважаемый гость не так меня понять изволил — не об отправке в заморские страны ведем мы речь...

Как ни юлил наш представитель, победителем в этой встрече оказался член совета старейшин Сакай. Видно, среди людей прошлого встречалось немало цельных натур, которых защищала непроницаемая броня уверенности в правоте своего дела. И надо же было, словно нарочно, попасть именно в 1863 год! В самое смутное, самое сложное для Японии время!

Думаю, и объяснять нечего, что это было за время. Всего десять лет прошло с тех пор, как в 1853 году в порт Урага вошла американская флотилия под командованием

* «Садовниками» называли тайных агентов, непосредственно подчинявшихся сёгуну и встречавшихся с ним только в садах Эдосского (Токийского) замка. — *Прим. перев.*

капитана Перри и потребовала открыть иностранным судам доступ в Японию. Вслед за этим, не успев поэт написать, что «страну от долгой дремы пробудили», явился русский флот под предводительством Путятина, и посланцы царя всея Руси тоже начали стучаться в двери Японии. Японское правительство поспешило заключить с Англией, Америкой и Россией договор о мире и дружбе. Тут-то в стране и начались распри между сторонниками открытого доступа и его противниками, между сторонниками восстановления власти императора и приверженцами сёгуна. Все это действительно было «весьма прискорбным», как выразился член совета старейшин Сакай. Пятый год Ансей, то есть 1858 год, когда во главе совета старейшин встал князь Ий, ознаменовался печальными событиями: по стране пронёсся ураган правительственного террора, получивший название «ансейских казней», произошло знаменитое ансейское землетрясение, начались страшные эпидемии чумы и холеры. Люди умирали от болезней, от голода, не имея сил бороться с налогами и дороговизной. Через три года, в тот день, когда князь Ий праздновал трехлетие своего правления, вспыхнули крестьянские бунты. В этой обстановке такие крупные княжества, как Сацума, Тёсю и Дои, боровшиеся против сёгуната, приобретали все больший вес. Они требовали единовластия — восстановления прав императора и сосредоточения в его руках полномочий сёгуната. Сёгунат не мог не понимать, насколько сложной и грозной стала политическая обстановка в стране, и, естественно, пребывал в постоянной тревоге. А тут еще разбушевались экстремисты из вольных неслуживых самураев. Они требовали изгнания иностранцев из Японии и в знак протеста объявили открытый террор. Его жертвами пали некоторые высокопоставленные члены бакуфу и многие иностранцы. Князь Ий был убит у ворот Сакурадамон Эдоско-

го замка... В третьем году Бункю, т. е. в 1863 году, началась война между Англией и княжеством Сацума. Иностранный флот обстрелял город Симоносэки. Кумитами Хирано поднял в Намано восстание против бакуфу. Организация «Небесные каратели» не давала властям покоя. Положение в стране с каждым днем становилось все напряженней. Кульминационным моментом явился дворцовый переворот в замке Эдо, в результате которого император, номинальный правитель Японии, был подвергнут домашнему аресту в своей Киотской резиденции, а семь его ближайших сановников отправлены в ссылку...

Как только распространилась весть о встрече представителей двух правительств, ажиотаж вокруг пещеры разгорелся с новой силой. Однако теперь страсти влились в несколько иное русло. Если раньше основной движущей силой были любопытство и желание оказаться в числе первооткрывателей, то сейчас людей волновала романтика политической тайны. Прошел слух, будто бы после этой «секретной» встречи к нам пробрался с той стороны вольный самурай и имел конфиденциальную беседу с крупнейшим магнатом Осаки. Вскоре стало известно имя самурая — Рюма Сакамото. Разразилась целая буря — ведь Рюма Сакамото был крупнейшим деятелем Реформации!

Один из членов оппозиции сделал в парламенте запрос — намерено ли правительство оказать военную помощь эпохе Эдо? Ответ прозвучал крайне осторожно: мол, о прямой военной помощи не может быть и речи, поскольку современной Японии ничто не угрожает. Раздались реплики с мест — как это не угрожает? Угроза самая непосредственная, Япония остается Японией, и эпоха тут не имеет никакого значения. Правительство стояло на

своём, утверждая, что переговоры велись только об оказании экономической помощи и о внедрении некоторых достижений науки. Каверзные вопросы сыпались один за другим. Например, кому же помогать, бакуфу, уже находящемуся на грани политического краха, или княжествам Сацума и Тёсю, тем самым ускорив образование Реформационного правительства?.. Депутат от префектуры Кагосима, бывшего княжества Сацума, поднял страшный шум: «Не забывайте, в каком положении находится дом императора! Предотвратите убийство императора Комэй, пока не поздно!» В ответ ему орали с мест: «Не смей вмешиваться! Это может изменить весь ход истории!» Дальше начались вовсе уже нечленораздельные вопли...

Жители нашей деревни недоумевали.

— Видно, там, в верхах, все как есть рехнулось, — рассуждали они. — Подумаешь — прошлое! Нашли дырку в горе и пошли куролесить. Нам-то какое дело до этого самого прошлого? Сколько лет без него жили, и неплохо жили — чисто, культурно, и еще столько же проживем...

Между тем бакуфу настойчиво требовало ответа на свой запрос. Потом перешло к угрозам: если правительство современной Японии не удовлетворит его просьбу о незамедлительной помощи, выход из пещеры, ведущий на ту сторону, будет завален, и люди двадцатого века навсегда потеряют доступ к эпохе Эдо. А если кто-либо осмелится проковырять дырку и появиться в стране своих предков, то дерзновенный моментально подвергнется самой жестокой казни... Правительство в конце концов с большой неохотой согласилось на некоторую экономическую и культурную помощь. Очевидно, его толкнули на это не столько угрозы бакуфу, сколько вопли современников о «недопустимости халатного обращения с культурным наследием прошлого». Правительству ничего не оставалось делать, как, преисполняясь сознанием своей бла-

городной миссии, начать спасать исторические ценности. Дело в том, что в интересующий нас период эпохи Эдо в Японии происходила непрерывная утечка золота за пределы страны. Мы-то знали, как у наших предков будут обстоять дела в дальнейшем: в первые годы правления императора Мейдзи в стране начнется разруха и обнищание. Под угрозой окажутся знаменитые древние храмы и статуи Будды. Иностранцы с жадностью изголодавшихся шакалов набросятся на произведения национального искусства, и все они неудержимым потоком потекут за границу... Пожалуй, правительство избрало самый благоразумный путь — экономическая помощь с целью сохранения исторических памятников. Попробуй, возрази! А пока что на ту сторону начали транспортировать продовольствие и текстиль. Тоже правильно — предкам нужно есть, пить и чем-нибудь прикрывать свое брненное тело, иначе будет не до культурных ценностей. Вскоре патриотизм начал принимать уродливые формы. Появилась какая-то нелепая националистическая организация под названием «Поможем пострадавшему Эдо!» Члены этой организации устраивали шумные сборища, на всех зданиях, на всех углах расклеивали плакаты и лозунги.

— Спасем эпоху Эдо от когтей заморских чудовищ! — надрывались ораторы. — Создадим там высокоразвитую современную промышленность! Сделаем землю наших предков самой передовой страной девятнадцатого века! Мы уж покажем всем захватчикам, и бывшим и будущим! Граждане, дорогие братья, помогайте эпохе Эдо, помогайте Японии подготовиться ко второй мировой войне, чтобы нам не пришлось пережить поражение, которое мы уже пережили!..

Нормальных людей начинало тошнить от этих завиральных идей. Но, как видно, не только патриотизм руководил всеми этими одержимыми. Дело было куда слож-

нее и страшнее. В мире всегда так бывает — стоит появиться какой-нибудь идее, пусть даже и не очень разумной, но так сказать, чистой, как чудовище бизнеса тут же оживает и бессовестно к ней примазывается. Бизнесмены и на этот раз не зевали. Они предложили послать в эпоху Эдо группу экономических советников и начать грандиозную перестройку прошлого. Предпосылки обоснованы со всем знанием дела: в те времена, мол, с сырьем было легче, цены на землю не выходили за пределы умеренных, а самое главное, рабочие руки почти даровые. Раздолье для развития мощной промышленности! Что же касается политической стороны вопроса, то и тут все предусматривалось: Япония девятнадцатого века станет чем-то вроде протектората Японии двадцатого века. В первую очередь необходимо помирить бакуфу с княжествами, а затем одним махом установить в стране демократическую систему правления. Наступит настоящий рай — добрососедские отношения двух Японий, небывалый расцвет экономики, и... весь мировой рынок девятнадцатого века к нашим услугам...

Часть правых шовинистов, которым призрак войны не давал покоя, сразу возжаждали крови — в современных условиях им негде было особенно развернуться — и организовали отряд смертников. Они горели желанием сложить свои головы за императора и несколько раз пытались проникнуть в пещеру.

Левые тоже не дремали. Поползли слухи, что самые решительные из них собираются установить контакт с главарями крестьянских восстаний эпохи Эдо и, таким образом, способствовать образованию народного правительства.

Среди прожекторов были и такие, которые предлагали пригласить к нам «различных крупных деятелей конца эпохи Эдо» для возрождения самурайского духа, или

спасти героев Реформации от убийства, перенеся их в современность.

Вспоминается мне и один действительно курьезный проект. Кто-то из представителей преступного мира предложил выкрасть на той стороне большого пахана Дзиротё из Симидзу, славившегося своей справедливостью. А то, мол, нынешнее ворье совсем разболталось, всякую совесть потеряло, не чтит больше воровской кодекс, а уж пахан научит их уму-разуму!

Однако все эти идеи, проекты, предложения были односторонними. Люди эпохи Эдо жили обычной жизнью, у них не хватало времени на пустое изобретательство, как у наших досужих современников.

Как только за рубежом стало известно, что Япония собирается оказать помощь своему прошлому, заволновались все крупные державы. Тут уж никто не мог остаться в стороне — еще бы, ведь такое вмешательство могло изменить все последующее течение мировой истории. Правда, подземный ход вел только в Японию девятнадцатого века, но оттуда можно было свободно переправиться и в другие страны девятнадцатого века. Одна держава просила разрешить ей отправить в девятнадцатый век промышленное оборудование в порядке дружеской помощи своему населению, другая — ядерное оружие нового образца.

Во всем мире началось движение за спасение утраченных в девятнадцатом веке культурных ценностей. Оспаривалось право Японии монопольно владеть пещерой. Ученые возмущались — как же так, открылась дверь для изучения малопонятных законов физики, а японцы собираются сами пролезть в эту дверь, не пуская ученых других национальностей, которые, развивая эту науку, снискали мировую славу. Поступило предложение отдать пещеру под контроль Организации объединенных наций.

Японское правительство растерялось. Крупные державы продолжали настаивать на этом предложении. Особенно усердствовали Соединенные Штаты Америки. Не отставали от них и некоторые страны Западной Европы, по традиции подпевавшие старшему партнеру...

Может, все это безумие было какой-то еще неизвестной формой психического заболевания? Как же иначе объяснить, что весь мир вдруг увлекся прошлым?.. Конечно, прошлое достойно всяческого уважения, любви и даже преклонения. Но раньше ведь люди никогда о нем не думали, не интересовались им в таких масштабах. Что же происходит? Может быть, все объясняется тем, что у нас нет будущего? Какое уж будущее у человечества, сжившегося с угрозой ежеминутной гибели, как с глухой болью старой раны, время от времени дающей о себе знать?.. Действительно, что такое для нас будущее? Удвоение личных доходов? Или собственный дом и машина новейшей марки? Или телерепортаж с Луны?.. Короче говоря, будущее — это то, чего мы не имеем сегодня. Но вот сегодня проходит, наступает завтра. Что-то мы получили, что-то утратили и снова ждем следующего завтра... Разве это радость — подобное серое течение будней, непрерывно разматывающаяся серая нить? Нет, будущее не рождается в непрерывном развитии. Оно вдруг делает скачок, и тогда мы видим его грозный или прекрасный лик. Войны или революции, например. Вот когда мы воочию видим будущее и переживаем великие потрясения. Но обязательны ли для человека великие потрясения? Может, для его развития и обязательны, а для спокойствия как раз наоборот — поменьше бы их. Наверно, поэтому нас вдруг так и потянуло к прошлому — известному, изученному, на фундаменте которого построено наше настоящее.

Если бы пещера вела в будущее, хотя бы на сто лет вперед, тогда мы, наверно, не заинтересовались бы, а испугались. Дрожали бы каждую минуту и ждали разных неприятных неожиданностей — нападения, использования нас как подопытных кроликов для какого-либо научного эксперимента. Но судьба пощадила нас. Она все эти волнения оставила на долю предков, а нам, шагнувшем далеко вперед по сравнению с ними, предоставила роль любопытствующих наблюдателей. И наши волнения не превышали тех, которые испытывает болельщик во время футбольного матча.

И все же, несмотря на это, страсти вокруг пещеры бушевали с прежней силой. Даже религиозные общины устраивали демонстрации, требуя, чтобы им разрешили свидание с уважаемыми предками. Зачастую делегации обеих сторон попадали в нелепое положение. Мне было искренне жаль самураев, очутившихся в нашей действительности. Представьте себе гордых воинов, одетых по тогдашней моде, с прической тёнмагэ, шествующих по бесконечно длинной современной улице, похожей на глубокое ущелье, сжатое с двух сторон громадами домов. Они идут, настороженно оглядываясь, позвякивая мечами, а со всех сторон стекаются толпы досужих зевак и глазелюб на них, как на диковинных зверей. Не очень-то приятное ощущение! Однажды делегат-самурай зарубил насмерть одного из особенно нахальных любопытных — ему не понравился взгляд этого человека! С тех пор во избежание подобных инцидентов и опасаясь транспортных заторов, делегатов стали возить в специальных туристских автобусах.

Какая-то женская организация выдвинула новый лозунг: «Хватит позориться перед уважаемыми предками! Будем одеваться и держать себя скромно!» Но уважаемых предков такой лозунг не особенно устраивал. Они

были жадны до всего современного и очень обижались, когда им отводили номера в гостиницах, оборудованных в национальном стиле, снабженных старинной японской утварью. Пришлось переселять их в супермодерные отели.

Через некоторое время с обеих сторон начали появляться перебежчики. Отдельные смельчаки пробирались через подземный ход, обманув бдительность стражи. С той стороны приходили мелкие самураи и изголодавшиеся крестьяне из окрестных деревень, прослышавшие о сказочном по их понятиям изобилии нашего времени. Поговаривали, будто профессиональные контрабандисты роют еще один ход неподалеку от основного. От нас на ту сторону сбежала группа правых экстремистов, возмечтавших о геройских подвигах. Они ушли навсегда. Но, думаю мне, их боевая деятельность под водительством мелких самураев продолжалась недолго — слишком суровыми были нравы в эпоху Эдо, и если эти люди не погибли под ударами мечей в какой-нибудь очередной драке, то наверняка окончили свои дни в темнице. Среди крайних левых тоже нашелся один чудака-студент, решивший защищать интересы народа на той стороне. Он примкнул к бунтовщикам-крестьянам, но те выдали его правительству, и он был казнен...

Между тем время шло.

Возникал вопрос — что же будет дальше?

Наступил, новый, 1964 год. Общественность начала тревожиться — к чему приведет такое сосуществование двух эпох? Что будет с современностью, если мы попытаемся серьезно вмешаться в дела эпохи Эдо? Ведь наша действительность — прямой результат прошлого, и если прошлое осовременить, не поведет ли это к непредвиденным переменам?

Поползли разные слухи. Откуда-то стало известно,

что во время нападения тайной стражи бакуфу на гостиницу Икэдая, где остановились сторонники Реформации,— факт исторический,— нападающие были вооружены современными автоматами. Люди заволновались. Начали кричать об ответственности правительства — может, оно тайком снабжает бакуфу оружием? Или тут приложили руку контрабандисты?..

Члены Олимпийского комитета тоже подали голос. «Господа, — говорили они, — если так будет продолжаться, не видать нам этой осенью олимпийских игр! Никто и носа не сунет в Японию!»

Я был в стороне от всей этой шумихи. Ведь сладок только запретный плод. А нам с бабушкой, как единственным владельцам земли, на которой находились пещера и подземный ход, было разрешено беспрепятственно путешествовать на ту сторону. Правда, там сфера нашего передвижения ограничивалась прилегающими к горе окрестностями.

Бабушка целыми днями пропадала в тамошнем доме Кимура, то есть в нашем. Ее приемный отец Сануэмон Кимура, целиком отдавший себя движению за свержение бакуфу, редко бывал дома, и бабушке приходилось ограничиваться обществом ее бабушки и дедушки, то есть моих прапрабабушки и прапрадедушки. Но все они были довольны и болтали друг с другом без умолку, обмениваясь новостями. Стариков, кажется, больше всего радовало, что наш дом за сто лет не развалился, а больше всего волновало, долго ли он простоит, смогу ли я, когда стану таким же стариком, как они, найти приют под родным кровом. Меня, честно говоря, эти беседы не очень интересовали. Я предпочитал общаться не с родственниками, а с их семнадцатилетней прислугой Такэ. Очень уж

она отличалась от наших семнадцатилетних девушек! Такая скромная, тихая, покорная, трудолюбивая. Такая глубоко религиозная — это в ее-то годы! А уж до чего добра, и не только ко мне, но и ко всем окружающим!

Я начал изучать жизнь конца эпохи Эдо и страшно увлекся. Хотя впечатление было тяжелое. Не знаю уж, как жили в самом Эдо, но в провинции царили такая нищета и такое убожество, что сердце разрывалось. Мелкие мещане и крестьяне были бессловесными забитыми существами. Особенно жалкое впечатление производили крестьяне — худые, низкорослые, сутулые от постоянной непосильной работы в поле... Голова у них всегда была опущена и каждую минуту могла опуститься еще ниже — для поклона господам. На их землисто-серых плоских лицах застыла вековая тоска. Голод, болезни, насекомые, мучившие их днем и ночью, были постоянными спутниками этих людей. Мне было стыдно за мои хорошо отутюженные брюки и белоснежную рубашку, когда я смотрел на их выцветшие, засаленные, состоявшие из сплошных заплат лохмотья. Самураи держались с ними чрезвычайно высокомерно. Сколько раз я видел, как самурай-помещик, упиваясь собственной злобой, топтал ногами распростертых перед ним батраков, как пьяный чиновник бил суковатой палкой ни в чем не повинную пожилую женщину! Порой я едва сдерживался, глядя на это бессмысленное истязание. Теперь я начал понимать, почему у нас так трудно искоренить хулиганство и мелкое насилие: у простых людей Японии до сих пор еще живет в душе животный страх перед тем, кто хоть чуточку сильнее. Этой «привилегией» — истязать ближнего — в старой Японии на протяжении веков пользовались только самураи. Даже Реформация не смогла оградить народ от пыток и унижения... Конечно, и раньше бывали случаи, когда крестьяне сбрасывали с себя личину покорности и

становились жестокими, как лютые звери. Но это случилось только тогда, когда их доводили до последней крайности, и они, объединившись, чинили расправу над господином. А вообще-то доброта является основной чертой японского крестьянства.

Никогда раньше я столько не думал над судьбами народа Японии. Меня подавляла эта мрачная, трагическая картина. И с тех пор прошло всего лишь сто лет. Кто я такой на самом деле? Отнюдь не подвижник, не борец за справедливость и всякие там свободы — самый обыкновенный, средний интеллигент Японии двадцатого века. И все же я не мог смотреть без содрогания на крестьян эпохи Эдо. Вот уж действительно скотская жизнь! Спят вповалку на голой земле, в ветхой хижине, крытой гнилой соломой, которая, того и гляди, рухнет от малейшего порыва ветра. Едят так мало и так плохо, что я бы и дня не прожил на такой-то пище. Впрочем, они умирали как мухи. Дело, начатое голодом, завершали болезни. Что ни месяц — то новая эпидемия. И все-таки люди жили, цеплялись за жизнь и нередко выживали. А меж тем в верхних слоях общества уже назревала буря, несущая в себе веяния новых времен... Однажды я наблюдал жуткую сцену. Толпа людей шла через поля, по межам. Сначала все шли спокойно, потом начали приплясывать. Движения постепенно становились все быстрее, все беспорядочнее, люди кривлялись и дергались, как сумасшедшие. И эти безумцы, то ли страдавшие пляской святого Витта, то ли одержимые бесом, шли молиться местному божку, вымаливать у него благословение и хоть капельку — хоть капельку! — счастья. Что это — массовый психоз? Но все же от них исходила какая-то своеобразная энергия.

Как быть? Что может сделать современность для полубезумного мира по ту сторону хода? Пока что у нас в основном занимаются пустой болтовней, а если задума-

ются всерьез?.. Каждый новый день приносит все больше неразрешимых проблем. Что же в конце концов будет?..

Однажды вечером, когда все эти вопросы особенно мучили меня, ко мне обратился физик, который тщательно изучал пещеру и подземный ход и вооружился для этой цели сложнейшей аппаратурой.

— Вы ничего не заметили, а?— спросил он. — Вы ведь все время ходите туда-сюда, так что должны бы заметить... Приборы показывают кое-какие изменения, пока еще мало заметные, но бесспорные.

— Как вам сказать...— я задумался.— Вроде бы ход стал длиннее. Впрочем, не знаю, может, это только кажется.

Он как-то странно посмотрел на меня. Испугался что ли?

— Вот как...— пробормотал он.— Возможно, возможно... Во всяком случае, ход стал искривляться.

— Как так —искривляться?— меня вдруг пробрала дрожь, не знаю почему.

— Ну, это-то просто объяснить. Искривление показывают только приборы. А мы при непосредственном восприятии этого не ощущаем, потому что в поле притяжения кривая воспринимается как прямая.

Физик махнул мне рукой и исчез во мраке.

До середины хода меня, как обычно, провожала Такэ. Сейчас мы остались с ней вдвоем, освещенные слабым светом керосиновой лампы, которую она несла. Такэ подняла лицо, светлое, овальное, и взглянула на меня с улыбкой. Она всегда улыбалась. Я испытывал острую жалость, глядя на чистое бледное лицо этой девушки, дочери батрака, работавшего на господ Кимура. Лицо, напоминавшее цветок, выросший в глубокой тени и никогда не знавший солнечных лучей. Мне нравилось слушать, как она поет, сидя за ткацким станком на заднем дворе

нашего дома. Голосок у нее был тоненький и до того печальный, что у меня порой выступали слезы. Эта простая девушка, вернее девочка, робкая и покорная, единственная, с кем я познакомился в эпохе Эдо, стала моим другом. Но сейчас в моей душе зарождалось что-то новое. Темнота, колеблющийся свет керосиновой лампы, ее улыбающиеся губы и грустные-грустные глаза... В ушах еще звучали слова физика—«...ход стал искривляться». На меня нахлынуло предчувствие чего-то грозного, неотвратимого.

— Такэ-сан... — тихо сказал я, и голос мой дрогнул. — Пойдем со мной, в наше время... насовсем...

По ее лицу пробежала легкая тень, глаза удивленно расширились, словно она чего-то не поняла. Я смутился.

— Ты... тебе не придется столько работать. Я не хочу, чтобы ты так надрывалась... Ты очень хорошая девушка, Такэ...

Я положил руку на ее плечо. Она задрожала.

— Нет! — крикнула Такэ. — Нет, не могу, нельзя! Не надо, не надо...

Ученые давно заметили, что с ходом творится что-то неладное. Но для всех остальных это было полной неожиданностью. Однажды правительственная делегация, наконец-то получившая полномочия начать серьезные переговоры с бакуфу, вошла в пещеру и через несколько минут выскочила обратно.

— Что же это такое?.. — члены делегации изумленно озирались по сторонам. — Ведь мы шли все время прямо, а вышли на то же место, откуда вошли!

Весть о закрытии хода через пространство-время распространилась с такой же быстротой, как в свое время весть о пещере, ведущей в эпоху Эдо. Впрочем, волнение,

вызванное этим известием, улеглось довольно быстро. Некоторые любопытные еще продолжали осаждать пещеру, но теперь их занимало новое загадочное явление — мол, как же так, идешь прямо, никуда не сворачивая, а выходишь на то же место...

В последнее время аномалии в полях тяготения внутри хода стали особенно заметными, — объяснял физик. — Отсюда следовал вывод, что точки соприкосновения непрерывного пространственно-временного континуума в местах искривления переместились и продолжают перемещаться. По-видимому, непрерывность пространства-времени имеет волнообразную структуру, и колебания ее периодически повторяются. В результате происходит либо сближение двух отдаленных друг от друга точек, либо прямое смещение прошлого относительно настоящего...

— Гора Богопрят издавна слыла проклятым местом — на ней исчезали люди, — продолжал ученый. — Это как нельзя лучше подтверждает нашу гипотезу. Очевидно, именно в недрах этой горы находится точка соприкосновения искривленного пространства-времени. События последних месяцев наглядно показали, как происходит соприкосновение двух миров — нашего и другого, по современным понятиям, существовавшего сто лет назад. В будущем незначительные колебания силы гравитационных полей снова могут повлечь за собой нечто подобное. Однако сейчас точки соприкосновения различных областей пространства-времени постепенно, но неуклонно удаляются друг от друга. Судя по фотографии, обнаруженной в доме Кимура, я полагаю, хорошо было бы воздержаться в течение ближайших четырех-пяти лет от проведения каких-либо работ на самой горе и в ее недрах... К сожалению, это разумное замечание ученого было забыто, когда таинственные пещера и подземный ход перестали волновать умы наших современников. В ре-

зультате через четыре года после описываемых событий поезд, вошедший в туннель в горе Богопрят, исчез бесследно. Некоторые ученые высказывали опасения по поводу нашего вмешательства в прошлое — ведь принято считать, что подобное вмешательство может привести к нежелательным изменениям настоящего. До поры до времени я воздерживался, оставляя свое мнение при себе. Но теперь, когда ход закрылся, мне хочется сказать следующее: такой опасности не существует! Настоящее не является прямым следствием прошлого, а лишь одной из реализованных возможностей развития. Очевидно, теперь, когда эпохе Эдо не грозит наше вмешательство, ее история пойдет по иному руслу, скорее всего, параллельному нашему. Мир, который появится в результате такого развития, будет почти точной копией нашего, но все-таки это будет самостоятельный мир... Естественно, мы не можем точно предвидеть ход событий. Быть может, новое колебание в полях притяжения повлечет за собой новое соприкосновение двух миров, и тогда... Впрочем, предоставим судить об этом потомкам...

Итак, кошмар кончился. Прошлое стало прошлым, а настоящее настоящим. Правда, пьеса была не доиграна и занавес опустился посреди первого акта. Но лично я об этом не жалел. Да и, наверно, вся здравомыслящая часть населения согласилась бы со мной. Осенью в Японии открылась очередная всемирная Олимпиада, и наши чемпионы, как мы и предполагали... Впрочем, это совсем уже другая история.

Постепенно буря стихала. На наших улицах не появлялись больше воинственные самураи с прическами тёнмагэ, а наши искатели приключений не рвались на «ту сторону», в гости к предкам. Конечно, спокойствие насту-

пило не сразу. Некоторое время газеты еще продолжали охать и ахать по поводу неиспользованных возможностей и утраты контактов между двумя мирами, контактов, одинаково ценных для них — прогресс, внедрение современных достижений науки — и для нас — изучение живой истории, спасение культурных ценностей и многое другое. Но прошло несколько недель, и все вздохнули с облегчением. Еще бы — не надо больше ломать голову — что-то будет...

Люди смотрели на привычный мир удивленными глазами. Так бывает после страшного тайфуна или землетрясения: как странно, я уцелел и моя земля тоже уцелела... Знакомые при встречах особенно сердечно пожимали друг другу руки и, обмениваясь обычными замечаниями о погоде и здоровье близких, как бы вскользь говорили: «А помните, когда «туда» отправилась очередная экспедиция, я сказал — хорошо бы...» Короче, у всех, оказывается, возникали гениальные мысли по этому поводу, но общественность в свое время к ним не прислушалась... Впрочем, вскоре исчезли и эти маленькие водовороты, оставшиеся после бури, и жизнь в Японии стала тихой и спокойной как гладь лесного озера. Так уж устроен человек: все забывается, даже война...

Но всякое событие оставляет хоть какой-нибудь след в жизни человеческой. Лазейка в эпоху Эдо закрылась, но следы нашего мира глубоко отпечатались на той земле. Нет, я выражаюсь в данном случае не фигурально, я имею в виду конкретные следы, оставленные подошвами моих современников у входа в пещеру, по ту сторону. Несколько человек не успели вернуться, когда капризные поля притяжения захлопнули дверцу между двумя столетиями. Разумеется, я не видел этих несчастных путешественников, навсегда отрезанных от родной земли, но легко мог себе представить, как они в полном отчаянии

бросались в пещеру и выскакивали обратно в тщетной надежде увидеть ставшие вдруг такими родными лица солдат самообороны и полицейских... Что-то с ними будет?.. Не меньшую жалость вызывала и довольно многочисленная группа самураев, оставшаяся у нас. Двое закончили жизнь самоубийством, сделав себе харакири. Пятеро потеряли рассудок и теперь прозябают в психиатрической клинике. Наиболее спокойные и рассудительные из самураев смирились со своей участью и решили включиться в современную жизнь. Некоторые читают лекции о нравах и обычаях эпохи Эдо, некоторые устроились на работу в музеи национальной культуры. Кое-кто пытается заняться духовным воспитанием молодежи. Эти люди не носят больше прическу тёнмагэ и по внешнему виду ничем не отличаются от прочих граждан. Но где бы они ни находились, что бы ни делали, прошлое столетие живет в их сердцах и накладывает отпечаток неизгладимой печали на мир, ставший для них теперь реальным. Раз в месяц они собираются вместе и громко возмущаются теперешней Японией, павшей так низко в нравственном отношении, и предаются грезам о родной стороне, и, как мертвых, оплакивают своих близких.

Наша деревня Кэдзири опять превратилась в тихую, ничем не примечательную деревню. Никто больше не хотел купить нашу гору, за которую еще совсем недавно давали три миллиарда. Бабушка что-то очень сдала за последнее время. Ее неукротимая энергия угасла. Целыми днями бабушка сидела на галерее и смотрела на гору. Наверно, тосковала. Мир детства не давал ей покоя. А может быть, вспоминала приемного отца Сануэмона. Девочка Умэ, которую дальний родственник взял на воспитание в богатый дом, была обогрета и обласкана и

обожила Сануэмона Кимура. Но в те времена ее счастье длилось недолго: она рано потеряла человека, ставшего ее вторым отцом. И теперь ей было суждено потерять его во второй раз. А я...

Я, очевидно, принадлежал к числу тех немногих, в ком это происшествие оставило неизгладимый след. Мне был разрешен свободный проход на ту сторону, и я бывал там почти каждый день. И теперь страшная жизнь деревни эпохи Эдо преследовала меня как кошмар. Просыпаясь по ночам, в холодном поту, я видел нечто бесформенное, надвигавшееся на меня. На безобразном тускло-сером теле расплывалось черное пятно. Оно становилось все больше, все чернее, отделялось от тела, плыло по воздуху и входило в мою душу. И я начинал понимать, что жуткое черное пятно — это та деревня...

Утром я выходил из дома и смотрел на нашу деревню. Какая мирная, ничем не омраченная картина! Выкрашенное веселенькой светлой краской здание сельскохозяйственной кооперации, дома крестьян, чистые, удобные, почти на каждой крыше телевизионная антенна, с полей доносится равномерное стрекотание самоходного комбайна, кругом резвится детвора, вон какая-то бабка вышла на улицу, скликает кур, лицо у нее полное, сытое, добродушное и ленивое. И все это благополучие выросло из той нищеты, серости и убожества?! Нет, нет, как бы ни светило солнце, какими бы яркими ни были краски, все равно за всем этим стоит черный призрак прошлого. Сколько еще поколений должно смениться, какие преобразования должны произойти, чтобы этот призрак развеялся навсегда? А вдруг прошлое оживет и с яростью одержимого вонзит свои страшные кривые когти в настоящее?..

Случайное стечение обстоятельств, происшествие с пещерой навели меня на эти мысли, и покой мой был утра-

чен. Может быть, со временем все забудется, сгладится в памяти, а сейчас воспоминания еще слишком свежи... Но погребец, с которым мои предки отправлялись на прогулку, когда цвела сакура, ныне занявший в нашем доме почетное место рядом с телевизором, и сейчас кажется мне чудом искусства.

Какая же из двух эпох выше? Та, создавшая вещь, полную прекрасной гармонии и изящества, отмеченную тонким вкусом мастера-художника, не стареющую на протяжении столетий и заставляющую замирать от восторга сердца моих современников? Или эта, сконструировавшая сложный, почти фантастический прибор, — телевизор, которому суждена недолгая жизнь в век прогресса, где каждые два-три года появляются новые, еще более совершенные модели?.. Глупый вопрос. Пустые домыслы досужего ума. Ибо создаваемые человеком вещи обретают свой настоящий смысл только в те времена, когда они создаются.

Но у нас дома, в кладовой, хранится еще и старинное кимоно. И когда я смотрю на прочный тяжелый шелк, на ослепительные краски, чуть потускневшие и приобретшие с годами удивительную теплоту и мягкость тона, я не только восхищаюсь, но и вижу тонкие усталые пальцы Такэ, которые соткали этот шелк нить за нитью, узор за узором.

Такэ! Передо мной всплывает ее бледное лицо. Глаза, освещенные тусклым пламенем керосиновой лампы, смотрят печально, а губы шепчут: «Нет! Никогда...» И меня вдруг охватывает безумие. А если... если... Но нет, невозможно! Человек не может быть своим собственным прадедом.. И все же я думаю о безвестном отце моего деда, круглого сироты, моего деда, который женился на бабушке и принял фамилию Кимура и имя Сануэмон младший...

НОВЫЙ ТОВАР

Репродуктор в зале ожидания громко объявил: — Просим следующего. Номер двадцать четвертый, пройдите, пожалуйста!

Морита поднялся с кресла.

Не разжимая губ, очень тихо, почти шепотом он сказал:

— Шеф, начинается.

Во рту у Мориты находился микроскопический микрофон-передатчик, вмонтированный в зуб мудрости. Такой же маленький приемник был скрыт в волосах за правым ухом. В приемнике прозвучал голос его шефа, начальника секретариата компании электроприборов.

— Держись, Морита,— сказал шеф.

Начальник секретариата находился в здании напротив завода. Там, на четвертом этаже, он временно снимал комнату.

Морита подобрался, как перед прыжком в воду, и перешагнул через порог комнаты, на двери которой висела табличка «Испытательная». Он очутился в просторном помещении, сиявшем белизной, где блестели яркие металлические части каких-то сложных приборов. За столом сидел экзаменатор, рядом стояли его помощник и медсестра в белых халатах.

— Хаяси Тосиюки,— сказал экзаменатор, глядя в ан-

кету,— двадцать семь лет, холостой, близких родственников нет... Все правильно?

— Так точно, все правильно,— кивнул Морита.

Каждое его слово через мини-передатчик передавалось шефу. Этот чувствительный прибор улавливал не только слова, сказанные вслух, но и малейшие колебания голосовых связок, которые было невозможно воспринять обычным путем. Таким образом, Морита мог беспрепятственно общаться со своим шефом.

Морита ответил на несколько простых вопросов. Затем на его голову наложили специальную повязку, соединенную множеством проводов с аппаратом. Процедура известная — испытание умственных способностей. Морита постарался, чтобы показатель не был очень высоким. На данных испытаниях проходным баллом являлась золотая середина.

— Хорошо,— сказал экзаменатор, взглянув на шкалу измерителя,— приступим к следующему испытанию.

— Это, кажется, что-то новое,— услышал Морита голос шефа.— Не знаешь, что они придумали?

— Понятия не имею. Подключают провода к запыстью.

— Уж не детектор ли лжи? — в голосе шефа послышалась тревога.— Как бы не разоблачили!

— Ничего, как-нибудь выдержу. Если появится потребность говорить правду, тут же автоматически срабатывает самогипноз. Так что не беспокойтесь, шеф... Секундочку... знаете, это что-то другое. На детектор лжи не похоже...

— Приготовились! — сказал экзаменатор.

Начальник секретариата напряженно прислушивался и время от времени поглядывал в окно на заводское здание. Вдруг в его наушниках раздался оглушительный треск, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные

перепонки, потом все смолкло. Связь с Моритой оборвалась.

— Сопротивляемость электрошоку 608,— сказал врач бесстрастным тоном.— Пришел в себя очень быстро — коэффициент восстановления 7. Отличные показатели. Удивительно здоровый организм.

Морита закусил губы от нестерпимой боли. Его била дрожь. Электрошок был очень сильным. Он покосился на свое запястье со следами ожога. Медсестра осторожно взяла его руку и сделала укол. Боль постепенно начала проходить. Мышцы расслабились, ему стало лучше.

— Вы успешно выдержали испытания,— сказал экзаменатор,— остается только подписать договор и соглашение. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь и здесь.

Сделав усилие, Морита подошел к столу и посмотрел бумаги. У него кружилась голова, перед глазами все еще плыли зеленые и красные круги. Договор между компанией электроприборов «Сэкай» и временным рабочим таким-то. Трудовое соглашение со множеством разделов и подразделов, согласно которым он, временный рабочий, обязан выполнять то-то и то-то.

— Сволочи! — сказал Морита голосом, неслышным для окружающих.— Мало им этих паршивых бумажек и дурацких вопросов, так они еще издеваются...

— Держись, друг,— ответил ему шеф.— Это еще только начало, цветочки, так сказать, а ягодки впереди...

Плохо повиновавшимся пальцами Морита взял ручку и поставил свою подпись.

Вот что произошло за месяц до этих событий. В специальной комнате на пятьдесят втором этаже фирмы электроприборов «Интернациональ» встретились двое. Эта комната была соединена прямым лифтом с кабине-

том президента фирмы. Кроме двери, ведущей в лифт, была и вторая, потайная. Таким образом, сюда можно было проникнуть никем не замеченным.

За письменным столом сидел президент фирмы, напротив него — Морита. Президент показал ему фотографию, сделанную с самолета.

— Взгляните сюда. Это общий вид главного завода компании «Сэкай». В центре — большой серый корпус без окон. Его построили недавно, три месяца назад, он числится под номером семь. Здесь находится секретный цех.

— И что же они там производят?

— Если бы мы это знали, вы бы сейчас не сидели здесь, передо мной! — президент повысил голос.

Морита едва заметно усмехнулся, и президент окончательно вышел из себя.

— С кем я разговариваю, с асом промышленного шпионажа, как вы сами себя именуете, или с несусветным олухом?! Он меня еще спрашивает, что производит компания «Сэкай» в секретном цехе! Установить это — ваша задача.

— Надеюсь, вам известно, как поставлено дело в компании «Сэкай», — спокойно сказал Морита. — Все производственные процессы у них содержатся в строгой тайне. Они превосходные конспираторы. Словом, противники, достойные вашей фирмы.

— За деньгами мы не постоим, — буркнул президент, успокаиваясь и доставая чековую книжку. — Можете назвать любую сумму. Итак, в вашу задачу входит установить, что производят в секретном седьмом корпусе. Не церемоньтесь с ними, в таком деле любые средства хороши. Впрочем, этому вас учить не надо.

— Сумма неплохая, но недостаточная, — сказал Морита, мельком взглянув на чек. — Будет справедливо, если

вы ее утроните, в случае успешного выполнения задания, разумеется. И кроме того, у меня есть еще одно условие. Я хотел бы получить постоянную работу в вашей фирме. Надоело, знаете ли, каждый день идти на риск. Многие мои товарищи, люди молодые, полные энергии, никогда уже не смогут вот так беседовать с руководителем какой-либо компании, как я с вами сейчас. Они умерли, как говорится, пали жертвой «несчастливого случая на производстве».

Президент, скорчив кислую мину, долго молчал. Потом кивнул.

— Ну что же, согласен... Когда закончите это дело, дадим вам какую-нибудь работу. А если случится что-либо непредусмотренное, и вы... э-э-э... окажетесь нетрудоспособным, наша фирма обязуется выплачивать вам пожизненное содержание.

Потайная дверь открылась, и в комнате появился начальник секретариата Симура.

Поклонившись президенту и приветствовав легким кивком головы не совсем обычного посетителя, он произнес:

— Я хотел предупредить вас, Морита, что работать вы будете со мной, под моим непосредственным руководством. Кроме того,— он улыбнулся,— я буду, так сказать, вашим связным, буду осуществлять связь между вами и президентом.

— Так, так! — Морита засмеялся. Его глаза вызывающе блеснули.— Значит, берете на себя роль надзирателя. Не люблю, когда мне не доверяют...

— Да что вы, при чем здесь недоверие! — президент посмотрел на них обоих с плохо скрытой усмешкой.— Давайте, Морита, беритесь за дело, а кости ваши, в случае чего, я подберу.

Компании «Интернациональ» и «Сэкай» были двумя самыми крупными фирмами электроприборов. Случай довольно редкий — обычно самой крупной бывает одна фирма. Но так уж сложилась судьба обеих компаний. Их капиталы и производственная мощность были примерно равны, они делили рынок пополам; продукция «Интернационаля», начиная от крохотных электролампочек для карманных фонариков и кончая оборудованием атомных электростанций, как две капли воды походила на продукцию «Сэкай». Они прельзовались равным влиянием в промышленном и финансовом мире, об открытой борьбе пока что не было и речи, и на линии фронта наблюдалось кажущееся затишье. Однако борьба не затухала, и ареной ее служило прежде всего производство новинок электротехники.

— Сейчас на повестке дня производство новейших усовершенствованных электронных автоматов. Мы делаем все, что возможно, но и наш противник из кожи вон лезет, — объяснял начальник секретариата внимательно слушавшему Морите. — Я думаю, их седьмой секретный цех как раз и ведет исследования в этой области.

— Если я вас правильно понял, «Интернациональ» тоже занимается подобными поисками?

— М-м-м... в некотором роде, — начальник секретариата замялся, недовольно посмотрев на Мориту. — Короче говоря, продукция обеих компаний достигла возможного на данном этапе предела технического совершенства, конкурентное снижение цен тоже подошло к той черте, перешагнуть которую уже нельзя. Наступил решительный момент; кто-то из нас должен сделать бросок и вырваться на первое место. Выход один — выбросить на рынок новое изделие, опередив противника.

— Например?

— Ну, хотя бы универсальный автоматический элек-

тронный прибор. Такой аппарат, который будет делать абсолютно все.

Морита пожал плечами.

— Дорогая, наверно, будет игрушка. Ее розничная цена не испугает покупателя?

— В этом-то вся загвоздка. Обе компании делают отчаянные усилия, чтобы как можно больше снизить себестоимость таких универсалов. Очевидно, «Сэкай» несколько опередила нас. Недаром же они построили этот седьмой корпус, глухой, как тюрьма, куда и мышь не проберется. Вероятно, там осваивается какой-то новый, очень дешевый технологический процесс.

Морита задумался, почесывая кончик носа.

— С чего начнем? — спросил начальник секретариата.

— Только не торопитесь, — сказал Морита. — Поспешность в таком деле может привести к обратным результатам. Ведь нам предстоит работать в логове противника. Надо все взвесить и продумать тщательнейшим образом. А то из-за малейшей оплошности все наше мероприятие может лопнуть как мыльный пузырь. В «Сэкай» тоже не дураки сидят, и у них тоже нюх — будь здоров!

Обстановка оказалась сложнее, чем предполагалось. Прибыв в город, где размещались главные заводы фирмы «Сэкай», Морита и начальник секретариата столкнулись с почти непреодолимой преградой — фантастическим контролем и проверкой. Служба информации компании работала с точностью часового механизма и с быстротой молнии. Весь город был опутан сетью секретных агентов, находившихся на службе у администрации завода.

Небольшие провинциальные города, где находятся крупные промышленные предприятия, зачастую фактиче-

ски являются придатком такого предприятия. То же самое было и здесь. Городок был феодем компании «Сэкай». Девяносто процентов городского бюджета обеспечивалось налогами с недвижимого имущества компании. Семьдесят процентов населения составляли рабочие и служащие заводов, поставщики фирмы и их семьи. Остальные тридцать процентов были торговцы, обеспечивающие город продуктами питания и ширпотребом. Компания «Сэкай» финансировала строительство дорог и газопровода, субсидировала местную полицию и пожарную охрану и даже содержала две-три банды рэкетиоров. Только сумасшедший осмелился бы заняться шпионажем в этом маленьком, но крепком, как орешек, государстве. Служащие, хорошо оплачиваемые, дорожили своим местом и не имели ни малейшего желания снабжать кого бы то ни было какими-либо сведениями. О всех подозрительных лицах, появлявшихся в магазинах, общественных зданиях и кабаках города, незамедлительно сообщалось в особый отдел компании.

Территория завода была очень большой — несколько сот тысяч квадратных метров. Седьмой корпус находился в самом центре, окруженный другими корпусами. Вокруг территории тянулся высокий забор, поблизости не росло ни одного дерева, не возвышалось ни одного холмика, откуда можно было бы окинуть взглядом владения «Сэкай».

Морита и Симура не торопились проникнуть в город. Они выжидали. Наконец удобный случай представился, и они с автокараваном розничных торговцев отправились на дешевую распродажу. Морита вел головную машину. В городе они сняли небольшое здание и подняли над ним рекламные воздушные шары. В эти шары были вмонтированы миниатюрные телевизионные камеры с телеобъективами, нацеленными на седьмой корпус завода. В одном из четырех принадлежавших им автофургонов находился

хорошо замаскированный телевизор. Морита и Симура поочередно дежурили у экрана.

Они надеялись, что счастливый случай поможет им увидеть, какое сырье поступает в седьмой корпус. Это могло бы послужить первым шагом к разгадке тайны.

Но за четыре дня в этот тщательно охраняемый, обнесенный колючей проволокой корпус вошло всего пять человек. Один из них вез тачку, со всех сторон закрытую брезентом. Догадаться о ее содержимом было невозможно.

— Посмотри-ка, — сказал Морита, старательно изучавший видеоленту, — вот интересный кадр. Ветер отогнул уголок брезента... Что же там такое?..

— Отложи эту ленту и увеличь кадр, — посоветовал Симура.

Так и сделали. Но увеличенная фотография страшно их озадачила.

— Ерунда какая-то! — сказали оба в один голос.

— Свинство! — пробормотал Симура. — Четыре дня торчать здесь лишь для того, чтобы увидеть тачку, до верха нагруженную ведрами...

— Зачем им столько ведер?.. — Морита задумался. — Послушай, может, ведра являются составной частью новейших автоматических электронных приборов?

— Брось свои дурацкие шуточки! — огрызнулся шеф. — В седьмом корпусе идет генеральная уборка или что-нибудь в этом роде...

— Ну да, уборка! Думаешь, эти чистюли для каждой соринки по ведру приготовили? — съязвил Морита. — Послушай, а может быть, эти ведра из особого металла, не подверженного окислению? Ведра для химикалиев?..

Но ведра были самые обыкновенные. Это с большим трудом удалось узнать у местного торговца скобяными товарами. Морита потратил битых два часа на задушев-

ную беседу с торговцем. В последнее время тот процветал. Ведро, которые сотнями залеживались на складе, вдруг снова стали ходовым товаром. С окончанием строительства седьмого корпуса спрос на них резко увеличился. И это было все, что удалось выяснить. Вступать в переговоры с рабочими завода не имело смысла. Они не разглашали производственных секретов. Очевидно, компания «Сэкай» умела заставить молчать своих служащих.

— Что будем делать? — раздраженно сказал начальник секретариата. Терпение у него уже было на исходе. — Доложим президенту, что в седьмом корпусе делают ведра?

— Не нервничай, что-нибудь придумаем... — Морита что-то соображал, обхватив голову руками. — Пожалуй, придется проникнуть туда. Иного пути нет.

— Но как?! — в голосе шефа слышалось отчаяние. — Президент из себя выходит. Требуется немедленных результатов. Тебе что — ты вольная птица! Все шишки посыпят на меня.

— Я тебе очень сочувствую...

Морита разглядывал фотографию седьмого корпуса. Огромное серое здание без окон. Колючая проволока. Вооруженная охрана у дверей. Один вид этой мрачной громады, казалось, начисто отвергал всякую возможность проникнуть внутрь.

И все-таки информация о седьмом корпусе постепенно накапливалась. Правда, она была туманной и приблизительной и не имела прямого отношения к делу. Подтверждалось только одно — все касавшееся этого цеха было окружено тайной. Лишь высшее руководство фирмы имело к ней доступ. В ходе строительства в седьмой корпус поступило много никому незнакомого оборудования. Всех рабочих набрали на стороне. Теперь они нахо-

дились на казарменном положении — их обязали вплоть до завершения работ и поступления нового товара на рынок не покидать стен корпуса.

Морита ломал голову, где компания черпает рабочую силу для своего секретного цеха. Что значит — «на стороне»? Может быть, сюда переводят хорошо проверенных кадровых рабочих с дочерних предприятий фирмы?..

И вот однажды Симура, красный от возбуждения, хлопнул Мориту по плечу.

— Все думаешь-гадаешь, откуда они берут рабочих? Держись, брат, сейчас ты упадешь в обморок! Мне удалось кое-что выведать. Их берут прямо с улицы! Представляешь себе?!

— Что-то не верится... В городе никто об этом ничего не знает.

— И не может знать. Компания «Сэкай» держится в тени. Набор производит одна из фирм-поставщиков. Среди молодых, холостых, совершенно одиноких парней вербуют рабочих на временную работу. Условия шикарные.

— Значит, это единственная возможность проникнуть в седьмой корпус. Я буду там! — в глазах Мориты появился веселый блеск.

— А как мы будем поддерживать связь? — спросил Симура. — Они ловко все устроили. Рабочие ведь на казарменном положении. Холостые ребята не очень рвутся на свободу. Платят им хорошо, и они могут потерпеть несколько месяцев, пока новый товар не будет готов. А если даже туда и проникнет шпион под видом рабочего, его все равно не выпустят за стены корпуса.

— Связь это ерунда, что-нибудь придумаем... — Морита покусывал губы. — Не нравится только одно. Почему они берут на работу холостяков, не имеющих близких родственников? Очевидно, работа очень опасная.

— Сейчас направляюсь в седьмой корпус,— шепнул Морита.— Рабочие других корпусов смотрят на меня как-то странно.

— Завидуют,— отозвался шеф.— Ведь работа в седьмом дает обеспечение на всю жизнь.

— На зависть непохоже. Скорее наоборот — такими взглядами провожают покойника в последний путь,— голос Мориты звучал подавленно.

— Не унывай!

— Подхожу к корпусу. Тут крутится какой-то тип, похожий на бригадира. Ага, собирается толкнуть речь... Послушай...— Морита слегка приоткрыл рот.

— Перед вами секретный экспериментальный корпус, в котором ведутся работы по изготовлению нового товара. Судьба нашей фирмы зависит от этого товара. Предупреждаю заранее — работа вам предстоит нелегкая. Полная изоляция. Но каждый рабочий, который добросовестно трудится, получает еженедельную прибавку к жалованию. По истечении срока контракта люди выходят отсюда богачами. Им уже не нужно работать, чтобы обеспечить себе кусок хлеба.

— Слышал? — спросил Морита.— Когда начальство сулит обеспечение на всю жизнь, значит, дело нечисто. Скажи президенту, что я требую удвоения гонорара!

— Не валяй дурака! — крикнул Симура.

— Ладно, ладно, я пошутил!

— ...Разумеется, вы должны строго соблюдать производственную тайну,— продолжал бригадир,— подчиняться всем приказам начальства, не нарушать дисциплину и беспрекословно выполнять правила внутреннего распорядка...

— Ворота открылись. Вхожу,— голос стал далеким и слабым. Очевидно, Морита вошел внутрь здания.

— Приступаю к работе...

В наушниках Симуры раздался дребезжащий звук: кажется, там, в седьмом корпусе, звонил звонок.

— Какого характера работа? — спросил начальник секретариата, едва сдерживая волнение.

— Не знаю. Я в маленькой, квадратной, совершенно пустой комнате. Один. Две линии конвейера. Больше ничего. В потолок вмонтирован телеглаз. Наверное, за рабочими ведется наблюдение.

В наушниках Симуры опять что-то щелкнуло и затрещало. Потом послышался приглушенный голос, очевидно исходящий из репродуктора в цеху:

— Номера двадцать второй, двадцать третий, двадцать четвертый и двадцать пятый! Сегодня будете переносить химикалии с белого конвейера на красный. После короткого звонка приготовиться, после длинного — приступить к работе. Старайтесь не расплескать раствор...

Прозвучали два звонка, сначала короткий, потом длинный. Зажужжала лента конвейера. Симура увеличил громкость в наушниках. Вдруг послышалось удивленное восклицание Мориты:

— Ведро!

— Ведро?! — начальник секретариата прижал микрофон к губам. — Те самые?

— Да. Те самые, которые мы видели на фотографии. Поступают на конвейер одно за другим...

— Что в них?

— Не пойму... Какая-то прозрачная, как вода, жидкость. Без всякого запаха... Постараюсь улучшить момент и взять пробу...

— Двадцать четвертый! — донеслось из громкоговорителя. — Не зевайте по сторонам! Осторожней, а то прольете раствор.

— Пока прерываю связь, — прошептал Морита с беспокойством. — Свяжусь с тобой позже.

— Алло! Алло!..

Голос звучал в самом ухе. Морита протер глаза и посмотрел на светящиеся стрелки стенных часов. Они показывали два часа ночи. В его новой спальне было душновато.

— Узнал, что за раствор был в ведрах? — сказал голос шефа.

— Нет, пока ничего установить не удалось. У меня нет ни одной свободной минуты. Я стал ходячим хронометром. Тут нам дохнуть не дают... Ну, спокойной ночи...

Морите, измученному непривычной работой, страшно хотелось спать.

— Какое там — спокойной ночи! — голос начальника секретариата звучал раздраженно. — Я тут как на иголках. Ведь две недели уже прошло! Что же ты делал все это время? Так-таки ничего и не узнал?

— Ничего, — Морита перевернулся на другой бок. — Я ведь уже докладывал, что мы работаем как узники в одиночных камерах. У каждого рабочего отдельная комната. Никто друг с другом не общается. Производственный процесс раздроблен на сотни мельчайших операций. Что происходит в целом — понять невозможно.

— Это они, конечно, здорово придумали! — Симура даже прищелкнул языком. — Но нам от этого не легче... Ты так и будешь играть с этими ведерочками или есть надежда, что переведут на какую-нибудь другую работу?

— Завтра приступаю к новой работе. Меня повысили... — Морита громко зевнул, и этот зев прозвучал в наушниках как львиный рык. — Все идет нормально, только не надо торопить события. Ну, привет... Умираю хочу спать..

— Послушай!..

— Пошел ты к черту! Хочешь, чтобы я загнулся? Несколько рабочих, поступивших сюда в одно время со

мной, уже угодили в психиатричку. Понял?.. Сон здесь — единственный отдых...

Рано утром Симура уже сидел с наушниками.

— Номер двадцать четвертый! — донесся до него голос громкоговорителя. — С сегодняшнего дня вы приступаете к новой работе.

Начальник секретариата попытался представить Мориту стоящим по стойке «смирно» в одной из рабочих комнат седьмого корпуса. За эти две недели парень, как видно, страшно устал. Теперь он сам не выходил на связь. Каждый раз его приходилось долго и настойчиво вызывать.

— В вашу задачу входит, — продолжал громкоговоритель, — проверить деталь, поступающую в правый желоб, и если на ней нет царапин, перенести ее в левый желоб.

Раздался звонок, загудели моторы.

— Морита! — раздраженно крикнул шеф. — Что за деталь?

— Не знаю... Мячики какие-то...

— Мячики?!

— Да, белые, пластмассовые... Похожи на мячи для настольного тенниса. Нет, правда, настоящие мячи для пинг-понга...

Симура недоумевал. Какая-то чертовщина. Сначала ведра, потом мячи для пинг-понга.

— Послушай, Морита, ты меня не разыгрываешь?.. Зачем им мячики?..

Ответа не последовало.

Через неделю Морита снова получил повышение. Теperешняя его работа хоть немного походила на настоящую. Он сидел перед пультом управления, снабженным

множеством кнопок. По сигналу звонка и мигающей лампочки нажимал соответствующие кнопки. Очевидно, он стал чем-то вроде диспетчера и регулировал работу конвейеров. Но что производилось в седьмом цеху, так и не удалось выяснить.

— Сегодня я услышал кое-что новое,— сказал он однажды удивительно бесцветным, лишенным всяких эмоций голосом.— Проходил мимо одной комнаты, там, кажется, экспериментальная лаборатория, где проверяют образцы изделий. За дверью говорили: «скорость реакции, степень добросовестности...»

— «Степень добросовестности»? Интересно... Тебе не удалось хотя бы одним глазком заглянуть в комнату?

— Не говори глупостей! Как я смею...— голос Мориты сделался резким.— Ведь компания электроприборов мой...

— Морита! Что с тобой? — крикнул Симура испуганно.

Последние слова Мориты прозвучали очень странно. Это или какая-то уловка, конспирация, или... парень тронулся умом, не выдержав непосильной нагрузки. После долгой, мучительной паузы снова послышался тихий, неуверенный голос Мориты.

— Да... я... ну, конечно...— снова наступила пауза. Потом он сказал обычным тоном, словно сбросив с себя оцепенение:— Как там президент? Злится?

— Нет, в последнее время даже ласковым стал. Совсем прекратил орать. Очень меня это беспокоит, честно говоря,— пожаловался Симура.— Сам вроде бы утешает, мол, не спешите, ребятки, тише едешь — дальше будешь. А в голосе ехидство. Может, он на нас совсем рукой махнул, как ты думаешь?

— Все будет хорошо,— медленно произнес Морита.— Меня все время повышают. Еще две ступени — и я рас-

крою тайну, получу доступ к готовым изделиям. Недавно я обнаружил в глубине корпуса склад готовых изделий...

Вскоре Мориту перевели на новую работу — передвигать какие-то рычажки, потом дали более сложное задание. Симура чувствовал, что силы Мориты на исходе. Он совсем перестал выходить на связь, а когда шеф вызывал его, подолгу не отвечал. Очевидно, работа была изматывающей. Конвейер, пульт управления сложными приборами — это и в обычных условиях отнимает много сил. А тут еще сказались полная изоляция, оторванность от внешнего мира. Из пятерых рабочих, принятых вместе с Моритой, трое уже выбыли. Люди не выдержали нервного перенапряжения. Морита, очевидно, тоже был на грани неврастения. Симура очень беспокоился, но ничем не мог ему помочь.

Прошло еще десять дней. Десять дней гробового молчания. Начальник секретариата не снимал наушников, даже спал в них. И вот наконец он услышал напряженный, взволнованный голос Мориты:

— Завтра... Завтра я получаю повышение. Буду начальником отдела...

— Начальником отдела? — Симура отер со лба пот. Кажется, решающий миг наступил.

— Да... Тут они устроили хорошенький цирк. Сам понимаешь, ребята совсем выдохлись... Начальство решило дать нам выходной и устроить вечеринку. И лозунг придумали «Каждый делает, что хочет». Бригадир выступил вперед и сказал, что он понимает наше состояние и нашу справедливую злость на него. Так вот, сегодня, мол, вы можете сорвать вашу злость — подходите ко мне и бейте... Я не стал его бить, рука не поднялась. Он ведь тоже человек и устал не меньше нас. А другие били. Здорово ему досталось... Оказалось, это — ловушка. Всех

ребят куда-то убрали. Остался один я. Меня сделали начальником отдела...

— Теперь ты увидишь новое изделие?

— Возможно... Кабинет начальника отдела рядом со складом...— голос звучал глухо и постепенно замирал. Казалось, Морита еле дышит.— Завтра... в обеденный перерыв...

На следующий день Симура не находил себе места. Его лихорадило. Он то и дело поглядывал на часы. В наушниках слышался треск, какие-то посторонние сигналы и шумы. Наконец задрезбезджал звонок, возвестивший обеденный перерыв. Морита молчал. Начальник секретариата не выдержал напряжения и заорал:

— Морита, почему ты молчишь?!

— Это ты?.. Я тебя слушаю...— Морита еле ворочал языком.— Знаешь, на новой работе приходится очень трудно. Жутко устал...

— Где ты там? Беги на склад, взгляни на эти проклятые приборы!— Симура ерзал на стуле от нетерпения.— Морита, ты меня слышишь? Беги на склад, тебе говорят!

Кажется, Морита поднялся и пошел куда-то. В наушниках звучали его тяжелые шаги.

— Иди, иди, иди! На склад новых изделий! Иди, иди, Морита!— Симура, как заведенный, повторял одно и то же, словно гипнотизер, пытавшийся внушить свою мысль больному.

— Я... у склада...— голос Мориты звучал совсем глухо. По-видимому, он крепко сжал зубы.— Дверь не заперта...

— Так открой ее поскорей!— Симура проглотил слюну и вытер о брюки вспотевшие ладони.— Загляни внутрь!

— Нет... не могу...— в голосе Мориты слышались

рыдания.— Не могу... не смею... Ведь я... я... служащий компании «Сэкай»...

— Болван! Безмозглый идиот! И в такой момент я еще должен прочищать тебе мозги! — начальник секретариата орал так, что у него самого звенело в ушах.— Ты что — рехнулся? Ну, Морита, миленький, соберись с силами, вспомни, кто ты! Ты агент промышленного шпионажа, заключивший контракт с фирмой «Интернациональ»! Ну, понял? Так открой же поскорей дверь!

Прошло около двух минут. Потом донесся скрип открываемой двери. Послышалось свистящее дыхание Мориты.

— Ну, что там? Понял, что за изделие? — начальник секретариата весь обратился в слух.

— Понял! — наконец ответил Морита. Ни расстояние, ни помехи не могли заглушить страшного удивления, звучавшего в его голосе.— Да, теперь я понял, что за изделие они производили в седьмом корпусе...

Внезапно заверещал звонок. Перерыв кончился. Морита замолчал. Скрипнула закрываемая дверь. Затопали шаги.

— Морита! Морита! Неужели ты ушел?! — орал Симура, выходя из себя.— Куда ты делся? Где ты? В своем кабинете? Идиот несчастный, ты же ничего не объяснил... Морита, ответь, я тебе приказываю!

Морита не откликнулся. Связь прервалась.

— Уважаемая публика! Покорнейше просим извинить нас за столь долгое ожидание! — разнеслось по залу. Голос молодой дикторши был очень музыкален.— Начинаем демонстрацию нашей новинки — нового изделия компании электроприборов «Сэкай»...

Грянули фанфары. Президент компании «Сэкай» под-

нялся на трибуну. Его глаза светились торжеством, вся его фигура являла собой величие и триумф победителя. По залу роскошного отеля волной пронесся шепот, раздались аплодисменты, сначала слабые, потом дружные и, наконец, подобно грому, заглушившие все остальные звуки. Среди присутствующих находился и президент компании «Интернациональ». За его спиной маячила бледная тень — сломленный горем, раздавленный начальник секретариата. Президент «Сэкай» дернул шнур, и занавеска, закрывавшая ряд ящиков одинакового размера, поползла в сторону. Публика замерла.

— Господа! — прозвучал глубокий голос дикторши. — Познакомьтесь с новой моделью нашей фирмы. Перед вами — «Гомо-роботы», серия ГР-I. После многолетних экспериментов в результате упорного труда компания «Сэкай» освоила совершенно новую методику и технологию производства и создала эти великолепные человеко-машины. Их можно использовать в любой области труда. Гомо-роботы работают с четкостью и добросовестностью машины и с настоящей человеческой фантазией. Расходы на поддержание их энергии составляют одну треть расходов, необходимых для функционирования уже известных вам «Роботов для конторского труда»... Прошу также обратить внимание на приятную внешность этих ребят...

В открытых ящиках сидели молодые люди, аккуратно и даже франтовато одетые, с красивыми, но абсолютно ничего не выражающими лицами. На их груди красовалась торговая марка фирмы «Сэкай». Прозвучал зуммер. Молодые люди распрямились, выскочили из ящиков и бросились к пишущим машинкам и электронно-вычислительным аппаратам. Застучали клавиши. Гомо-роботы работали с молниеносной быстротой. Зал потонул в буре аплодисментов.

Начальник секретариата Симура, съежившись и втянув голову в плечи, подошел к президенту «Интернационаля».

— Господин президент...— он заикался.— Я... я... даже и не знаю, что сказать. Поверьте мне, я тяжело переживаю все случившееся. Очевидно, мне будет очень трудно оправдаться, но... но... кто бы мог подумать... Я, конечно, понимал, что в седьмом корпусе производят нечто оригинальное и интересное, но о таком и помыслить не мог...

Президент презрительно фыркнул.

— А вы не беспокойтесь, Симура,— холодно сказал он.— Противник нас опередил, но только на один шаг. Через какой-нибудь месяц наша фирма выпустит в продажу точно такой же товар.

— Как?! — Симура поперхнулся.— Это... это правда?.. Но как же так? Я об этом ничего не знал... Мне никто не докладывал...

Президент «Интернационаля», не ответив ни слова, направился к одному из Гомо-роботов. Взглянув на новую модель фирмы «Сэкай», начальник секретариата вытаращил глаза. Весь он покрылся холодным потом.

За электронно-вычислительной машиной сидел Морита и работал с ужасающей быстротой. На его спине болталась бирка «Продано».

— Да, это Морита,— небрежно бросил президент «Интернационаля».— Неправда ли, ас промышленного шпионажа сделал блестящую карьеру? По-моему, он должен быть доволен. Обычно шпионы кончают гораздо хуже. Я сдержал свое обещание. Купил его и, таким образом, обеспечил работой на всю жизнь.

— Купили?.. — начальник секретариата то бледнел, то краснел.— Господин президент, вы сами будете им пользоваться?

— Да, думаю сделать его начальником нашего секретариата...

— А... а как же я? — Симура прислонился к стене, ему казалось, что он видит дурной сон. — Понизите меня в должности? Сошлете в провинцию за провал задания?

— Понижение в должности? Ссылка? Ну что вы, дорогой! Мы вас просто уволим, — президент отечески похлопал по плечу бывшего Мориту, ныне Гомо-робота серии ГР-I. — Этот паренек, пожалуй, понадежнее. Во всяком случае, не станет предавать нас и продавать наши интересы за деньги, как вы.

— Господин президент! Как вы можете... — Симура позеленел. — Клянусь вам, я никогда...

— Не клянитесь, любезный! Не отягчайте своих грехов клятвопреступлением. Мне известно, что вы работали на двух хозяев — на нас и наших конкурентов. Я думаю, и Морита попал в седьмой корпус не случайно. Правление фирмы «Сэкай» было предупреждено, и не без вашей помощи. Короче говоря, вы подготовили себе почву для отступления — в случае провала задания собирались переметнуться в лагерь противника, а в случае успеха пожать лавры в компании «Интернациональ». Но вы ничего не знали о Гомо-роботах и переусердствовали. Откровенно говоря, я давно подозревал вас в двурушничестве. Оттого и послал вместе с Моритой, подальше от секретов нашей фирмы. Так нам было спокойнее.

Президент обернулся к трясущемуся, зеленому, как незрелое яблоко, Симуре и смерил его презрительным взглядом.

— Вы свободны! — сказал он с усмешкой. — Можете идти на все четыре стороны. Впрочем, если вам хочется, пройдите испытание, и мы вас, так и быть, препроводим в наш секретный цех... Хотя... вряд ли из такого болвана получится хороший Гомо-робот.

РАЦИОНАЛИСТ

Господин Эн, человек совсем еще молодой, был выдающимся специалистом в области металлографии и уже имел звание профессора. Такое раннее признание заслуг всегда свидетельствует о недюжинном таланте.

Профессор был рационалистом до мозга костей. Однако не следует думать, что это удивительное качество наложило какой-либо отпечаток на его личную жизнь. Он не составлял для себя сметы расходов на текущую неделю и никогда не печатал любовных писем на машинке. Рационализм являлся особенностью его мышления, не допускавшего соприкосновения с чем-то нерациональным или иррациональным.

Однажды вечером профессор Эн в полном одиночестве стоял на морском берегу, у самой кромки воды. Волны лениво набегали на песок, сияя и переливаясь в лунном свете.

Человек проникательный или слывающий таковым, наверно, сказал бы: «Ага, господин профессор, в душе-то вы, оказывается, романтик, мечтаете о любви...»

А поклонник вестернов, знающий к тому же, в какой области трудится профессор, не преминул бы заметить: «Уважаемого господина, как видно, охватила золотая лихорадка...»

Но оставим досужие домыслы. Сердце профессора не

жаждало любви, его натуре был чужд авантюризм, который толкает людей в неведомые края и заставляет без конца промывать песок в надежде обнаружить сверкающие крупы золота. Кроме того, профессор прекрасно знал геологическую структуру данной местности, знал, что залежей золота здесь быть не может. Он пришел на побережье, чтобы собрать содержащиеся в песке мельчайшие крупы некоторых минералов, необходимые ему для исследований.

Он неторопливо и методично наполнял пробирки, но вдруг его взгляд остановился на каком-то странном предмете.

При ближайшем рассмотрении предмет оказался кувшином. Может быть, его выбросило море, а может, он лежал, засыпанный песком, и набегавшие на берег волны постепенно смыли песок. От кувшина веяло чужеземным духом и стариной.

Однако профессор не питал ни малейшего интереса к антикварным вещам. Поэтому он только поддел кувшин носком ботинка и пошел дальше.

Профессор не видел, как кувшин покатился, как из его горлышка выпала затычка, пошел дым и из дыма возник странно одетый человек.

— Покорно вас благодарю! — сказал кто-то за спиной профессора.

Профессор невольно обернулся. Какой-то чудной незнакомец низко ему поклонился.

— Что вам угодно? — спросил профессор, слегка повысив свой металлический голос. — Откуда вы взялись? Кого и за что благодарите?.. И почему на вас этот нелепый маскарадный костюм?

— О благодетель, я тот, кто многие годы томился в заточении, и темницей моей был этот злосчастный кувшин!

Человек ткнул в кувшин длинным пальцем. Профессор взглянул сначала на кувшин, потом на человека и сухим, нравоучительным тоном произнес:

— Шутка отнюдь не остроумная. В вашем ответе отсутствует логика.

— Не сердись, повелитель! — сказал человек. — Да будет тебе известно, что джины не лгут. А я древний арабский джин, долгое время живший в этом мерзком кувшине.

Лицо профессора сделалось совершенно кислым.

— Джин?! Какая чушь! Мы взрослые люди, и не пытайтесь морочить мне голову детскими сказками. Впрочем, и для детей такие сказки не годятся: нельзя давать уму ребенка вредное и ложное направление.

— Как скорбит мое сердце, когда я слышу, что мой господин мне не верит! — плаксиво сказал человек и снова низко поклонился. — Но веришь ты мне или нет, благодетель, а я хочу тебя отблагодарить. Иначе мне нельзя. Я готов исполнить любые три твоих желания. Повелевай и приказывай!

— Гм... любые желания... Очень странно вы рассуждаете! Нельзя забывать, что в нашем мире есть возможное и невозможное...

Джин хихикнул.

— Для меня нет ничего невозможного! Прошу тебя, господин, испытай меня, и сам убедишься, что я говорю правду. Хочешь, я дам тебе золотой слиток?

— Золотой слиток?! — профессор фыркнул. — Дорогой мой, уж я-то знаю, что в этих местах золота нет и в помине! И вообще хватит паясничать.

— А ты поверь мне, повелитель. Какое золото ты хочешь — чистое или с примесью серебра?

— Да что вы ко мне привязались?! Нынче никто не верит в подобные рассказы... Но, впрочем, если вам так

уж хочется — пожалуйста! Я желаю увидеть сейчас — сию минуту! — автомобиль из чистого золота весом в одну тонну!

Не успел профессор договорить, как человек махнул рукой, послышался шум мотора и на песке возник золотой автомобиль.

— Твое желание исполнено, господин!

— Поразительно! Где вы его прятали?

Профессор подошел к автомобилю, достал из кармана необходимые приборы и приступил к анализу.

Джин продолжал кланяться и хихикать.

— Не сомневайся, повелитель, золото настоящее.

— Гм... да... золото... удельный вес 19,3, точка плавления 1063 градуса по Цельсию, атомный номер 79. Чистое золото, не приходится сомневаться... Но как оно здесь очутилось?

— Я его сделал! — человек потер руки. — Я все могу, я джин. Теперь, господин мой, ты убедился в моем искусстве?

— Ни в чем я не убедился. Это ведь иррационально. Я думаю, скорее всего это какой-нибудь ловкий фокус. Но все же странно... Впрочем, сейчас я вас разоблачу. Пусть автомобиль исчезнет!

Профессор смотрел на автомобиль не отрываясь и даже не моргая. Секунда — и автомобиля не стало.

— Твое желание исполнено, высокочтимый господин!

— Так-так... Исчез, значит... Нет, действительно исчез! Но такого быть не может, не может! Подобное явление не поддается никакому логическому объяснению.

Профессор, кажется, не на шутку рассердился. Он озирался по сторонам и что-то бормотал недовольным голосом.

Джин предложил:

— Выскажи твое третье желание, повелитель! Я готов исполнить все, даже самое невероятное!

— Меня все эти бредни ужасно раздражают! Недопустимо, чтобы такое явление имело право на существование! И кроме того, оно никак не связано с моими научными изысканиями. Это даже не смежная область! Я хочу, чтобы все изгладилось из моей памяти, а человек, именующий себя джином, вернулся в свой кувшин!

Лицо джина сделалось очень печальным, и он тут же исчез.

Профессор Эн зашагал дальше по берегу. В его рациональном мозгу не осталось даже смутной тени от только что виденного им иррационального явления.

Странный предмет, издали похожий на кувшин, некоторое время покачивался в волнах прибоя, словно пытаясь удержаться у берега, но потом ветер усилился, волна стала выше и его унесло в открытое море.

ТЕПЕРЬ, ТАК СКАЗАТЬ, СВОИ...

Наверно, все помнят семидесятые годы двадцатого века. Это славное десятилетие ознаменовалось прекращением войн на всем земном шаре. Люди доброй воли свою энергию, свои помыслы посвятили теперь освоению космоса. Земляне были уверены, что где-то в просторах Вселенной живут их братья по разуму. Вскоре был принят международный план поисков контакта с жителями других планет. С тех пор ученые ежедневно посылали радиосигналы в просторы космоса. Люди ждали и верили. Найдутся, непременно найдутся разумные существа, которые примут сигналы, не перепутают их с природными радиоволнами!

Дорогие космические братья, где вы? Откликнитесь!

Конечно, ни один земной язык не годился для этих сигналов. Для связи использовали радиосигналы определенной длительности, передаваемые с регулярными паузами.

Космичане! Что же вы молчите? Мы, земляне, уверены, что где-то, может быть, на какой-нибудь далекой звезде, вы ждете зова родственных вам существ, наделенных высоким разумом... Так примерно можно было расшифровать эти сигналы, если обладать хоть капелькой воображения.

Прошло пять лет, прошло десять лет. Ближайшие к

Земле галактики безмолвствовали. Очевидно, на планетах, находящихся на расстоянии примерно десяти световых лет от нашей, не было разумной жизни. Ученые немного приуныли, но не сдались. Построили новые, усовершенствованные радиотелескопы. Сфера действия радиосигналов расширилась до ста световых лет.

И наконец торжественный день наступил. Земляне получили ответ. Ученые прыгали от радости. На улицы всех городов мира вышли празднично одетые демонстранты с цветами и яркими флагами. Ответные сигналы шли с расстояния сравнительно недалекого. Они представляли собой чередование длинных и коротких импульсов — нечто вроде азбуки Морзе. Однако расшифровать их не удалось. В ответ послали несколько первых чисел из натурального ряда, потом простейшие алгебраические формулы. Несмотря на возражения некоторых скептиков, передали обращение на английском языке.

Прошло еще шесть лет. Из космоса поступили новые сигналы, такие же, как и раньше. Но это было не все. Космичане готовили своим земным братьям сюрприз. Мощные антенны обсерваторий вдруг приняли человеческую речь! Говорили, кажется, по-английски. Через несколько минут усилители поймали и передали совершенно отчетливую фразу:

— Что это вы вздумали пичкать нас примитивными формулами, как первоклашек? Не могли дать задачу посложнее?!

Подобный ответ мог показаться несколько грубоватым, но никто не обратил на это внимания. Ликованию не было предела. Контакт установлен! И какой контакт! Такой землянам даже и не снился. Неведомые существа оказались не просто разумными, но и чрезвычайно талантливыми. Это ведь не шутка — настолько освоить английский язык, чтобы сразу вести на нем переговоры!

— Когда вы собираетесь к нам в гости? — спросили ученые. — Земля ждет вас!..

Прошло еще шесть лет. Что поделаешь — космос все-таки. Послать сообщение в другую галактику и получить ответ — это ведь не то же самое, что обменяться телеграммами между Токио и Нью-Йорком! На этот раз голос неведомого существа звучал устало:

— Очень уж далеко до вас. Загляну года через четыре, когда буду делать очередной обход. Пришлите данные о вашей планете.

Что тут началось на Земле! Разговорам и волнениям не было конца. Всего четыре года! Даже дети не подрастут за это время. И глазом не успеешь моргнуть, как пролетят триста шестьдесят пять дней, помноженные на четыре, плюс еще один день — добавка, приходящаяся на високосный год. Нынешние жители Земли увидят пришельца из космоса своими глазами. Интересно, какие они? Похожи ли на нас? Или людям предстоит встретиться с чудовищами, которыми кишат страницы научно-фантастических романов?.. А вдруг эти существа — кровожадные и воинственные и захотят поработить Землю?..

Как бы то ни было, земляне решили не ударить в грязь лицом перед гостями. Все страны объединились во Всемирный союз и разработали программу подготовки и встречи пришельцев. Дел предстояло немало. Честно говоря, наша старушка Земля — не такая уж благоустроенная планета. Много еще на ней всякой дряни. Перво-наперво решили навести внешний блеск и лоск, как делает каждая хорошая хозяйка в своем доме, готовясь к визиту дорогих гостей. Началось бурное строительство. Возводили мосты, прокладывали новые шоссе, строили сверхсовременные жилые дома, роскошные благоустроенные отели. Уничтожали трущобы, помойки, мусорные ямы, мух, комаров, клопов и прочую нечисть. В Токио

заодно снесли турецкие бани, хотя здание, в котором они помещались, было вполне приличным. Но, как говорится, лес рубят — щепки летят. Народы Земли не ограничились этими мероприятиями. Вскоре взялись за быт и нравы. Как же иначе? В чисто вымытом доме и жильцы должны быть чистенькими. Развернулась широкая кампания по борьбе со всяким жульем. Сначала прочистили ночлежки, где нашли себе приют мелкие карманники, рыночные ворышки и другие проходимцы. Потом провентилировали разные зланные места, куда не попадают непосвященные, — так называемые «малины». Бандиты оказались на редкость сознательными людьми. Главари шаек дали зарок не грабить и не убивать в ближайшие четыре-пять лет. Но этим общественность не ограничилась. Не только профессиональные воры являлись темным пятном на светлом лице Земли. Есть много людей, к которым сразу и не придерешься — вроде бы живут в рамках установленного обществом порядка. Но если копнуть... Короче говоря, ретивые члены комитетов подготовки к встрече с космическими братьями обратили свои взоры на молодежь. В первую очередь надо было навести порядок среди семнадцати-девятнадцатилетних девиц. Эти сопливые полупродростки-полуженщины давно не давали покоя всем солидным гражданам. Вроде бы ничего особенно плохого и не делают, а беспокоят. Как же — девчонки, почти каждая из них, которой исполнилось семнадцать, мнит о себе невесть что. Она и красавица, и умница, и свободу-то ей подавай, и туалеты немыслимые, и поклонников, да и не просто поклонников, а необыкновенных парней — суперменов! Трудно с такими разговаривать. И все же нашли общий язык. Образумили-таки несмышленных девчушек, возомнивших себя по меньшей мере героинями популярных кинофильмов. Прежде всего пошли в атаку на современную моду — под страхом привода в полицию обязали

старшекласники и студенток первых курсов высших учебных заведений употреблять поменьше косметики и носить юбки пристойной длины — чтобы хоть не все ляжки были видны! Следующим шагом было распространение среди молодежи брошюр о правилах хорошего тона — как говорить со старшими, когда улыбаться, как держать себя в общественных заведениях и прочее. Разумеется, подобные книжечки и брошюры раздавались бесплатно.

Подготовка к встрече шла полным ходом.

На дорогах стояли щиты с надписями: «До прибытия космических пришельцев осталось столько-то дней...»

И вот долгожданный час настал. Ровно через четыре года на фоне бледного вечернего неба обрисовался контур межзвездного корабля, удивительно похожего на сковородку с ручкой. Корабль благополучно приземлился на заранее подготовленном космодроме. Из него вышло существо... как две капли воды похожее на человека, только трехметрового роста. Грянул туш. В воздух полетели бесконечные ленты серпантина, шапки, цветы, дорогие кольца и браслеты, часы, шелковые платочки, апельсины, бананы и прочие фрукты. К чести землян надо сказать, что ни одно тухлое яйцо или гнилое яблоко не замарало светлого горизонта. Оркестры гремели, не умолкая. Джазы исходили приветственными воплями, фейерверки расцветали, как кусты роз в погожий день. Атмосфера Земли сотрясалась от несмолкающих криков «Ура!», «Банзай!», «Виват!», «Гип-гип!» и даже «Аве!».

Председатель Всемирного союза выступил вперед, собираясь произнести торжественную речь, но пришелец из космоса остановил его, досадливо махнув рукой:

— Э-э, дорогуша, красивые слова оставим до следующего раза! Знаю, знаю, что вы хотите сказать — мы безмерно счастливы и так далее. Не надо лишних слов! Мы — люди дела. Работы в наших галактиках непочатый

край, дорогуша. А пафос оставим для потомков. Не уподобляйтесь тем инопланетным бездельникам, которые шагу ступить не могут, чтобы не толкнуть торжественную речь. Представляете, как это затрудняет мою работу? А мне, знаете ли, страшно некогда...

— Некогда? — переспросил ошеломленный председатель. — А куда же вы так торопитесь, позвольте узнать?

— Куда тороплюсь? Взгляните-ка на небо! Видите звездочки? Так вот, мне нужно посетить десять миллионов периферийных планет галактики...

— Десять миллионов?! — ученые захлопали глазами, сразу преисполнившись уважения к космическому гостю. Цифры говорили за себя. — Неужели во Вселенной так много планет с разумными существами?

— А вы как думали? Да что там — это всего десять процентов! В центре галактики сто миллионов таких планет. Вы отстали от жизни. Мы давным-давно заключили Межгалактический союз. По вашему летосчислению он существует уже около пятидесяти миллионов лет.

Пришелец, довольно интересный мужчина, огляделся.

— Подумать, — сказал он, — в таком захолустье — и вдруг планета, населенная разумными существами!

Он протянул представителю Земли, уничтоженному сознанием своего провинциализма, нечто вроде бумаги.

— Пожалуйста, заполните все графы. И очень прошу вас — побыстрее. А то мне страшно некогда...

На этой бумаге были следующие графы: численность населения Земли, объем годовой промышленной продукции, валовая продукция сельского хозяйства, предполагаемый размер природных ресурсов, пользуется ли Земля помощью других планет и прочее.

— Ну, что же вы задумались? Самый обычный бланк, я думаю, у вас на Земле встречаются документики и посложнее. Поторопитесь, пожалуйста, а то я спешу. Да не

надо мне точных цифр! Это ведь самые общие данные, можете писать округленно, без всяких там сотых долей.

Председатель поспешно заполнил графы. Разумеется, он не помнил точных цифр, но, к счастью, этого и не требовалось. Пришелец взял у него бланк, сунул в какой-то аппарат, напоминавший обыкновенную пишущую машинку, который висел у него через плечо, раздался треск, щелканье, и через минуту выскочил новый бланк, испещренный цифрами. Пришелец взял бумажку, разорвал ее пополам и половину протянул председателю.

— Простите, — сказал председатель, хлопая глазами, — все данные приблизительные. Сами понимаете, так, сразу, трудно восстановить цифры в памяти. Но вы не сомневайтесь, статистика у нас на высоком уровне. Если необходимо, можем послать запрос в статистическое управление, и дня через два вам пришлют точные данные... И разрешите еще один вопрос... Зачем вам эти цифры?

Пришелец усмехнулся. Его усталые глаза, рассеянно оглядывавшие толпу, флаги и транспаранты с четко выписанными приветствиями, задержались на председателе.

— Вы, земляне, — сказал он устало, — если не ошибаюсь, упорно добивались контакта с другими мирами. Стремление весьма естественное и разумное. Ваши призывы услышали. И вот я здесь. Вы довольны?

Председатель закивал и начал кланяться, всем своим видом выражая дружелюбие и полную готовность удовлетворить любую просьбу космического гостя.

— Так вот, — продолжал пришелец, — вы совершенно добровольно пожелали вступить в Межгалактический союз. И вообще планета, которая устанавливает с нами контакт, автоматически становится членом нашего союза...

Председатель и все остальные члены Всемирного союза землян слушали в глубоком молчании. Над Землей, прекрасной зелено-голубой планетой, постепенно сгуща-

лись сумерки. Где-то в отдалении запел соловей, неприметная, серенькая птичка с хрустальным горлом. Повеяло ароматом ночных цветов. На космодроме застрекотали цикады. Высоко вверху мерцали далекие звезды.

— Мне, к сожалению, некогда, — сказал пришелец, посмотрев на часы-браслет. — Так вот, дорогие земляне...

По рядам землян прошел трепет — звездный гость сказал им магическое слово «дорогие», слово, которое издавна раскрывало на Земле все сердца...

Космийнин, почувствовав пафос этой минуты, продолжал растроганным голосом:

— Так вот, дорогие земляне, теперь мы выяснили, что у вас есть, чем вы богаты и в чем нуждаетесь. Я с глубоким удовлетворением отмечаю, что Земля не такая уж бедная планета... Скажу больше, ваши богатства, как и любое богатство, как любой капитал приносят доход. А всякий доход подлежит обложению налогом... Бланк, который получил ваш уважаемый председатель, заполнен цифрами. И цифры обозначают размер налога, причитающегося с вашей планеты. Я призываю вас, межзвездные братья, новые члены нашего великого союза, аккуратно платить налог!.. Да, чуть не забыл, если размер налога сочтете завышенным, можете обратиться в нашу юридическую контору с протестом. Срок обжалования — два года. Вот координаты планеты, где находится юридическое управление. Совсем недалеко от Земли — каких-нибудь двести, двести пятьдесят световых лет... Ну, всего вам хорошего. Пишите письма, шлите сигналы и не поминайте лихом. Не сердитесь за столь краткий визит, я очень спешу. Впереди — десять миллионов планет.

Пришелец поклонился и направился к кораблю.

Ровно через две с половиной минуты сковородка с ручкой оторвалась от гостеприимной зелено-голубой планеты Земля и взмыла в просторы звездного неба.

КАМАГАСАКИ 2013 ГОДА

Сам я родом из Сенсю, а кореш мой — из Косю. Так мы и зовем друг друга — по названиям наших родных мест. Впрочем, это не важно, важно, что мы дружим и он в нашей двойке за старшего. Мы — нищие. Профессиональные. Как и положено нищим, живем в трубах, под эстакадой скоростной шоссейной дороги. Наверно, вы их видели. Это недалеко от земель, огороженных колючей проволокой, где собираются строить Новый Камагасаки.

Квартирка у нас подходящая. Даже дверь есть, как в настоящем доме. Открывается автоматически: подойдешь, и сразу срабатывает инфракрасный выключатель. Люмпены теперь тоже культурно живут — как-никак двадцать первый век.

Да что там автоматическая дверь! У моего кореша даже радар есть, честное слово! Сама установочка внутри, а антенна из двери торчит. Можно дома сидеть, поплевать, а как появится гусь — это на нашем жаргоне прохожий так называется, — выходи и начинай канючить. Одно плохо: гуси теперь обленились, никто пешком не ходит, а гоночного турбомобиля, чтобы догнать гусей на колесах, у нас еще нет, не приобрели. Откуда радар раздобыли, спрашиваете? Дороговато для нищих? Да что мы, дураки что ли — покупать?! На свалке нашли. Неподалеку от наших труб есть такое место, куда старое барахло

выбрасывают. Сейчас ведь — что? Ученые, почитай, каждый день разные штучки изобретают. Ну, аппаратики и устаревают. Куда их девать? Известно, на свалку. Департамент по уничтожению вышедших из употребления вещей, ДУВУВ сокращенно, никак не выговоришь. Вот и валят все на свалку. А нам хорошо. Я, например, недавно сделал рейд по трущобам, в районе небоскребов. Там тоже полно подходящих вещиц. Выудил из помойки цветной транзисторный микротелевизор. Целехонький. Притащил в свою трубу, а кореш давай ржать, чуть не лопнул со смеху.

— Обалдел ты что ли, — говорит, — такую рухлядь домой тащить! Если уж тебе приспичило телепередачи смотреть, искал бы телик на нашей свалке. Тут их до черта. Новехонькие, предпоследнего выпуска.

У него классный телик. Маленький такой рулончик, а развернешь — здоровенный экран получается. И видимость отличная. Эту модель в прошлом году выпустили. Только они поступили в продажу, трах-бах — опять новинку изобрели: телевизор — носовой платок. Ну и полетели рулончики на свалку.

Честно говоря, я даже приуныл — стоило по трущобным помойкам шляться!

— Может, эту штуковину антиквару отнести? — сказал я.

— Иди, дурак, иди к антиквару! — засмеялся Косю. — То-то он обрадуется. Да разве это антикварная вещь? Твоему телику от силы тридцать лет. Был бы он пятидесятилетней давности, может, и дали бы настоящую цену.

Обидно мне стало — я старался, а он смеется, гад. Включил телевизор, работает отлично.

— Не я дурак, а тот, кто его выбросил, — говорю.

Косю только сплюнул.

— Ох и серость! Ни шиша не понимаешь. Отстаешь

цет эпохи. Разве можно в наше время за всякое старье цепляться? Создавать и использовать новое — вот основа прогресса.

— Да на кой он сдался, прогресс этот самый?

— Что?.. И этого не понимаешь?! И с таким олухом я связался! Да пойми, дурья башка, без прогресса не выдержишь конкуренции!

— Какая еще конкуренция?

— Между фирмами, понимаешь? Потерпела фирма поражение — и все, хана. Лопнула, как мыльный пузырь. А уж если все фирмы лопаться начнут, это тебе пострашней цунами — такое трясение по всей земле пойдет! Дошло?

— Дошло-то дошло... Только зачем им конкуренция? Прикрыли бы эту лавочку, и дело с концом...

— А прогресс?! Без конкуренции нет прогресса.

У меня от таких разговоров всегда в голове туман образовывался. Как же так получается? Без прогресса нет конкуренции, а без конкуренции нет прогресса... А если есть и то и другое, все жрут друг друга, как лютые звери. Похуже войны, пожалуй...

— Н-да... — пробормотал я. — Все, значит, устаревает. Даже люди. Вот мы, например. Вышвырнули нас из жизни. На свалку. А мы ведь еще работать можем, как этот телевизор...

— Заткнись, надоело! — оборвал меня Косю.

Он терпеть не мог подобных разглагольствований. Раньше-то он механиком был. Первоклассный мастер, золотые руки. Вот и заедает его теперь...

А еще у нас такой случай был. Появился на нашей свалке заводской робот. Жутко дорогая штука. Лежит теперь на самом верху кучи. Туловище отдельно, башка

отдельно. Голову сняли, значит, как с человека все равно. Когда мы его в первый раз увидели, прямо ошалели от радости, хоть и заметили, что парень-то весь металлический. Да уж больно давно гусей не попадалось. Ну и мы, честно говоря, в тот день под градусом были.

Кореш-то мой выскочил из трубы и ну кланяться, а мне орет:

— Давай включай магнитофон!

— Какую ленту ставить? Всегдашнюю?

— Ясно, всегдашнюю! Да пошевеливайся ты, раззява!

Когда нас приняли в цех нищих, — все забрали, до нитки, оставили в чем мать родила, задарма-то и нищим нельзя стать! — старейшина цеха дал нам ленту с записью «Плача». До того жалостный «Плач», аж слезу прошибает. Говорят, запись сделана лет сто назад главным паханом генерального прихода нищих. Непревзойденный мастер был. Мало кто мог с ним тягаться. Уж про нас, новичков, я и не говорю. Мы умели только лепетать, как грудные младенцы...

Ну, включил я, значит, «Плач», основную часть, махнул корешу рукой — начинай, мол! Он поднял рупор повыше и давай бить поклоны. «Господа хорошие! — зарыдал магнитофон, и до того громко, до того жалобно! А голос такой отработанный, хорошо поставленный, ни дать ни взять — лауреат конкурса вокалистов! — Подайте милостыньку сирому, убогому! Не поленитесь, господа, опустить ваши щедрые ручки в карманы и достать монетку! Вам — облегчение, нам — пропитание! Низко кланяюсь, благодетели...» А под конец стихами, да так складно.

И тут напарник мой как завопит:

— Тыфу ты, дьявол, этот фрайер ведь без головы!

Смотрю — точно: голова у него подмышкой.

Косю разъярился:

— У-у-у, зараза! Если уволили — сняли голову, так нечего тут шляться, издеваться над бедными нищими!

— Извините, — вежливо ответил робот, — некуда мне податься. Все склады металлолома битком набиты. Я и пошел на свалку...

— Ага, безработный, значит, — ехидно сказал Косю. — Что ж, тебе хоть жрать не надо, и то хорошо. На кой только тебе наша свалка сдалась? Сплюснулся бы, прилег под дверьми склада, глядишь, и подобрал бы.

— Нельзя, — ответил робот голосом, лишенным всякой интонации. — Если увеличить тоннаж металлолома на складах, цена на лом упадет. В текущем году к нам на завод поступила новая партия роботов. Они вдвое производительней нас, а эксплуатационные расходы у них вполтину меньше.

— Ясно, — ухмыльнулся Косю. — Поэтому тебя и вытурили. Я бы тоже на месте дирекции так поступил. Прогресс заключается в конкуренции, то есть в непрерывном совершенствовании орудий производства. Да и фирма, выпускающая роботов, может прогореть, если предприятия не станут покупать новых моделей. А все вместе называется капитализм. Понял? Да здравствует стимулирование эффективного потребления!

Если бы роботы могли обижаться, я бы сказал, что он обиделся. Уж очень грустной выглядела его голова, болтавшаяся подмышкой.

— Может быть, вы и правы, — сказал он, — но я ведь еще в очень хорошем состоянии. Мне бы работать и работать. Не пойму я людей — до чего же расточительные существа! Впрочем, они в последнее время тоже обесценились, как и мы, роботы.

Тут мой дружок взорвался:

— Что-о?! Обесценились?! Посмотрите-ка на это чучело — оно еще берется рассуждать! Молчал бы уж луч-

ше! Ему, видите ли, работать хочется! А мне не хочется?! Мне всего сорок. Я бы мог еще лет шестьдесят вкалывать, но не тут-то было. Думаешь, очень сладко в трубе жить и побираться? Что я, не человек, что ли? Мне бы своим домом обзавестись, жениться, детишек воспитывать... А не выходит... И все из-за вас, проклятых. Ясное дело, у машины вроде тебя производительность труда раза в три выше человеческой. Вы ведь не устаете, есть не просите. Вот и выкидывают квалифицированных рабочих на улицу... Со мной, например, такую мерзкую штуку устроили, да так ловко, что комар носа не подточит. Вызывают к директору, вкручивают что-то насчет социального прогресса — подайте, мол, заявление об увольнении, по собственному желанию, вы же человек культурный, должны понимать. Мне даже приятно стало, надо поддержать прогресс, думаю. Подал заявление. Сам директор ручку жал. Пособие отвалили приличное, все честь честью. Ничего, живу. А как деньги кончились, пошел снова — прогресс ведь! Тут мне и показали изнанку этого самого прогресса проклятого. Не узнают, словно я не я, а они не они... — тут он всхлипнул. — И вот я нищий. В расцвете сил. А все вы виноваты! Короче говоря, молчи и не чирикай! Выгнали — так тебе и надо. Задумал с человеком тягаться, так и неси все тяготы человеческой жизни!

Ишь как его прорвало! Первый раз такую речугу толкнул. И без конспекта ведь, не готовился. Я даже зааплодировал, но тут же получил коленкой под зад.

— Вы не сердитесь, пожалуйста, — сказал робот. — Мы ведь не виноваты — делаем, что люди велят... — он помолчал немного, а потом добавил: — Взяли бы меня в компанию, а?

— Чего-о?! — мой кореш поперхнулся. — Да ты что, спятил? Тут людей нищих хоть пруд пруди, а он туда же! Вздумал снова у нас хлеб отбивать!?

— Хлеб я вам отдавать буду. Мне бы только на энергию выклянчить. Энергия у меня на исходе...

— Нет уж, дорогой, как-нибудь без тебя обойдемся. И хватит разговоры разговаривать. Катись-ка ты подальше! Впрочем, далеко ходить не надо. Вон она, свалка, совсем рядышком, видишь? Там и устраивайся.

Робот повернулся и покорно зашагал на свалку. Правда, в конце концов его желание исполнилось, но об этом речь впереди.

Так мы и жили. Одно время до того туго пришлось, чуть не загнулись. Улова никакого, хоть ложись и помирай. Я уж все островки обегал, благо ноги здоровые. (Островками у нас микрорайоны называются, по нескольку на каждого нищего.) Набил мозоли, а толку никакого. Да еще как назло раздобыли мы на нашей свалке парочку электронных холодильников. Машины — блеск. Только охлаждать нечего. У нас даже голодные галлюцинации начались: откроешь дверцу и мерещится на белоснежных полочках всякая снедь... Кореш все утешал меня — в прошлом веке, мол, нищие и не помышляли о такой культурной жизни... Плевал я с самого высокого небоскреба на эту культуру, когда жрать нечего!

Мне кажется, нищие год от года все хуже живут. Лет пятьдесят назад для них просто рай был. Разговорился я как-то с одним древним стариком, — он один из заправил в нашем цехе, — так он мне уж нарасказал всякого. Полвека назад район Камагасаки походил на большой помойный ящик: куда ни плюнешь, попадешь в нищего или безработного. А жили ничего. В гостиницах, как люди. Гостиницы, правда, паршивенькие, вроде книжных полок, но все же лучше, чем труба. Они, кстати, ночлежками назывались. За ночевку дешево брали — сто двадцать иен. А на пятьдесят иен кормиться целый день можно было. Для меня-то эти цифры пустой звук: у нас

после девальвации другие деньги ввели — рё и медяшки. Но старикан не врет, не похож он на вралю. Выходит, неплохо наш брат раньше жил. И главное, все друг другу помогали...

Интересно бы заглянуть в эту самую прежнюю жизнь. Мне и представить трудно, как все тогда выглядело. Взять хотя бы теперешний крытый супер-рынок. Здоровенный такой гроб, за десять километров видно. Так раньше на этом месте какой-то переулочек был, не то Дум-Бум, не то Новый Свет назывался. Новый Свет... смех, а? Для переулка такое название! Да что говорить — нашу Японию в последнее время так переделали, не узнать. К югу от Осаки новый огромный город построили, Сайсэй: сверхскоростные магистрали, увеселительный центр, спортзалы, бассейны, огромный стадион... Интересно, что там раньше было, вы не помните, а?.. Или Камагасаки, например. Говорят, лет пятьдесят назад здесь крохотные домишки были, вроде грибов-поганок. Снесли их, даже следа не осталось. Теперь строят многоэтажные дома высшего класса. Хорошо бы получить квартиру в таком доме. Только куда нам! Нас, нищих, даже в трущобные небоскребы не пускают. Правда, лично я не хотел бы жить в этой дыре. Разве можно без кондиционированного воздуха и лифта жить?! Мы же не пещерные люди. В наших трубах и то эйр-кон есть, самодельная, конечно, установочка, но какая разница? Вот и получается, как раскинешь мозгами, что современный нищий все-таки приобщился к культуре...

Впрочем, иногда обидно становится. И главное — непонятно. Сидишь ты в своей трубе, пустыми кишками громыхаешь, новые дырочки на поясе прокручиваешь, чтобы, значит, последние штаны не потерять, а выглянешь наружу — потрясающее зрелище! С аэродрома Авадзи трансконтинентальный лайнер взлетает, озонаторы на

всю катушку работают, в небе туристическая ракета «Земля — Луна» поблескивает... Билет в один конец больше миллиона рё стоит, даже подумать страшно! Мне-то плевать на Луну, подумашь, невидаль! Нет, ей-богу, противный шарик, болтается вверху, словно медяшка, а у тебя в кармане ветер гуляет. Закрыл бы я ее к чертовой матери! А уж сколько денег на постройку ракет ухлопали! Любопытная все же штука цивилизация: одни космос осваивают, а другим жрать нечего. И чего люди в небеса лезут?.. Я думаю, от снобизма, от пижонства. Перед историей стараются, чтобы, значит, имя свое увековечить. Может, оно и приятно, только ведь все равно помрешь и не узнаешь, что после тебя будет... Да нет, я не против цивилизации, все понимаю — как-никак, я не просто деклассированный элемент, а деклассированный элемент двадцать первого века. Но как ни крутись, есть каждый день хочется, и век здесь не играет роли. Социальное обеспечение, говорите? Слышал про него. Только это не про нас. Без медицинской справки ни шиша не получишь. Врач должен выдать свидетельство, что у человека кишки, действительно, совсем ссохлись, еще сутки мол, и никакая пища, даже самая деликатная, через них не пролезет. Но к врачам ходит публика почище, а нам туда дорожка заказана.

Ничего не поделаешь — общество живет по раз навсегда установленным законам. Если ты оказался никчемным человеком, потерпел поражение в борьбе за существование — смирись. Потому что от какого-нибудь отщепенца нет никакой пользы для прогресса. А мы все время прогрессируем. Теперь уж и остановиться не можем. С какой же стати давать хлеб такому типу, который для прогресса нуль?! Лунная ракета — другое дело. На нее можно и даже нужно деньги тратить. Она науку вперед толкает. Вообще, мне кажется, людишки, как тако-

вые, устарели. Мы — почти атавизм. Или анахронизм. Это уж точно. Все лекторы так говорят. Ничего не попишешь — двадцать первый век.

Бывает, всплакнешь от собственной бесполезности. Жалко все же себя. Но я стараюсь бороться с подобными настроениями. Жалость тоже устарела. Современный человек должен быть твердым.

Ладно, заболтался я... Так вот, значит, мы с корешем чуть не загнулись. Была бы нам крышка, если бы не этот самый случай.

Думал я думал, что делать, и пошел на поклон к коллегам. Свои все же, должны понять. Ребята покочевряжились, а потом отвалили мне все-таки парочку вшей. Я им, как родным, обрадовался. Запустил в скляночку из-под таблеток — устраивайтесь, милые!

Пришел домой, еле плетусь, но сияю. Говорю корешу: — Эй, Косю, выше голову! Я вшей раздобыл!

А он с голодухи едва языком ворочает:

— Оно, конечно, здорово, только разве мы продержимся, пока они размножатся?..

Сейчас я объясню, в чем дело. В старину нищие, если совсем туго приходилось, кровь сдавали. Теперь эта дрянь никому не нужна: химзаводы давно наладили мас-совое производство отличнейшей синтетической крови. Качество — наивысшее. Как известно, кровь для вши, что хлеб для человека. Ну, наш брат смекнул, что к чему. Мы вошек этих самых больше родных детей любим. Плохо им, бедным, приходится. Блох и клопов, например, на-чисто вывели, потравили ядохимикатами. Стали к вшам подбираться, но тут выяснилось, что они для науки цен-ность имеют. Опомнились, туда-сюда, а их почти и не ос-талось. Только в Японии и в некоторых районах Индии еще водится это редкостное насекомое. Чья тут заслуга?

Известно, нищих! Выходили мы их, тут и спорить нечего. Вволю попили они нашей кровушки. Вошь, она не дура, искусственную кровь жрать не станет. Небось, человеку бифштекс тоже вкусней какого-нибудь там эрзаца. И потом, всякой божьей твари душевность нужна, забота, человеческое тепло. А уж мы их жалеем, будьте спокойны! И им хорошо, и нам, бизнес хоть вшивый, не очень-то крупный, но все же. Значит, и мы толкаем науку, способствуем прогрессу. По-интеллигентски выражаясь, нищий — это вшепитомник и главный поставщик университетских лабораторий, работающих над проблемой вшей.

Правда, нас в этом бизнесе здорово облапошивают. В последнее время вши начали входить в моду. В Западной Европе и Америке миллионеры за большие деньги покупают красных, зеленых, розовых и леопардовых вшей, выведенных путем скрещивания. Их держат в корбочках с увеличительным стеклом. Они теперь вроде домашних животных. Раньше у людей собака в почете была, но собачьи времена прошли. Я сам читал в одной газете, в разделе светской хроники, статью под заголовком «Вошь — друг человека». Все это хорошо. Плохо одно: университетские лаборатории покупают у нас товар за бесценок, а продают за бешеные деньги. Пара леопардовых вшей, например, стоит столько же, сколько крупная жемчужина. Что поделаешь, не нам тягаться с настоящими бизнесменами!

Я осторожно вытащил насекомых из скляночки и собирался сунуть их за пазуху. Мы с корешем до того обалдели от радости, что не обратили внимания на приближающийся шум. И вдруг, когда уже барабанные перепонки лопались, он заорал:

— Атас! Санитарный автомат!

Нахальные электронные буркала автомата смотрели прямо на нас. На боку у него поблескивала свеженькая

надпись «За чистоту в городе!». Он, кажется, сразу догадался о степени нашей чистоты и направил на нас шланг. Струя отвратительного белого порошка обдала нас с головы до ног. Так и есть — ядохимикат!

Я завыл от отчаяния.

Бедные букашки дернули пару раз лапками и застыли.

Кореш в бессильной ярости погрозил кулаком удалявшейся машине:

— Зараза проклятая! Не только над людьми издеваются, но и ни в чем не повинные твари им помешали! Убили нашу последнюю надежду!..

Я рыдал, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. А Косю, от огорчения что ли, включил на полную громкость магнитофон. «Господа хорошие!» — завывала пленка.

И тут произошло нечто странное. У самой двери нашей трубы завертелся какой-то вихрь, что-то взорвалось, ухнуло, и видим мы — валяется машина, похожая на мотороллер. Потрепанная, помятая. А рядом стоит парень, с виду интеллигентный такой, а рожа белая, как мел — перепугался очень.

— Ой, ой, гусь! То есть гость! — завопил Косю и бухнулся ему в ноги.

Я тоже начал кланяться, а магнитофон надрывался: «Подайте милостыньку сирому, убогому!»

Тут гость замахал руками:

— Нету, нету, я тоже нищий!

— Вот тебе и на! — разочарованно пробормотал мой напарник. — Эй, Сенсю, выключи-ка магнитофон, а то лента изнашивается.

— Как вы сдес поживаете? — спросил пришлый.

— Хреново, — ответил я. — Скоро концы отдадим.

— А что это ты чудно говоришь? — спросил Косю.

— Шудно? — повторил парень и ткнул пальцем в разбитую машину. — Машина времени. Я из будущего. Пятьсот лет.

Мы свистнули и переглянулись — ну и дела! Выходит, через пятьсот лет тоже нищие будут?!

А человек из будущего продолжал с жаром:

— Нищие были, есть и будут! Родиной нищих является Египет. Первые экземпляры появились в шетвертом тысячелетии до нашей эры. История нищих охватывает шесть тысяч лет, пошти столько же, сколько история шеловешества. Шитайте шеститомник, издание последнее, исправленное и дополненное, «Прогрессивная роль нищих в обесьянивании шеловека», а также популярную брошюру «Нищий, не ешь мыла! Мыло, принятое внутрь, расстраиивает систему пищеварения»...

Мы почувствовали настоящую гордость. Еще бы, оказывается, про нищих даже книги пишут! Хорошо бы поскорей превратиться в обезьяну...

— А сам-то ты откуда? Из Египта? — спросил Косю.

— Нет, я японец и говорю на правильном японском ясыке двадцать шестого века, претерпевшем существенные ишменения под влиянием родственного японскому марсианского нарешия. В университете я прослушал курс лекций по сравнительному межпланетному ясыкоснанию... — он вдруг приуныл. — Да, коншил университет, а теперь вот нищенствую...

— Ну и счастливчик ты, брат! — сказал Косю, даже не пытаясь скрыть зависти. — В университетах учился! Нищий с высшим образованием, владелец машины времени! Вот это прогресс!

Но парень только сплюнул.

— А што толку-то? Обрасование, машина, а жрать нешего. И работы никакой.

Известное дело — нищий есть нищий. Доживи он хоть

до тридцатого века, а все про кусок хлеба толковать будет...

— Послушай, — сказал я, — давай загоним твою карету, а? Сейчас ведь таких еще нет. Интересно, сколько за нее можно рвануть?

Он покачал головой:

— Нишего не выйдет. Я ее на свалке подобрал. Целый месяц бился — шинил. А теперь все — мотор сгорел. Одна ей дорога — обратно на свалку.

Мы приуныли. И гость приуныл, понял, что дела наши из рук вон плохи.

— Послушай, — пробормотал Косю, — ты лучше уходи из нашего района. Мы вдвоем тут с голоду подышаем, так куда же еще третьего!

— Ладно. Но я хотел вас об одном одолжении попросить... — глаза у него засверкали. — Вы тут песню одну самешательную пели. Нелься ли еще рас послушать?

Косю выпучил глаза:

— Какую песню?... А-а, ты, наверно, про это — «Господа хо-рошие!»

— Да, да! Гениальная песня! Шедевр лирики нищих.

— Какая там песня, «Плач» это, — сказал Косю, включая магнитофон.

Как только зазвучала печальная мелодия, парень начал всхлипывать и царапать себе грудь.

— О-о, какой напев! Сколько экспрессии! Так и берет са душу! Ой, не могу! Это вы сочинили, да?

— Ты что — спятил? — Косю расхохотался. — Это знаешь, какая старина! А сочинил «Плач» один знаменитый японский нищий. Записал на магнитофон и одалживал собратьям за небольшую мзду. Он уже давно помер. Никто не может повторить этой мелодии. Так что сними шляпу, друг! Впрочем, ее у тебя нет...

Парень театрально воздел руки к небу:

— Преклоняюсь и восхищаюсь! Вот она, сила традиций! Бес народных традиций искусство мертво.

Я даже рот разинул:

— Чего? Разве это искусство?

— Конечно! Подлинное высокое искусство! Из таких вот плашей родилась японская народная песня. Я исцужал этот вопрос. Слышали вы, например, такую песню:

Я трава увядшая, стебли пожелтели.

Как мне грустно...

Если вдруг услышу я голосок свирели...

Как мне грустно...

Разумеется, мы не слышали. А кореш прервал его довольно грубо:

— Пой не пой, а толку все равно никакого. В наше время людям искусство до лампочки.

— Вы ошибаетесь! — взволнованно перебил его гость. — Все дело в форме. Форма, расумеется, может устареть. Но дух, традиция остаются. Традиция — квинтэссенция любого вида искусства. Эту квинтэссенцию надо вдохнуть, как душу, в новое тело. Понимаете?

Я даже начал икать от восторга. Ну и чешет, дьявол! Как по писаному. Вот оно — высшее образование! Такому нищему в самый раз в парламенте речи произносить.

— А что вы изучали в университете? — спросил я.

— Философию и историю искусств, — ответил он.

— Ясно, — Косю хмыкнул. — От этих наук прямая дорожка в нищие.

— Послушайте! — гость вошел в раж. — Я хошу предложить вам один потрясающий бизнес. Давайте исменим форму этого традиционного «Плаша» и приспособим его к современности. Мы кушу денег сагребем. Правда, придется повоситься — исменить способ передачи...

Для нас это была абсолютная абракадабра, и он принялся объяснять:

— Лейтмотив остается, меняется, так сказать, оркестровка. Надо сосдать синтетишеский голос. Мы сконструируем ящик с отверстием, похожий на большую копилку. В отверстие будут опускать монеты. Представляете, «Плащ» в исполнении машины?! Это же сенсация! Публика будет рыдать и плакать. Ни один шеловек не пройдет мимо. Синтетишеский голос врежется в память каждого на всю жиснь. А к нам потекут денежки, река, поток!..

Поначалу мы не очень-то разделяли его энтузиазм, но потом он нас увлек.

— Штобы исмерить шеловешеские эмоции и синтесировать механишеский голос, — продолжал он, — необходимы электронный мосг и электронно-сшетная машина. Найдется у вас што-либо в этом роде?

— За этим дело не станет, — оживился Косю. — Тут у нас на свалке валяется робот. То-то обрадуется! Он давно мечтает вступить в цех нищих.

Постепенно идея создания синтетического голоса захватила нас целиком. Наш новый знакомый, пожалуй, прав — механишеский «Плач» произведет сенсацию. Мы уже чувствовали себя основоположниками новой эры нищих.

И наступили горячие денечки. Мы трудились почти до обморока — не так-то легко вкалывать с пустым желудком. Разобрать робота и сделать из него ящик было плевым делом. А вот с синтезом голоса пришлось повозиться. Новый член нашей маленькой общины — кстати, мы прозвали его «Буин», соединив два слова «будущее» и «интеллигент» — учил нас петь в унисон. Мы выбивались из сил, выводя вместе с магнитофоном «Господа хорошие!», а Буин следил за приборами, регистрирующими кровяное давление, биотоки мозга, потение, дрожание,

пульс, пыхтение и прочую чепуху. Он, как заправский дирижер, размахивал палочкой и покрикивал на нас:

— Стоп! Еще рас! Пешальнее, еще пешальнее! Да рыдайте же, шерт восьми!

Наконец настал долгожданный миг: синтетический голос был записан на магнитофонную ленту. От радости я чуть не заорал «банзай!».

— А ну, кто хочет попробовать? — воскликнул Буин.

Изображая прохожего, я приблизился к ящику. Тотчас сработал инфракрасный включатель, и робот-нищий начал плач.

Слова были мне давно знакомы, но синтетический голос звучал по-новому. Он выводил мелодию до того жалобно, до того печально, что на глаза навертывались слезы. Я не выдержал и, обнявши ящик, зарыдал. А голосок, тонюсенький, высокий, резал ножом по сердцу. Моя рука сама собой начала шарить во внутреннем кармане драного пиджака.

— Вот гад! Говорил, что гроша ломаного нет, а у самого в заначке деньги!

Яростный окрик кореша нисколько на меня не подействовал. Мог ли этот грубиян разрушить очарование синтетического «Плача»?!

Монетка исчезла в прорези ящика. Я размазывал слезы по давно не бритым щекам. Буин сиял.

— Не криши на него, — сказал он Косю. — Эта монета — первая ластошка нашей весны...

Монетка звякнула о металлическое дно, и все тот же упоительный голос произнес: «Благодарю ва-ас!» На душе у меня стало невыразимо грустно и сладко, словно ласковый ветерок принес что-то давно забытое. Мои руки лихорадочно шарили по карманам, но — увы! — денег больше не было.

Косю кашлянул в кулак и бочком подошел к ящику.

— Если уж это так приятно, я тоже хочу попробовать, — он смущенно взглянул на меня и вынул монету из-под стельки стоптанного ботинка.

Через минуту его здоровенный грязный кулачище уже утирал слезы. Тоже хорош напарничек, подумал я, на меня орал, а сам, видать, побольше моего заначил. Но я его простил — уж очень жалобно он всхлипывал.

— Даже сердце заболело, — сказал Косю, отходя от ящика. — Эх, и зар-работаем!!!

И действительно, все пошло как по маслу. Мы установили ящик посреди улицы и по очереди дежурили: во-первых, хотелось понаблюдать за реакцией публики, во-вторых, пришлось караулить, чтобы «голос» не сперли.

Первый прохожий сначала прошагал мимо, но тут же вернулся: наше изобретение действовало безотказно. Человек не мог противиться силе, исходившей от голоса. Слушатель всхлипнул, схватился за сердце, потом, как лунатик, опустил руку в карман, вынул монету, бросил ее в щель и, когда прозвучало прочувствованное «Благодарю ва-ас!», просиял, словно выиграл миллион. Мне даже стало противно от его идиотски-счастливой рожи.

Никто не проходил мимо нашего ящика. Мужчины кашляли и кричали, пытаясь скрыть волнение. Женщины плакали навзрыд. Постепенно выстроилась длинная очередь. Некоторые ловкачи ухитрялись прослушать «Плач» несколько раз подряд. Время от времени вспыхивали потасовки. Мы даже испугались, что прольются не только слезы, но и кровь. К счастью, все обошлось.

Уже в первый день мы заработали кругленькую сумму. Призрак голодной смерти растаял, как только зажглись уличные фонари.

Триумф был полный. Мы купили по костюму. Жрали от пуза. И на выпивку хватало.

— Послушай, Буин, — сказал однажды мой кореш, — хорошо бы поднять цену. Конечно, и так неплохо, но уж больно медленно.

— И не думай! — возразил Буин. — Умерь свои аппетиты. Людям приятно шувствовать себя благодетелями, когда это им нишего не стоит, — он оглядел нас с головы до ног и нахмурился. — Странные вы все же типы. Не успели саработать, как уже давай тратить. Прямо суд какой-то, шестное слово! Неужели вы нишего не слышали о первишном накоплении капитала?

— Завел волюнку! — буркнул я. — Подумаешь, уж и обарахлиться нельзя. Что мы, бандиты какие-нибудь, что ли? Деньги-то наши, кровные, честным трудом заработанные...

— Нет, — решительно сказал Буин, взваливая на спину мелодично позвякивавший мешок, — давайте экономить. Трудовая медяшка рё бережет. Вы не понимаете собственной выгоды. Накопим побольше денег и купим патент. Ведь в двадцать первом веке патент стоит очень дорого, но сато открывает неогранишенные возможности. У меня уже есть один грандиосный план. Это вам не на улице народ сасывать.

Но нам с корешем было не до грандиозных планов — очень уж мы наголодались. И дело не только в желудке: ведь не хлебом единым жив человек. Проклятый голод год из года сушил наши сердца. Он, как гнусное насекомое, похуже какого-нибудь клеща, впивался в нас и парализовал все наши желания. А теперь мы постепенно приходили в себя. Потребности росли, как грибы после теплого дождичка. Кёрри-райс, еще недавно казавшийся неслыханным лакомством, представлялся нам пищей, годной только для свиней. Наши ненасытные утробы жаждали бифштексов. Захотелось квартиру. Машину. Захотелось сумасшедшего веселья в ночных клубах. По

сравнению с молниеносно разбухающими желаниями доходы от музыкального ящика были поистине нищенскими.

И вот фортуна улыбнулась нам, сверкнув своими ослепительными зубами. Однажды у нашего ящика остановился умопомрачительный ракетомобиль. Из него вышли два жутких пижона и небрежно швырнули к нашим ногам огромный, туго набитый чемодан. Звякнуло золото.

— Мы из электрокомпании К., — сказал один из пижонов. — Здесь тысяча рё. Продайте нам ваш аппарат.

Мы с корешем, повинуясь единому порыву, сжали друг друга в объятиях. Вот оно, долгожданное богатство! Не сон, а явь. Золотой звон был несравненно приятнее заунывной мелодии синтетического голоса. И потом, кто сказал, что деньги не пахнут?! Очень даже пахнут — жареным мясом, изысканнейшими рыбными кушаниями, разными соусами и подливками... Наши мысли бешено завертелись. Может быть, запросить побольше? Поломаться, набить цену? Нас распирало и счастье, и жадность. Но мы подумали о Буине и немного поостыли.

— Нам надо посоветоваться с компаньоном, — нерешительно сказал Косю.

— Как угодно, — буркнул главный пижон. — Но имейте в виду, у вас будут неприятности. Эту штуку конфискуют, а вы можете угодить в тюрьму за нарушение уличного движения. Так что не лучше ли сразу согласиться?

— Не продавайте! — выкрикнул кто-то из толпы. — Нечего фирмам лезть не в свои дела! Эти спруты готовы на все наложить свои щупальца, даже на наслаждения. Ишь чего захотели — монополизировать наслаждение!

Представитель компании быстро обернулся:

— Ничего подобного! Вы глубоко заблуждаетесь, уважаемые граждане. Мы не собираемся монополизировать наслаждения. Как раз наоборот. Заботясь о вашем благе,

электрокомпания К. решила дать людям возможность наслаждаться в широком масштабе. Тысячи людей смогут одновременно слушать голос этого аппарата.

Он подтолкнул к нашим ногам чемодан и заговорил снова. Теперь в его тоне появились угрожающие нотки.

— Ну как? Продаете? Или позвать полицейского?

Только полный идиот может променять тысячу рё на полицейского! Выбор был сделан мгновенно. Мы подхватили чемодан и, не веря своему счастью, понеслись по улице. Ой, что с нами творилось! Мы хохотали, орали, прыгали козлом, стучали по чемодану кулаками и пятками и все слушали и слушали упоительный, ни с чем не сравнимый звон денег...

Дальше все происходило, как в тумане. Очнулись мы в каком-то кабаре. На полу, около нас, груды одежды — брюки, фраки, плавки, подтяжки и прочее барахло. Я стреляю пробками от шампанского в толстого бармена, он кланяется и радостно улыбается. Косю обмакивает палец в пахучий соевый соус и выводит на моих свежесбранных щеках замысловатые узоры. На столе, на стульях, на полу огромные лужи, словно только что прошел дождь из виски, сакэ и шампанского. Я оставляю в покое бармена, становлюсь на четвереньки, лижу пол и кричу, что никогда еще не пил такого удивительного коктейля. Девочки покатываются со смеху. Одна пытается сесть мне на спину, и я, блаженно зажмурившись, обещаю быть ее верной лошадкой и прокатить по всему городу...

И вдруг, как ураган, в двери ворвался Буин.

— Босяки! Выродки! Параситы! Бесмосглые твари! — заорал он, брызгая слюной и захлебываясь. Казалось, еще секунда, и он лопнет. — Вы продали «голос»??

— Продали, продали, — сказал я, продолжая ухмыляться. — Но, знаешь, за сколько? Тысяча рё! Тысяча рё! Ты-ся-ча! Понял? Вот, смотри, — и я открыл чемодан.

Он пнул его ногой. Его трясло, как в лихорадке.

— Да расве это деньги?! — он уже не кричал, а визжал. — Я так мештал о патенте! Мы бы пустили «голос» в массовое производство!..

— Вот заладил — патент, патент! Такой ящик любой школьник сможет смастерить...

— При шем тут ящик?! А синтетишеский голос?! А идея, вслет мысли?! Расве такое продают?! Вы хуже самых гнусных предателей — расгласить секрет стерео-микрофона с направленным действием, который дает наслаждение любому, кто сунет монетку в щель! О-о-о, а-а-а!.. Подумать только, наше детище в руках проклятых монополистов!

— Хватит разоряться, — миролюбиво сказал Косю. — Если ты такой умный и все знаешь, объяснил бы заранее, что к чему. Ладно, тысяча рё есть тысяча рё. Лучше выпей на радостях.

Но Буин взбесился не на шутку. Он выбил стакан из рук моего кореша.

— Люмпены проклятые! Подонки! Обалдели от жадности. Пока кисли в своей трубе, хоть бы книги пошитали. Уснали бы, что такое первичное накопление капитала. Да куда вам! Нищие нищие и есть!

— Заткнись ты, интеллигенция! — Косю тоже разъярился. — Да, мы нищие! А что тут плохого? У нищих тоже есть своя гордость и своя мораль. Лучше один рё сегодня, чем два завтра! Понял? Ни черта ты не понял, а еще образованный!

— Точно! — я решил поддержать друга. — Чего зевать-то? Дают — бери, бьют — беги, верно, Косю? А уж коли тысячу рё предлагают, хватай обеими руками! Сдался нам этот аппарат! А ты жадюга, жмот, вот кто ты есть!

— Ну и шерт с вами! — выкрикнул Буин. — Больше вы мне не компания!

— Слышишь, Сенсю? — кореш подтолкнул меня локтем. — Интеллигенция нами брезгует, рылом мы для них не вышли! Ой, сейчас мы начнем горько плакать! Да катись ты знаешь куда?! Давай, давай, проваливай! Небось, не пропадешь, снова в университет подашься. А мы не обученные, нам и так хорошо!

— И уйду! Вот восьму свою долю и уйду!

Мы и глазом моргнуть не успели, как он отсчитал триста тридцать три рё и был таков.

— Эй, господин ученый, а где же твое «спасибо»? — заорал я ему вслед, и все девочки легли на пол от хохота.

Так кончилась наша дружба с Буином. Поначалу мы ни о чем не думали. Каждый вечер устраивали сумасшедшие оргии. Я уже не мог смотреть на шампанское. Меня тошнило от одного вида бифштексов. Но все равно хотелось пить и есть. Нас все еще терзал голод. Неутолимый, жадный, бешеный, как дикий зверь. И мы буквально давились наслаждениями. Нам хотелось отыграться за все долгие годы лишений. Внутренний голос шептал — остановись!, но мы не могли остановиться. Летели вниз, как сброшенный со склона камень. Наконец был истрачен последний золотой...

Кое-что изменилось в мире за этих три счастливых месяца. Синтетический голос приобрел огромную популярность. Девочки из баров, провожая нас после очередной попойки, пели тоненькими голосами, имитируя последний аккорд «Плача», — «Благодарю ва-ас!». Буин устроился инженером в компанию, купившую аппарат. А еще обозвал нас предателями! Попадись он нам в темном закоулке, мы бы ему показали! Впрочем, что с него взять — белой кости не место среди нищих.

Шли дни. Подул ветер — предвестник осени. В воздухе закружились желтые листья. Продав последний костюм, мы потопали к себе под эстакаду. Честно говоря, я

даже почувствовал некоторое облегчение — хлопотная вещь деньги. Без них как-то легче, вольготнее.

Город был прежним — чистым, отчужденным и холодным. Впрочем, кое-что в нем изменилось: на каждом углу стоял наш робот-нищий. То есть теперь уже не наш, а Министерства здравоохранения. Компания К. провернула неплохой бизнес и заключила договор с министерством на поставку аппаратов. Теперь эта штука получила новое имя — «Общественная копилка». Устройство осталось прежним. Компания К. загребала баснословные прибыли и, естественно, ликовала. Министерство буквально сочилось медом от счастья: за три месяца удалось выкачать из населения милостыню, запланированную на целый год. И правительство в накладе не осталось — оно могло сократить бюджетные ассигнования на здравоохранение ровно вдвое. Но больше всех торжествовали народные массы. Еще бы — не надо стоять в очереди и опасаться, что какой-нибудь особенно страстный поклонник искусства звезданет тебя по уху, прорываясь к ящику. Кроме того, чувствовать себя благодетелем очень приятно, особенно когда это стоит всего одну медяшку. А куда идут медяшки — голодным нищим или миллионерам в карман — это никого не интересует. Главное, чтобы прогресс ни на секунду не останавливался, а тут уж наше государство не зевает, будьте уверены!

А мы... Что ж, мы хапнули уйму денег и могли бы вправду разбогатеть. Сами виноваты — спустили все до последнего. Конечно, первые два дня мы переживали, шутка сказать — опять нищие. Но потом успокоились, вспомнив о бессмертной силе традиций. Буин все-таки научил нас кое-чему. Если все нищие захотят стать денежными тузами, пожалуй, развалится государство, а это повлечет за собой чудовищные последствия. Даже подумать страшно!..

... Мой кореш схватил меня за руку — я по привычке чуть было не опустил последнюю монету в автомат с табличкой «Вино». Я вздохнул и сунул медяшку в хлебный автомат. Выскочил тоненький ломтик, мы разделили его поровну и вышли на улицу. Вечерело. Вокруг — ни души. Дул холодный ветер.

Мы шагали, втянув голову в плечи. Со всех перекрестков до нас долетал тоненький печальный голосок — «Господа хорошие!» Тьфу ты, дьявол! Никуда не денешься от этой штуковины. Так уж устроена, что помимо твоей воли «Плач» лезет и лезет в душу. Мне стало сладко и грустно.

— Косю, друг, не заваялось у тебя монетки, а? Послушать бы...

Он извлек откуда-то потертую медяшку и проворчал:
— Только чтобы это в последний раз!

Тут я впервые хорошенько разглядел «копилку». Аппарат был куда изящнее нашего. Вверху красовалась надпись «Бедным на пропитание и огонек». Бедные — это к нам не относится. Мы не зарегистрированы ни в каких списках.

Поднеся монету к прорези «копилки», я вдруг задумался.

— Чудно получается, — сказал я. — Ведь эту штуку мы сделали. И ящик нашей конструкции, и «Плач» наш, и синтетический голос... Помнишь, как мы бились над концовкой «Благодарю ва-ас!»? А теперь захотел послушать — плати денежки...

Кореш упорно смотрел в сторону и, как обычно, бормотал себе под нос — так уж устроен мир, ничего не подедаешь... А я слушал, слушал, трепетно, всем сердцем, всеми порами тела. Прозвучал заключительный аккорд, и на меня нахлынула сладкая волна. Вместе с ней пришло острое желание слушать еще и еще, но денег уже не было.

— А все-таки хорошо они придумали, — сказал я,

нежно поглощая аппарат. — Ей-богу, хорошо! Ведь эта умная штуковина, изобретенная нами, приносит радость людям и дает хлеб всем беднякам.

— Не мели чушь! — взорвался вдруг Косю. Он разжал ладонь. — Видишь этот хлеб? Половину ломтя съел ты, половину съем я. А если разделить его между всеми голодными, что получится? Каждому достанется по крошке. Да что я говорю — по крошке! Жирные чинуши никому и понюхать не дадут хлебушка, все себе заграбастают. Не продали бы мы аппарат, хоть бы сами сыты были. Вот так-то, брат...

Может, Косю и прав, только уж очень он любит философствовать. И зачем ему это? Чего зря мозги сушить! От философии бывают разные неприятности: ранний склероз, чесотка, несварение желудка. А у нас желудки — ого-го! — гвоздь, и тот переварят. Чесотка, правда, иногда нападает, но это в период откорма вшей.

Ссутулившись, мы зашагали в сторону Камагасаки. Голос «Общественной копилки» долетал издалека, словно тоскливый лай заблудившейся собаки. Я решил не реагировать. Надо укреплять нервную систему. И потом, необходимо придумать какой-нибудь новый способ выманивать деньги у прохожих. Они ведь теперь не станут подавать обыкновенным нищим, когда вокруг полно «копилок». Нет, правда, полный желудок — враг разума. Мозги становятся ленивыми, ничего-то не приходит в голову. Не даром врачи советуют вставать из-за стола с легким чувством голода...

Вот лягу в своей трубе и начну думать... У меня уже есть одна подходящая мыслишка. И конструкция установки вырисовывается, еще смутно, в общих чертах, но главное — идея. Условно я назову ее «Нищий — толкач прогресса», она будет... Впрочем, молчок! Ничего больше не скажу, а то еще подслушает кто-нибудь...

СОВСЕМ КАК ЧЕЛОВЕК

1

Этот странный человек появился у меня в один ясный майский день — вошел степенно, словно агент по продаже швейных машин.

Помнится, в тот день с запада дул легкий ветерок. Западный ветер дул с моря, и небо было необычайно чистое. Все дома разом распахнули настежь свои постоянно закрытые окна и обнажились, словно торопясь поскорее смыть с себя смоговую грязь. К несчастью, я не могу сказать, чтобы мое душевное состояние было таким же безоблачным, как небо. У меня в комнате все обстояло иначе. Она задыхалась в клубах табачного дыма, однако окна в ней были закрыты и наглухо завешаны плотными шторами, и освещала ее только настольная лампа.

Чего может ожидать торговый агент, рискнувший пробраться в столь мрачное логово?.. При обычных обстоятельствах это все равно, что наступить на хвост спящему тигру. Клиент воспользуется случаем сорвать на бедняге свою злость, и тому придется удирать сломя голову под градом отборных оскорблений. Ведь у торговых агентов нет при себе ничего, кроме самого мирного на свете оружия: трех вершков хорошо подвешенного языка.

Но этот человек не был торговым агентом. Не знаю, возможно, у него и вправду не было при себе никакого оружия, кроме языка. Но ведь все зависит от того, как

таким оружием пользоваться. Ведь я по природе своей из тех, которые тонут в стакане воды. Тем более что в тогдашнем моем состоянии я был решительно не способен изображать из себя тигра. Если и было во мне что-то тигриное, то разве пожелтевшее от треволнений лицо да еще полосатая пижама, которую я по неряшливости забыл переодеть. И сроду не имел я хвоста, наступив на который, можно было бы исторгнуть у меня брань и угрозы.

Что и говорить! На душе у меня кошки скребли. Я сидел и с трепетом ждал. Сощурившись, втянув голову в плечи, я ждал появления злого вестника и свершения несчастного события. Я был раздавлен, справиться со мною в таком состоянии ничего не стоило с помощью даже одного вершка языка. И диковинный посетитель с успехом воспользовался моей слабостью.

И ведь как поразительно все совпало! Умышленно? Случайно? Нет, конечно же, так было задумано. Едва по радио закончили в третий раз передавать экстренное сообщение о мягкой посадке ракеты на поверхность Марса, как в прихожей раздался звонок, и мое сердце, которое исходило кровью, разом вспыхнуло и обуглилось, как птенец в пламени пожара.

Я слушал, затаив дыхание. Шум раздвигаемой фусума в гостиной... шаги жены по коридору... какие-то они зыбкие, словно она вылезла из холодильника... затем негромкие голоса... она возвратилась, без стука скользнула ко мне в комнату и с упреком проговорила, уставившись на меня:

— Там тебя хотят видеть, что-то насчет марсиан...

Что же будет дальше? Вот сейчас я пишу. Но на что мне можно рассчитывать? Во-первых, я даже предста-

вить себе не могу, каким образом эти записки попадут к вам в руки. А если и попадут, вы сочтете их бредом сумасшедшего. Сочтете, это уж точно. А если вы паче чаяния один из них? Тогда, наверное, вы уже смеетесь над бедным шутком... Ну что ж, мне придется по-прежнему терпеть эту бессмысленную муку. Так я расплачиваюсь за свою извечную мягкотелость. Но враг вы мне или союзник — у меня нет иного выхода, и я покидаю убежище самоутешения, чтобы смело взглянуть в лицо судьбе.

... Молю небо, чтобы записки эти попали к такому же ЧЕЛОВЕКУ, как я, к ЧЕЛОВЕКУ в том смысле, какой имеет в виду любая энциклопедия, как это понимает каждый!..

Впрочем, даже если мои надежды исполнились и эти записки читает ЧЕЛОВЕК, у меня все же недостает оптимизма полагать, будто это обстоятельство само по себе делает его моим союзником. Положение, в котором я очутился, до крайности необыкновенное, пожалуй, даже и нелепое. И пусть вы, на мое счастье, оказались ЧЕЛОВЕКОМ — я все равно сомневаюсь, окажусь ли я ЧЕЛОВЕКОМ в вашем восприятии.

Но ведь только кривое зеркало всегда дает кривое изображение, это же логика! Правильное изображение в кривом зеркале свидетельствовало бы о нарушении логики. Возможно, где-то за пределами евклидова пространства параллельные линии перестают быть параллельными, но поскольку наша жизнь протекает в эмпирической сфере...

Ну, довольно. Излишние оправдания только усиливают подозрения и выставляют меня в невыгодном свете. Я могу сколько угодно кичиться своим здравомыслием — толку от этого будет мало. Пока же мне было бы достаточно, если бы вы согласились признать кривое зеркало кривым.

Вот, например, вы. Если бы от вас потребовали представить вещественные доказательства того, что вы являетесь подлинным **ЧЕЛОВЕКОМ**... наверняка вы бы рассердились или рассмеялись. И правильно. То, что человек есть человек, является неким изначальным условием, не требующим доказательств. Как аксиома о параллельных. Аксиомы в отличие от теорем потому и аксиомы, что доказать их невозможно. Состав крови, рентген и все такое — это лишь атрибутика, которая имеет смысл только при наличии изначальной аксиомы.

А теперь представьте себе безумный суд, для которого любые словесные объяснения логически неприемлемы. Суд безумный, но не настолько либеральный, чтобы признавать невиновность на основании одного только голословного отрицания вины. И вот вас привлекли в качестве подозреваемого, а судей могут убедить лишь такие доказательства, которые можно пощупать руками.

... «Представьте себе», — говорю я. Нет, не для того, чтобы просить вас быть моим адвокатом. Это было бы наглостью с моей стороны. Но если паче чаяния вам будет уготована та же участь, тогда пусть вам придется претерпеть такие же муки, чтобы в полной мере восчувствовать ее несправедливость!..

2

А теперь, отдавшись на вашу волю, я продолжаю рассказ. Итак, жена возвратилась и с упреком сообщила мне о цели визита моего гостя.

— Там с тобой хотят поговорить, что-то насчет марсиан...

Фантастическое сообщение, за пределами здравого смысла, не так ли? Вы наверное, уже предполагали что-либо подобное, что должно было вызвать у меня, и без

того измученного черной меланхолией, взрыв негодования. Раз вы видите меня насквозь, то должны были предположить именно это. Но никакого взрыва не последовало. Я только молча взглянул на жену. Некоторое время мы словно в оцепенении глядели друг на друга, как должники, к которым ворвался кредитор.

И в каком-то смысле так оно и было.

Обычно на лицах людей отражается профессиональная заинтересованность. То же произошло и со мной... Видите ли, дальше мне придется рассказать о своих делах. Посторонним подобные вещи всегда кажутся скучными, но в данном случае заинтересованным лицом являюсь я сам, так что ничего не попишешь. А дела мои были в крайне плачевном состоянии.

Надо сказать, что в одной радиокompании я вел в качестве драматурга постоянную программу «Здравствуй, марсианин!», передававшуюся по воскресеньям с одиннадцати до полдвенадцатого утра, и это приносило более половины всех доходов нашей семьи. Стараниями моими мне удалось добиться определенного успеха — я получал ежедневно не менее двух десятков писем от слушателей. Так я обеспечивал наше существование в течение почти двух лет... Но когда была запущена на Марс эта ракета, все совершенно переменялось.

Впервые я ощутил эту перемену в середине позапрошлого месяца. Тогда сообщили, что произведена коррекция положения ракеты на орбите, и на повестку дня встал вопрос о результате запуска. И вот однажды заведующий редакционным отделом бросил мне в коридоре мимоходом:

— Можете теперь передавать ваши шуточки прямо марсианам...

Поистине, ничего особенного в этих словах не было. И если судить по тону, никакого скрытого смысла они не

содержали. Но они все равно открыли мне глаза на истинные намерения компании в отношении моей программы и уязвили меня сильнее, нежели грубое, циничное предупреждение.

Впрочем, подобные демонстрации больше не повторялись. Однако успокоить пробудившуюся настороженность не так-то просто. Я вдруг обнаружил, что не слышу больше критических замечаний, указаний, советов, от которых раньше отбоя не было, как от воробьиного гама по утрам, и в которых мешались самые противоречивые мнения. Мой режиссер сделался вдруг до невозможности уступчивым, совсем перестал припоминать, что я опаздываю с очередной работой и прочие провинности и во всем со мной соглашался... Несомненно, меня ожидал жестокий приговор и, каков бы он ни был, в нем отражалась чья-то неумолимая воля.

... Вообще говоря, я не собирался так легко сдаваться. У меня тоже было что сказать по этому поводу. Да, ракета, предназначенная для мягкой посадки, наверняка представляла собой нечто новое, качественно отличное от прежних, просто наблюдательных ракет. Да, с ее помощью должно было состояться прикосновение Земли к шкуре непостижимого Марса. Все это я готов признать без малейших колебаний. Но ведь отсутствие высокоорганизованной жизни на Марсе было с очевидностью установлено еще «Маринером-4»! Красная планета, планета молчания и смерти, планета пустынь и инея из замерзшей углекислоты... Ну кто же в наше время может серьезно говорить о существовании марсиан!

А теперь подумайте вот о чем. Есть ли в мире хоть один читатель, который воспринимает, скажем, «Путешествия Гулливера» Свифта как реалистическое произведение? Если и есть, то это, конечно, какой-нибудь помешанный с извращенным воображением. Фантастичность

«Гулливера» является изначальным условием, лежащим за пределами дискуссий. Совершенно так же и мой марсианин (вы, несомненно, согласитесь с этим, если хоть раз слышали нашу программу) — в конечном счете своего рода современный мистер Гулливер, фантастический персонаж; оценивая людей совершенно иными мерками, он старается открыть им глаза на то смешное и нелепое, чего сами они невольно не замечают... Но раз уж он персонаж фантастический, то разве не более под стать ему быть марсианином, о котором уже решено, что он не существует, чем марсианином, насчет которого строятся неуклюжие догадки?

Поэтому, если бы на меня давила только администрация радиокompании, я бы не упал духом до такой степени и уж как-нибудь пережил бы все эти неприятности. Конечно, с моей стороны смешно было бы рассчитывать на то, чтобы переубедить нашу чиновничью братию, которая никак не может взять в толк разницу между фантастикой и реализмом. Но у нее, у этой братии, имелось слабое место: простодушная убежденность в том, будто все решается в конечном счете одним-единственным индикатором, и индикатор этот — благосклонность радиослушателя. И пока тревога начальства — эгоистическая тревога о том, что марсианская ракета нацелена прямо в моего марсианина и может нанести ему смертельную рану, — не нашла себе явственного подтверждения в показаниях этого индикатора, до тех пор у меня еще оставалась возможность гнуть свою линию. Если вы полагаете, будто реально существующая ракета способна поразить фантастического марсианина, самоуверенно рассуждал я, то почему вы не боитесь, что пулемет, стреляющий на киноэкране, может ранить и убивать зрителей? Да, я был беспечен и наивен. Сама логика подсказывала, что долго так продолжаться не может. И очень скоро, в унисон с

настроениями администрации, на меня дождем посыпались злобные письма радиослушателей и ехидные комментарии обозревателей.

«... В нынешнем году мне исполняется семьдесят шесть лет. Для отдыха врачи прописали мне дневной сон в течение одного часа. Однако, услышав такую антинаучную передачу, я почувствовал себя так, будто наступил конец света, я не могу сдержатъ благородного негодования, от волнения у меня нарушен мой покой, это укорачивает мои дни, и я настаиваю, чтобы вы подвергли свои произведения самой суровой самокритике».

«...Хотелось бы знать, есть ли у господина автора дети? Наши дети мечтают об успешной посадке марсианской ракеты, надежда эта переполняет их сердца. Неужто же автор не испытывает никаких угрызений совести, когда болезненно ранит чистые детские сердца злобными издевательствами вроде передачи «Здравствуй, марсианин!»? Как мать единственного ребенка, обращаюсь к вам с просьбой. Чтобы из этого антипедагогического марсианина поскорее сделали передачу «Прощай».

Да, я был разбит по всей линии. Нет среди людей существ более жалких и несчастных, нежели те, у кого отсутствует чувство юмора. Передавать для них мою программу было все равно что показывать обезьянам обезьяний цирк. Помнится, у какого-то автора я прочитал: если не можешь насмешить, то остается только либо умереть, либо отомстить... Честное слово, как бы я отвел душу, если бы можно было стрелять по радио из пулемета!

... Однако у меня была семья, которую мне надлежало кормить; это уже была реальность, а не фантазия, и я не мог позволить себе роскошь попусту взвинчиваться.

Я терзался ощущением собственного бессилия, а между тем ракета продолжала мчаться к Марсу со скоростью тридцать километров в секунду, и сам факт ее существо-

вания как зловещий кошмаротягощал мою душу. Я был загнан в угол и лихорадочно метался в поисках выхода. Как вернуть моему марсианину утраченные позиции? Я готов был для этого на все — на самое позорное соглашение, на обман...

И вот в один такой день я увидел маленькую заметку на последней полосе какой-то вечерней газеты...

«Инцидент с летающими блюдцами, вызвавший вчера вечером панику на Н-ской станции государственной железной дороги, ко всеобщему разочарованию, разрешился известием, что речь шла всего-навсего об игре неоновых огней на рекламной вышке, потонувшей в густом тумане. Некоторые свидетели, однако, утверждают, что огни были видны совсем в другом направлении, и сегодня весь день платформы станции кишели зеваками, число коих в несколько раз превышало обычное число пассажиров. Впрочем, даже специальная комиссия американского сената признала, что, хотя большинство из 20014 зарегистрированных неопознанных летающих объектов оказалось метеоритами или объяснялось разного рода атмосферными явлениями, все же 1021 случай истолковать невозможно. Наша страна отстала в космическом соревновании, и если бы нам посчастливилось стать первыми, кто вступил в контакт с инопланетными существами, мы восприняли бы это как большую честь. Если бы летающие блюдца приземлились у нас, мы бы постарались всеми мерами выразить наше дружелюбие, решительно воздерживаясь от опрометчивых поступков...» и так далее.

3

Кажется, статья эта попалась мне на глаза в электричке, когда я возвращался из радиостудии. У меня вдруг все похолодело внутри, я почувствовал, будто что-то во

мне вот-вот взорвется, и принялся вновь перечитывать заметку. Строчки бикфордовым шнуром бежали перед глазами, и едва я дочитал до конца, с ослепительной вспышкой грянул взрыв. Когда взрывная волна достигла мозга, моя идея приняла отчетливую и ясную форму.

На первой же остановке я выскочил из электрички и бросился к ближайшей телефонной будке. Наверное, мне не следовало пороть горячку. Наверное, надо было вернуться в студию или поспешить домой, чтобы сперва набросать свой план на бумаге. Во всяком случае, сначала следовало тщательно разработать тактику, а потом уже звонить. Но ракета неумолимо мчалась к Марсу, посадка предполагалась меньше чем через три недели, надежд у меня больше не оставалось никаких, и мою душу распирало ненадежно загнанное вглубь нетерпение. Да нет, дело было не только в этом. Я буквально гнулся под сладкой тяжестью своей великолепной идеи. Мне не терпелось поскорее щелкнуть по носу нашу чиновничью братию, а пуще всего я хотел успокоить жену и вернуть в семью мир и спокойствие. Ибо несчастна жена, потерявшая веру в мужа, но трижды несчастен муж, утративший доверие жены.

Когда в телефонной трубке отозвался голос моего мучителя, заведующего редакционным отделом, я заговорил каким-то развязным тоном, удивившим меня самого:

— Нашел. Придумал превосходный трюк. На той неделе и начнем. Форма, стилистика — все будет совсем другое... поворот, так сказать, на сто восемьдесят градусов...

— Погоди-ка,— перебил он меня скучающим насморочным голосом.— Ты же знаешь, программа целиком доверена тебе...

— Да нет, вы послушайте сначала. Изменим все следующим образом... Короче, например... Во вступлении ве-

душий зачитывает письмо, в котором к нам обращаются за советом...

— Что это у тебя так шумит? Электричка, что ли?

— Шумит? Может быть, перезвонить из другого места?

— Послушай, разговор все-таки серьезный, давай как-нибудь без спешки...

— Спешить надо нам обоим, не одному мне. Ракета нас ждать не станет, сами понимаете. Но это ничего, теперь все уладилось. Наш марсианин решительной контратакой склонил чашу победы на нашу сторону. Итак, ведущий зачитывает письмо... Пусть это будет, к примеру, проникновенная мольба некоей добропорядочной матери семейства... Сейчас я вам его прочитаю.

— Прочитаешь? Это что же, настоящее письмо?

— Да нет. Я его только что выдумал.— И я затарабанил без передышки, подделываясь под тон ведущего: «... Мы женаты уже одиннадцать лет. Муж мой всегда был человеком безупречным, добрым супругом, хорошим отцом. Но вот недавно, вернувшись со службы, он заявил, что видел летающее блюдце. С тех пор он стал получать сигналы от людей с этого летающего блюдца. Каждый раз, когда они его вызывают к себе, он уходит даже среди ночи, и бывает, что проводит вне дома многие часы. Я спрашивала его, куда это он уходит, но он ничего не рассказывает, ссылаясь на запрещение людей с летающего блюдца. Не раз я уговаривала его пересмотреть свое поведение, потому что могут быть неприятности по службе, но он велит мне не беспокоиться понапрасну и положиться на него, поскольку рано или поздно люди с летающего блюдца вступят в переговоры с правительством и тогда мол его назначат на важный пост в переговорной комиссии. И все же я сильно беспокоюсь и часто не сплю по ночам. А теперь он уже сам напускается на меня и грозит,

что разойдется со мной, раз я ему не верю. Может быть, мой муж спятил? И еще расскажите, пожалуйста, существуют ли эти летающие блюда на самом деле?..»

Мне показалось, что на другом конце провода тоненько хихикнули. Ободренный, я набрал полную грудь воздуха и продолжал:

— Окончив чтение, ведущий объявляет, что мы пригласили в студию автора письма, а также нескольких специалистов, с которыми мы консультировались. Они выразили желание задать ряд вопросов... Пусть это будет, например, врач-психиатр, писатель-фантаст, астроном, член комитета по изучению летающих тарелок, сотрудник МИДа... Чем больше, тем интереснее...

— И все, конечно, поддельные?

— Нет, специалисты пусть лучше будут настоящие. Я уже сказал вам, все будет совсем иначе, чем прежде... Одним словом, ставка у нас здесь на то, что всем будет страшно любопытно: как повернется дело дальше? Представляете, какое это будет удовольствие, когда у них развяжутся языки! Но истинный гвоздь программы еще впереди. Когда дебаты между нашими приятелями-специалистами начнут смешить публику, пускай снова вмешается ведущий. Так и так, прошу простить, но мы только что получили одно интересное сообщение. Это донесение частного детектива, нанятого присутствующей здесь госпожой... Сударыня, вы не будете возражать, если мы сейчас это донесение зачитаем? После секундного замешательства автор письма застенчиво выражает согласие. И вот ведущий при всеобщем внимании зачитывает донесение этого детектива... Как вы полагаете, что в нем такое?

— Ну откуда мне знать...

— Оказывается...— я сделал эффектную паузу.— Оказывается, здесь замешана женщина!

— Женщина?

— Он нагло обманывал жену. Люди с летающего блюда были предложением... на самом деле он таскался к другой женщине.

Я кончил и перевел дыхание. Я ждал, что вот сейчас до меня донесется благожелательный хохот. Но никакого хохота не было, слышался лишь какой-то шорох. Забеспокоившись, я уже раскрыл было рот, чтобы удивиться, на месте ли мой собеседник, но тут он произнес:

— Позволь, а как же твой главный герой? Как же марсианин?

Этот его дурацкий тон мог бы сбить с толку кого угодно, но секрет альпинизма заключается в том, чтобы никогда не оглядываться вниз. Я решил, не обращая ни на что внимания, продолжать атаку в соответствии с избранной тактикой.

— В том-то и дело. Для этого, собственно, я вам и звоню. Да, марсианин исчез... точнее говоря, вывернулся наизнанку, сделался как на фотографическом негативе... и потому, сами понимаете, название нашей программы теперь лжет. Естественно, название это придется переменить. Я уже думал над этим вопросом и предлагаю взять «Прощай, марсианин!» Как вы считаете?

— «Прощай, марсианин!»?..

— Да. По-моему, это довольно удачно, не так ли?

— Пожалуй... Не знаю, может быть, и удачно...

Мне показалось, что я уже перетянул его на свою сторону. Напряжение схлынуло, и я продолжал не так напористо:

— Мы по опыту знаем, что люди не любят шуток. Марсианин стал провалившимся фарсом.— Ну и что же, подумал я, а кто нам мешает попытаться переиграть этот провалившийся фарс заново?

— Нет, а это действительно изящно!— вдруг оживил-

ся заведующий, словно до него, наконец, дошло.— Послушай, ведь действительно неплохо! Остроумнейшая идея — так украсить последнюю передачу программы «Здравствуй, марсианин!» Мы не забрасываем грязью заходящую звезду, мы провожаем ее с честью, и эти наши чувства, я уверен, будут должным образом оценены.

— Вы меня не поняли!— растерянно вскричал я.— Причем здесь последняя передача? Это же только начало! Мы лишь назовем программу «Прощай, марсианин!» и будем продолжать ее в соответствии с новым названием... Я намерен обратить зло во благо, понимаете? Поэтому...

— Глупости,— прервал он, как бы отталкивая меня.— Ты слишком много захотел. Я уже не говорю об общем положении дел, но вот так взять и сменить название — это же означает признать перед всем светом, что мы не уверены в себе. Неужели ты этого не понимаешь? Эфир, знаешь ли, является все-таки общественным достоянием. Подобная безответственность недопустима. И потом слушай, неужели у тебя нет чувства собственного достоинства?

— Думаю, что-то в этом роде у меня есть. И все же изменение названия и стиля вовсе не обязательно означает изменение основного духа программы... С самого начала меня интересовали проблемы земного человека, а всякие там марсиане были не больше чем средством...

— Ну, не скажи. Даже безлюдный полюс таит в себе некие чары, которые действуют на воображение. А уж Марс, пусть он будет сколь угодно пустынным, надменным, негативным, он и подавно являет собой загадку и тайну, и отрицать это может только такой сноб, как ты.

— Поймите, проблема лежит совсем в ином измении...

— Короче говоря, вот что. Как руководитель отдела

я не могу позволить себе согласиться на изменение названия.

В стекло постучали. Молодая женщина, ожидавшая своей очереди, раздраженно барабанила по стеклу телефонной будки. Из-за ее плеча недовольно хмурился на меня длинноволосый мужчина.

— Прошу прощения, подождите секунду... Я говорю из автомата, здесь собралась очередь, так что я сейчас перезвоню из другого места...

— Да нет, зачем же, давайте на этом закончим,— безразличным тоном возразил он.— Между прочим, Марс — это не Луна, и вероятность неудачи по техническим причинам там гораздо больше, не так ли? Ну вот, и будем уповать на то, что посадка марсианской ракеты окончится неудачей...

4

Я лишь растревожил спящего льва. Я был глубоко унижен, продолжать контратаку больше не имело смысла, и оставалось только покорно ожидать известия об успешной посадке злосчастной ракеты.

Но когда это известие, наконец, пришло, оно буквально потрясло меня. Чувство горькой обиды и унижения, владевшее мною, почти исчезло, уступив место ощущению полнейшего краха. «Вся аппаратура работает нормально!»— повторяли экстренные выпуски, и каждый раз перед моим мысленным взором вставала эта ракета — уже не просто механизм, а сама мысль человеческая. Несколько месяцев ракета со своей резкой черной тенью — сгусток человеческой мысли — будет жить на обширных равнинах загадочной пустынной планеты, будет жить и посылать на Землю информацию. Да, рядом с этим вещественным образом мой марсианин был пустым

и фальшивым призраком. Замок моей фантазии подобно привидению исчез в лучах утреннего солнца, и главную роль в этом сыграла бедность не столько обывательского воображения, сколько моего собственного. До последнего момента я не мог набраться смелости признать себя побежденным и вот потерпел сокрушительное поражение. Убит был не марсианин. Убит был я сам.

А теперь, конечно, я сидел и ждал ультиматума, который рано или поздно должна была послать мне радиоккомпания. И когда ко мне явился посетитель и сказал, что хочет поговорить о марсианах, я, естественно, решил, что это посыльный из студии. Все для меня было predetermined. Все заставляло меня ждать внезапного удара по самому незащищенному месту.

Жена настойчиво повторила:

- Проводить его к тебе?
- Может быть, это режиссер?..
- Да нет, не похоже.
- И не заведующий отделом?..
- Никогда раньше его не видела...

Вот тут я должен был насторожиться. Вряд ли на студии могли дойти до такого бесстыдства, чтобы послать ко мне какого-то незаметного, неизвестного мне служащего без предварительного уведомления по телефону... Однако дух мой был уже сломлен, я ожидал дурных вестей, и мне было не до подозрений. Неодолимая робость все более овладевала мною.

— Хорошо, я сам к нему выйду.

Я поднялся, избегая взгляда жены. У меня было такое ощущение, будто меня сейчас поволокут на плаху. Я проклинал ракету, я ненавидел бесплодие Марса...

— Держись, — сказала жена.

Она сказала это совершенно спокойно, но мне почу-

дилось, будто она упрекает меня за непрактичность, и я взъерошился.

— А что мне держаться? — сказал я. — Подменю марсианина жителем какой-нибудь планеты АВ-4-Н, вот и все...

— Я ведь просто так сказала: держись... Хорошо бы здесь окно открыть.

— Не нужно.

— Табачный дым глаза ест. Ты устроил поминки по марсианину?.. *

— Не по марсианину. По себе самому.

— Так тебе и надо. А производить дурное впечатление еще и на посетителей совершенно ни к чему.

— Мне уже ничто не поможет.

Притушив недокуренную сигарету о край пепельницы, полной окурков, я бросил: «Провались они пропадом, марсиане!» — и, щелкнув языком, вышел из комнаты. В то же мгновение зазвонил телефон. Из студии, подумал я. Значит, все правильно. Просто предварительный звонок запоздал или посыльный явился раньше времени.

— Сейчас выйду, — проговорил я, протягивая руку к трубке. — Скажи там ему, пожалуйста, пусть немного подождет.

Едва закрылась дверь за женой, как из трубки мне в ухо ударил торопливый голос молодой женщины:

— Алло, сэнсэй, не у вас ли сейчас человек, который говорит, что хотел бы потолковать с вами о марсианах? Мужчина... Это, видите ли, мой муж.

Странно. Я готовился совсем не к тому.

— Простите, вы говорите из студии?

— Причем здесь студия? Я говорю, это мой муж. Ви-

* В японских храмах на поминках принято употреблять курительные палочки. — *Прим. перев.*

дите ли, дело в том, что он страдает раздвоением личности.

— Раздвоением... То есть он сумасшедший?

— Он страстный почитатель вашей, сэнсэй, программы «Здравствуй, марсианин!» Я, конечно, не хочу сказать, будто это единственная причина, но факт остается фактом, он вбил себе в голову, что он — марсианин... Во всяком случае, он не пропустил ни одной вашей передачи, слушает только вашу программу и знать ничего не хочет... А тут еще сегодня утром сообщение об этой ракете. Он страшно разволновался и с самого утра только и твердит, что непременно должен поговорить с вами...

— Вот оно как, сумасшедший... — У меня к горлу комом подступил горький смех, словно я опился содовой воды.

— Да, он всего три дня как вышел из больницы.

— А что, это очень неприятно — вбить себе в голову, что ты марсианин... даже если ты сумасшедший? — Смех лягался во мне, и я не мог понять, смешно мне или я отчаянно злюсь. — Ну, хорошо, спасибо, что предупредили. Действительно, какой-то тип ко мне явился. Но вы не беспокойтесь, я его выставлю в два счета...

— Нельзя, что вы! — вскричала она, и мембрана в трубке задребезжала, как будто рванули пополам газетный лист. — Это же очень опасно! Ведь мой муж — буйный...

В ее голосе было столько искреннего чувства, столько любви и беспокойства, что я заколебался.

— Но тогда... как же его выписали из больницы?

— Слишком силен был стимул. Эта самая ракета. Он нарочно притворился тихим, спокойным... Но вы не волнуйтесь, он никогда не буянит, если его не доводят. Вы только слушайте его, и все будет в порядке. Он на удивление тихий и покорный, если его слушают. Тяжелее все-

го бывает, когда ему кажется, что на его слова не обращают внимания. Так что можете не беспокоиться. Я буду у вас через тридцать минут. Не вздумайте звонить в больницу или там в полицию, иначе он так разбушует, что его уже не остановишь. Кроме меня, с ним никто не умеет управляться. В прошлый раз, когда он пришел в ярость из-за каких-то пустяков, потребовалось трое здоровенных мужчин, чтобы справиться с ним. И то, когда санитарная машина отошла, у одного была сломана кисть руки, у другого были три раны на лбу, а у третьего выбиты три зуба. На внешность его вы не смотрите, он ужасно силен. В общем слушайте его с наивным видом, и он будет доволен... Убедительно прошу вас, всего тридцать минут!

Не дожидаясь моего ответа, она повесила трубку. Вот уж действительно положение! Я было с облегчением вздохнул, когда узнал, что это не посыльный из студии. Но спятивший почитатель — нет, слуга покорный, если это и лекарство, то слишком сильное. Отчаяние, злость, глупость перемешались и кипели во мне. Я долго стоял, как загипнотизированный, уставясь на телефонную трубку, не зная, что еще может вырваться из нее.

5

— Оказывается, этот тип у нас в прихожей, он вовсе не из студии.

— Кто же он?

— Из этих. — Я покрутил указательным пальцем над головой. — Мой почитатель.

— Радости мало.

— Да, плохо. Послушай, прими его вместо меня, а?

— Это психа-то?

— Я ведь должен как-то собраться с мыслями и под-

готовиться... Настоящий посыльный все равно придет рано или поздно.

— Не сдаешься?

— Я должен сделать все, что в моих силах... А этот тип, который к нам явился, вдобавок еще из буйных.

— Этого только не хватало! — Она вдруг рассердилась. — Ты что же, предлагаешь мне посидеть часок-другой с буйнопомешанным?

— Ты меня не поняла. Если просто слушать и не перечить ему, он ведет себя вполне нормально. И кроме того, мне определенно обещали, что через тридцать минут за ним придут...

— Ну вот ты с ним сам и посиди. Без меня.

— Ты здесь больше подходишь. Ты будешь смягчающе действовать на него своей женственностью.

— Будет тебе врать. В конце концов это твой почитатель, а не мой.

— Послушай, мне сейчас не до почитателей. К тому же этот тип еще вбил себе в голову, будто он марсианин. Пойми, для меня это слишком тяжело!

— Так он — марсианин?! — Она расхохоталась цинично и злобно. — То-то я смотрю — у него посередине лба третий глаз прорезывается...

— Над этим не шутят. Надо же иметь сочувствие, в самом деле. Если подойти к нему дружески, проявить интерес, какую-то душевную близость...

— Всю жизнь об этом мечтала! И ты посмел надеяться, что я... Нет уж, друг мой, что сам посеял, то и жни.

Произнеся эти слова, жена тут же удалилась. Возможно, вы вспылаете негодованием: так ли должны вести себя жены в осажденной крепости? Но ведь это я во всем виноват. Я с самого начала согласился на капитуляцию, я с самого начала обманул доверие своей жены. Вы сомневаетесь? Но ведь я попытался отгородиться женой

от сумасшедшего, который, как на зло, обратил мою трагедию в дрянной фарс. Такое мужьям не спускают. Да, поистине тяжкая ноша свалилась мне на плечи. Пока я тянул время, предаваясь праздным размышлениям, со стороны прихожей послышались торопливые шаги. Я вспомнил телефонный разговор и содрогнулся. Никакие унижения не причинят мне столько ущерба, сколько мой гость, если я доведу его до бешенства. Поговорку «что посеешь, то и пожнешь» не жена придумала, но предъявлять сейчас какие бы то ни было претензии вряд ли уместно... Итак, не будем юлить и скажем «здравствуй» призраку нашего марсианина!

Посетитель стоял спиной к свету, падавшему из прихожей, как бы слегка сутулясь, прижимая обеими руками к груди черный кожаный портфель и являя собой вид усердный и несколько пристыженный.

Лица его против света я хорошенько не разглядел, но он улыбался добродушной улыбкой, какая бывает только у агентов, торгующих предметами домашнего обихода, и больше ни у кого. Впрочем, покрой и расцветка его фланелевого костюма были, пожалуй, слишком изящны и ярки для торгового агента.

Мне сразу бросилось в глаза, что он невысокого роста и хрупкого телосложения. Может, он и был буйнопомешанным, но ничего ужасного в его облике я не заметил. Ничего в нем не было от того страшного образа, который я нарисовал себе после разговора с его супругой. Едва я облегченно вздохнул, как он воскликнул негромким взволнованным голосом:

— Как я рад вас видеть, сэнсэй!

Затем он перегнулся, наклонился ко мне и хихикнул. Этот смешок неприятно поразил меня, и я отступил на шаг, а он зататорил:

— Я почитатель вашей программы, сэнсэй. Хорошие

это передачи, в высшей степени поучительные. И вот я решил сегодня посетить вас, сэнсэй, дабы предложить поразительный материал... Даю вам слово, это самая настоящая сенсация, и как раз для вашей программы!

Он выпаливал все это без передышки, умудряясь в то же время кокетливо хихикать. Хорошенькое дело, неужто он будет продолжать все тридцать минут в том же духе? Я уже сыт по горло.

— Вот как?..

— Нет, не благодарите меня. Я ваш почитатель, и мне довольно будет, если я сумею стать вам полезным. Честное слово!

— Вот как?..

— Честное слово, не из каких-нибудь там низменных побуждений, ничего подобного! Вы только мне поверьте, больше мне право ничего...

— Разумеется, я вам поверю. И благодарю вас. От души благодарю.

— Вот даже как? — Он склонил голову набок и засмеялся. — А я-то думал, что вы будете очень удивлены.

— Ничего, не беспокойтесь. Опыт у меня все-таки богатый, меня уже ничем не удивишь.

— Правда?.. Тогда я вам прямо скажу... — Он провел по губам кончиком языка и неловким движением засунул свой портфель под мышку. — Дело в том, что я не какой-нибудь обычный человек. Я марсианин.

Захваченный врасплох из-за его придурковатого тона, я машинально произнес:

— Ага, вот оно как...

В тот же момент лицо его помертвело, словно повернули выключатель. — Ах, черт побери! — спохватился я, но было уже поздно.

— Странно... — проговорил он печальным упавшим голосом. — Вы несколько не удивились.

В замешательстве я попытался исправить промах, но по дурацкой своей неловкости только окончательно все испортил.

— Ну как же... Удивился, разумеется... Вот вы сказали, что вы — марсианин, и я был просто поражен...

— Да, понятно... — С тем же мертвенным выражением лица он устремил взгляд на свои пальцы, поглаживающие крышку ящика для гэта. — Только знаете, мне довольно трудно разговаривать стоя. Все-таки у вас на Земле сила тяжести значительно больше, чем на Марсе. Здесь мы быстро устаем. Может быть, вы разрешите мне войти в комнату?

Произнеся эти слова, он перенес вес тела на одну ногу и легонько вздохнул. Очень хитрый психологический маневр. Его умение владеть своим лицом пробудило во мне ощущение какой-то угрозы, заставило вспомнить о звере, который в любой момент готов оскалить клыки, и я совершенно оробел. Наверное, виноват был все тот же телефонный разговор.

— Конечно, конечно... Пожалуйста... — пробормотал я.

И тут он вдруг мгновенно вернулся к прежнему тону.

— Можно? Ну, вот и превосходно!

Он нагнулся и стал расшнуровывать ботинки. Весь напрягшись, как напрягаются скулы при скрежете зубов, я прошелся по коридору. Я думал, что в беседе с умалишенным есть что-то не совсем взрослое, но долго ли будет длиться это жалкое подыгрывание собеседнику?.. И я решил продемонстрировать свойственный мне дух сопротивления.

— Жена! — крикнул я. — Принеси гостю чаю!

Я сказал — сопротивление?.. Ну какое же это сопротивление? В лучшем случае просто злобное ворчание, вот и все. Ворчание... Да, это ворчание на тупость моей суп-

руги, которая спихнула мне сумасшедшего марсианина с тем, чтобы я загладил свою вину. И еще самоуничижительное ворчание на самого себя, который у всех на глазах погубил свою душу и тело, связавшись с марсианином... и подумать только, что этот марсианин — мною же созданная иллюзия!

Послышался визгливый добродушный смех, и затопали мелкие шажки.

— Слышу! Сейчас вам будет чай!

6

— Сюда, пожалуйста, вот на этот диван...

— Да нет, зачем же! — Мой гость с преувеличенной поспешностью попятился, при этом едва не опрокинув с полки цветочный горшок. — Для меня, знаете ли, и в коридорчике ладно будет, честное слово. Не затрудняйтесь, прошу вас.

Резко отпихнув меня, он устремился к стулу возле двери.

— Но вам же неудобно будет на этом стуле! Что вы стесняетесь, право?!

— Странно... — проговорил он, заглядывая снизу мне в лицо. — Вы что же это, сэнсэй, боитесь меня, что ли? Норовите запихнуть в угол, словно для того, чтобы иметь возможность в любой момент выскочить из комнаты?

— Какая ерунда! — с негодованием воскликнул я, но в негодовании моем было слишком много силы и очень не хватало искренности. Я не мог утверждать, что не имел такого умысла, и для того, чтобы сохранить лицо, мне оставалось лишь подкрепить слово делом.

Так я волей-неволей очутился на диване, а сумасшедший марсианин занял стул возле двери.

Окна были завешены портьерами, но свет лампы был

сильнее света, который чуть просачивался сквозь щелки в портьерах на спину гостя. Я впервые разглядел его лицо. Вопреки моим ожиданиям оно казалось слабавольным и каким-то беспомощным. Длинная птичья шея; костлявый кадык, покрытый пупырышками; тоскливо опущенные углы рта; впалые, с землистым оттенком щеки; набрякшие веки, словно у больного базедовой болезнью... Впрочем, когда он начинал смеяться, втягивая голову в плечи, выражение робости мгновенно сменялось выражением такой наглости, что я невольно отворачивался.

Чтобы протянуть время, я закурил. Тогда он осторожными движениями, будто хрупкую восковую палочку, размял и сунул в зубы сигарету, после чего расслабился и распластался на стуле, словно сушеная каракатица. С наслаждением отдыхая от тяжести собственного тела, он испустил долгий вздох и, раздувая ноздри, произнес:

— У вас отличная комната, сэнсэй, мне у вас нравится...

Ничего себе — отличная комната! Беспорядочные груды старых книг и журналов... клочки черновиков и карандашная стружка... цветочный горшок, приспособленный под пепельницу, и обсыпанный перхотью стол... О вкусах не спорят, но подобные любезности явно не нуждаются в ответных репликах, и я промолчал, продолжая помахивать сигаретой.

— Отличная комната, отличная комната, отличная комната... — повторил он несколько раз нараспев и вдруг, усевшись прямо, сказал: — И вы знаете, сэнсэй, чем мне ваша комната нравится? Вот этим ее настроением, тем, что в такой солнечный день у вас задернуты шторы... Для землянина, наверное, это просто грязная конура, но для марсиан это именно то, что требуется. Ваше земное солнце слишком ярко для нас. Впрочем, еще хуже ваша чудовищная сила тяжести... Вы ее, конечно, не замечаете,

как воздух, но для организма, прибывшего к вам из мира, где она составляет всего какие-то триста девяносто дин, жить здесь то же самое, что в скоростном лифте, который стремительно наращивает скорость. Нам снится ночами, как этот лифт прошибает потолок и уносится на край Вселенной. Возникает ощущение ужасающего одиночества. Вы знаете, у марсиан, живущих на Земле, неизбежно развиваются неврозы. Им кажется, будто утрачена твердая почва под ногами. И в конечном счете — они начинают бояться открытого пространства, то, что противоположно так называемой клаустрофобии... Вот почему мне так хорошо в этой атмосфере, в этой комнате... Да, сэнсэй, вы отлично понимаете марсиан...

Надо же, какие бывают психи, думалось мне, но в то же время я, конечно, не мог не поразиться его взгляду на тяготение и все прочее. Рассуждения его не лишены вкуса и тонкости. И он, видимо, изрядно сроднился с мироощущением марсианина, раз сам, не опираясь на опыт, сумел выработать такие яркие чувственные представления. У меня, например, ничего подобного не получилось, хотя я долго пробыл среди своих воображаемых марсиан. (Расскажи он мне все это раньше, я бы, наверное, смог сделать лишних три-четыре передачи для своей программы.) Одним словом, хоть он и сумасшедший, но сумасшедший экстра-класса... Внимание мое рассеялось, а между тем мне следовало быть настороже.

Непринужденно, взглядом оценщика, он оглядывал углы комнаты и вдруг, посмотрев на меня, вкрадчиво произнес:

— Что же это мы, однако... все как-то вокруг да около. Вот скажите мне, пожалуйста, сэнсэй, вы любите необычных посетителей?

— Нет, не особенно...

— Так я и думал. Даже по этой вашей комнате вид-

но, что вы — человек необщительный. Вы, скорее, личность самодовлеющая, подозрительная и, несмотря на всю вашу мировую грусть, эгоистическая. Вам бы таких, как я, ваших почитателей, на порог не пускать, и вдруг вы приглашаете меня в свой кабинет и снисходите до дружеской со мною беседы. Согласитесь, есть в этом нечто противоестественное.

— Ничего подобного. Просто с чисто профессиональной точки зрения почитатель является достаточно важным гостем... и кроме того, ведь вы, насколько я понял, принесли какой-то сенсационный материал...

— Сенсацию я вам уже изложил. То, что я не человек, а марсианин...

— А, да-да... Это, разумеется, поразительная сенсация...

— Ну вот, вы опять несете благоглупости. Как вы позволяете себе столь беззастенчиво лгать?

— Что вы имеете в виду? И почему это вы так выражаетесь?..

— Ну, а как же? Как же еще? К вам, специалисту, является человек, называет себя марсианином, и вы не выказываете ни малейшего сомнения. Согласитесь, это абсурд. В чем же дело? Или со мной здесь шутки шутят?

— Вы меня как-то переоцениваете. Какой там я специалист? Так, пишу для радио, кое-чем интересуюсь, конечно...

— Но ведь не сумасшедший, не идиот же?

— Ну, знаете... — Я было вспылil, но тотчас спохватился, что мой собеседник — псих, и если я поддамся на провокацию, расплачиваться придется мне, а не ему. Взглянув на часы, я убедился, что прошло всего пять минут. Еще двадцать пять минут... только бы продержаться, скорее бы все это кончилось. — О таких вещах даже в газетах пишут.

— Сейчас уже не времена Уэллса, и вам должно быть известно, что на Марсе высокоорганизованных животных нет. Данные, более достоверные, нежели простые догадки, убедительно свидетельствуют, что в крайне разреженной атмосфере и при почти нулевой влажности жизнь, сколько-нибудь подобная земной, существовать не может. Или... — Он понизил голос и произнес, улыбаясь не то цинично, не то издевательски: — Скажите, сэнсэй, а может быть, я не кажусь вам высокоорганизованным животным, а? Не стесняйтесь, скажите! Каким вы видите мой образ?

Ну до чего же утомительный и настырный псих! Никогда не думал, что умалишенные могут быть такими въедливыми. Чем больше ты ему поддакиваешь, тем больше он вдохновляется и только запутывает нить. Но, с другой стороны, отказаться поддерживать разговор было бы еще более опасно. Не зная хорошенько, что ответить, я промямлил:

— Ну... это, видите ли, вопрос очень деликатный, сложный... Что представляет собой ваш образ? Понимаете, человеческий глаз — это не фотоаппарат, тут непременно примешивается элемент субъективности. Не даром же говорят, что сто голов — сто умов, не так ли? В конечном счете, если исходить из метода концепционных нормативов, сказать можно все, что угодно...

— Вот умора... — Он согнул туловище и захохотал, нарочито, с вызовом, раскачиваясь взад и вперед. — Значит, если вы не будете так на меня таращиться, то с концепционными нормативами ничего не выйдет? Неужели я настолько не похож на человека?

— Ничего подобного. Скорее, очень похожи. И если уж говорить откровенно...

— Совсем как человек, да?

— Разумеется, совсем.

— Почти неотличим...

— Да, решительно совсем как человек.

Он внезапно откинулся на спинку стула и, хлопнув в ладоши, разинул пасть так, что стали видны слюнные железы. Я уже обрадовался было, что у него начался приступ эпилепсии, но, к сожалению, это оказалось просто приступом веселья. Он весь изгибался, взлаивал, как простудившаяся собака, вытирал слезы рукавом своей фланелевой куртки и говорил прерывающимся голосом:

— Ох, сэнсэй, умру... «Совсем как», говорите... Ей-ей, умру!.. Да ведь я же самый настоящий человек, сэнсэй! «Совсем как», говорите... Ну, вы меня совершенно убили!..

— Это что же, вы меня разыгрывали?

— А вы еще сомневаетесь?

— Ну, знаете ли, вы и фрукт, доложу я вам...

Он захохотал еще громче. Нечего сказать, лихо он со мной обошелся. Я ощутил жгучую горечь, словно мое сердце погрузили в крепкий рассол, но внезапно напряжение спало и все мне стало безразлично, и тут хохот моего гостя мало-помалу заразил меня. Мы хохотали дуэтом более трех минут. Он — пружинисто, как натянутая резина, я — расслабленно.

7

Дверь вдруг без стука отворилась, и в комнату просунулось озабоченное лицо жены.

— Какого вы чаю желаете? — осведомилась она.

Она силилась говорить небрежным тоном, но по всему было видно, что она подслушивала за дверью и исполнилась беспокойства. Когда мы принялись хохотать, она не выдержала и, воспользовавшись первым подходящим предлогом, вышла на разведку. Она открыла дверь в разгар идиотского ржания, и это вызвало у меня чувство

протеста, но в то же время было приятно, что она волнуется за меня, я понял, что обрел союзника на поле боя, и стал усиленно ей подмигивать, стараясь дать понять, что оснований для беспокойства нет, но она не понимала, и озабоченность все сильнее разливалась по ее лицу. Должно быть, нервная система гостя уловила мои сигналы. Его взгляд, как у теннисного судьи, несколько раз метнулся от меня к жене и обратно, а затем, словно заметив нарушение правил, он уставился на жену и сказал:

— Чай — это превосходно... Ловлю вас на слове, мне бы чаю по-европейски... Этот европейский чай — самый обманчивый и безвредный из напитков. В отличие от зеленого чая или, скажем, от кофе решительно невозможно определить, дорогого он сорта или дешевого, если положить побольше лимона и сахара...

Только теперь я начал овладевать секретом обращения с этим человеком. Впутав сюда жену, я потеряю не только проценты, но и капитал. Мое подмигивание не достигало цели, и я стал показывать, будто отталкиваю ее ладонями, принялся раскачиваться и отчаянно мотать головой из стороны в сторону.

Жена, испугавшись, исчезла так же внезапно, как появилась. Тогда гость снова устремил взгляд на меня, яростно потер руки, словно разминая глину, и разразился вибрирующим смехом. Не знаю, смеялся ли он надо мною или смеялся над женой, приглашая меня присоединиться, во всяком случае, ничего приятного в его смехе не было. Голова у меня и без того была полна собственными заботами, и я не мог себе позволить заниматься чужими делами.

Однако до прихода женщины, звонившей по телефону, я должен был держать в узде свое внутреннее «я», готовое взорваться. Между тем яд, который оно выделяло, растекаясь по телу, сжигал меня. От нестерпимого зуда

я произвольно прищелкнул языком и, чтобы замаскировать этот звук, опять натянуто хихикнул.

— Да, я—человек,—провозгласил мой гость, слегка наклоняя голову и демонстрируя деланную застенчивость.—В самом деле, сколько я ни хожу по улицам, ни разу меня не приняли за кого-нибудь еще...

— Никто и не сомневается. Глупости все это!

У него мгновенно опустились углы губ, и он зашипел торжествующим тоном:

— Ага, вот вы и признались. Значит, вы с самого начала были уверены, что я человек? А раз вы считали это ерундой, значит, вы с самого начала болтали мне что попало. Почему вы сразу не сказали мне напрямик, что марсианин не может быть совсем как человек?

Не зная, как поступить, я растерянно пробормотал что-то, а он с угрозой в голосе продолжал:

— Объясняйте, не скрывайте! Это же очень интересно. Или вы все-таки считаете, что марсианин может быть совсем как человек? Не верю. Это решительно невозможно, чтобы вы так считали. Сколько ни лгите, я все равно сорву с вас маску. Лучше уж сразу договоримся: вы мне не верите. Так?

— Видите ли....

— Чего там—видите ли... Бросьте разыгрывать невинность. Такая отъявленная ложь есть не что иное, как грубость. Превосходно, я решил вам ответить на эту грубость. Мой ответ прост и ясен, как дважды два. Коротко говоря, сэнсэй, вы посчитали меня за сумасшедшего. Назвать меня сумасшедшим прямо в глаза вы не желали. Вы сделали вид, будто все в порядке, и стали ждать, пока я зазеваюсь, чтобы треснуть меня сзади по голове вот этим цветочным горшком и...

— Да нет, что вы...

— Вы опять лжете! Впрочем логически рассуждая,

принять меня за сумасшедшего было для вас вполне естественно, не так ли? А что это у вас такой вид?.. А-а, вот оно что... Теперь до меня дошло... Вы меня боитесь. Вы охвачены тревогой — еще бы, ведь вы разговариваете с сумасшедшим... И притом, кажется, с буйным, а? Несомненно, какой-то благодетель вас предупредил. А кстати, мне кажется, что кто-то вам недавно звонил по телефону... Уж не моя ли это была жена?.. Ну-ну, не надо, что это вы так растерялись? Теперь уже лгать поздно. Так что она там насплетничала вам, моя супруга?

— Ничего она не насплетничала. Это был простой короткий разговор... Хотела удостовериться, пришли вы уже или нет...

— Скверно, скверно... Вы знаете, сэнсэй, как это ни странно, вы удивительно искренний человек. У вас на физиономии явственно проступает нечто прямо противоположное тому, что вы сейчас говорили. Ведь она вам сказала, будто я — буйный, всего три дня из больницы, не так ли? Ну вот, теперь все понятно. Ей же ничего не стоит наплести всякой ерунды. И вы, сэнсэй... — тут он внезапно наклонился вперед, — вы ей не верьте. Не хотелось бы мне рассказывать о нашем семейном позоре, но... Дело в том, что в действительности-то сошла с ума она, моя супруга. На вид она совсем обыкновенная женщина, и я бы не сказал, что она причиняет мне много хлопот, но что-то у нее там с наследственностью... Вы не обратили внимание, когда разговаривали с нею? У нее голос несколько необычный...

— Гм... пожалуй. Какой-то этакий... пронзительный...

В ту же секунду он пристукнул по краю стола сложенными пальцами.

— Опять вы лжете! Прошу вас, сэнсэй, постарайтесь впредь не раздражать меня. А то у меня возникает такое чувство, будто под моей кроватью устроили себе гнездо

полосатые москиты. Вы, разумеется, верите не мне, а моей супруге, и это вполне естественно, не так ли? Раз уж я, подозреваемый, утверждаю это, значит, так оно и есть, и нечего вам здесь путать. И прошу вас, давайте теперь говорить серьезно.

— Ну что ж, давайте серьезно.

— Итак, во-первых...— Он поднял руку и загнул один палец.— Вы поверили моей супруге и считаете меня душевнобольным, вышедшим из больницы. Так?

— Пожалуй, что и так...

— Далее, второй вопрос.— Он загнул второй палец.— Если я тем не менее вопреки этой клевете продолжаю утверждать, что я — марсианин... Нет, никаких «если»... Я действительно утверждаю это со всей решимостью! Пусть меня считают сумасшедшим, я от правды не отрекусь! Факты — упрямая вещь, не так ли? То, что я — марсианин, как и то, что я не сумасшедший, это незыблемые факты. А вот вы, сэнсэй, не желаете этого признавать. Вы не постеснялись во всеуслышание объявить, что больше доверяете моей предательнице-жене, которая изводит мужа подозрениями и распускает бесстыжие сплетни о нем при посторонних людях. Нет, я не хочу сказать, что подозреваю вас и мою жену в преступной связи, мне вообще чужды безнравственные фантазии ревности... Но все же как-то странно... Чем больше я думаю об этом, тем меньше понимаю... Вы впервые в жизни слышите по телефону голос женщины, которую вы никогда и в глаза не видели, и этот голос значит для вас больше, нежели слова человека, сидящего с вами лицом к лицу...

Пальцы его поднятой руки сжались так, что побелели костяшки, горячий пот, должно быть, закипел в этом кулаке. Огонь с нарастающей скоростью подбирался к динамиту по бикфордову шнуру, и я, конечно, в панике бросился спасаться от брызгающих искр.

— Погодите, но ведь в жизни бывают факты более поразительные, чем в романах, — заговорил я. — В реальном мире есть масса поистине потрясающих вещей. Например, эти самые летающие блюда...

— Летающие блюда?

— Да, о них, вероятно, сообщат в конце будущей недели, так что вы услышите... Или вот пример совсем из другой области: гималайский снежный человек...

— Что вы хотите этим сказать?

— А собственно, вот что... Хочу спросить: существовала ли Америка до того, как ее открыли?.. Как вы полагаете?.. По общепринятым представлениям Колумб смог открыть Америку именно потому, что был убежден в ее существовании еще до своего открытия... Нет, это пожалуй, слишком упрощенно... Я ведь что утверждаю? Что философия или там методика, объясняющая взаимозависимость между открытием и существованием... Мне кажется, это крайне сложный, запутанный вопрос...

— Сэнсэй, мы же условились говорить серьезно.

— Конечно, серьезно! Скажем, вы не можете со всей ответственностью утверждать, что снежный человек существует, не так ли? Разумеется, вероятность этого достаточно велика, она больше, например, вероятности того, что вас или, скажем, меня выберут на будущий год Мисс Вселенной... Только вот допустимо ли так просто признавать его существование еще до того, как его открыли?..

— Да что я вам, снежный человек, что ли? — простонал мой гость. Он захлопал по карманам, словно отыскивая что-то, и продолжал: — Хватит надо мной издеваться. У меня терпенье лопается, когда на меня смотрят, как на вздорного болтуна... Да где же он, неужто я его позабыл? Дерьмо собачье, голова кружится, сейчас кровь носом пойдет...

Что он ищет? Платок, чтобы вытереть кровь из носа?.. Это бы еще ничего, но только ищет он предмет более определенной формы, если судить по движениям его рук. Странно, необычно... Я горячо сказал:

— Ну причем здесь вздорный болтун? Не торопитесь. По-моему, вы меня не поняли. Вот я — человек занятой, однако же уделяю вам время...

— Потому что боитесь мне противоречить.

— Знаете, все ваши разговоры мотаются, как маятник, вокруг одного и того же...

— Это вы виноваты. Это из-за вас я не могу продвигаться ни на шаг, потому что вы считаете меня сумасшедшим.

— Одну минуту, погодите-ка! Что вы конкретно хотите от меня? Что я должен сделать, чтобы вы были довольны?

— Я вам уже сказал. Я хочу, чтобы вы проявили добавочный интерес к тому факту, что я марсианин... по меньшей мере к этому факту.

— Само собой разумеется. Я, знаете ли, уже почти два года живу бок о бок с марсианами.

— С выдуманными марсианами...

— Разумеется, с выдуманными. Но для меня они не менее реальны, чем внешний мир. И не думайте, что мне неинтересно было услышать от вас, будто вы марсианин. Марсиане для меня являются лучшими товарищами и собеседниками.

— Выходит, вас не интересуют только такие марсиане, которые выглядят, как я. Ведь марсианин, который совсем как человек, не имеет ничего общего с теми марсианами, которых вы так любите, сэнсэй.

— Здесь вы тоже меня не поняли. Как вы знаете, мои марсиане прибывают на Землю в обличье, которое не должно бросаться в глаза. Если разумные существа посеща-

ют иные планеты, то уж до этого они должны додуматься, не правда ли? И с этой точки зрения ваш камуфляж может считаться образцом логического совершенства. Думается, среди изобретенных мною марсиан вы заняли бы главенствующее положение.

— Вы это серьезно?

— Разумеется, серьезно. Ох ты, сигарета погасла, а я и не заметил...

— Я был бы очень рад, если б мог этому поверить...

— Да нет же, у вас это превосходно получилось! Я вот не додумался до того, чтобы изменять своих марсиан до такой степени. Ведь как ни приглядывайся, нипочем не скажешь, что вы — марсианин. Где бы вы ни были, никто не догадается, каково ваше истинное лицо.

— И все же, сэнсэй, я приношу извинения, так как обманул ваши ожидания... Дело в том, что я совершенно не менялся.

— То есть, это ваш настоящий вид?

— Да. Сколь это ни прискорбно, но если меня порезать, у меня пойдет кровь. Красная кровь, совсем как у людей...

— Ну хорошо, хорошо. Не принимайте этого так близко к сердцу. Вот ведь говорят, что путь к необычному лежит через обычное.

— И все же я позволяю себе надеяться...— Он скосил глаза и поджал губы, и вдруг, словно мгновенно сменилась маска, лицо его приняло прежнее, первоначальное выражение благоразумия и респектабельности. Трудно было даже представить себе его облик за мгновение до этого — зловещий, исполненный мрачной жестокости.— Ну вот и прекрасно...— произнес он.— Нет, глаз у меня все-таки верный... Я верил, что уж вы-то, сэнсэй, обязательно меня поймете.

Я облегченно вздохнул. Теперь наши силы были равны.

Сумасшедший, даже если он способен на игру софизмами, все же не более чем сумасшедший. Нет, не такой простоте тягаться со мною, который зубы съел на словесных фокусах... Сбросив с плеч эту тяжкую ношу, я решил немедленно уладить вопрос о содержимом карманов моего беспокойного гостя. Я спросил:

— Послушайте, а что это вы все ищите?

— Да нож. Только я его, кажется, забыл.

— Нож?

— Да. Никогда не расстаюсь с ножом, всегда ношу с собой...

8

Какое-то дурное предчувствие заставило меня бросить взгляд на свой рабочий стол. Это было моей ошибкой.

Из-под кипы черновиков выглядывало холодно блестящее широкое лезвие альпинистского ножа. Нож этот был тяжелый — я употреблял его как пресс, и очень острый, — я пользовался им вместо ножниц. И при случае он мог служить превосходным оружием. Я сразу же отвел от него взгляд, но было уже поздно. Гость оказался невероятно проворен. Едва ли не единым движением он соскользнул со стула, обогнул стол, пересек комнату, и нож очутился в его руках. Уже одно это полностью деморализовало меня.

Впрочем, на физиономии его, когда он повернулся ко мне, не было заметно никаких следов возбуждения. И на том спасибо. Он попробовал лезвие пальцем. При этом он улыбался своей прежней, как бы пристыженной улыбкой. Видимо, дело все же обстояло не так скверно, как я опасался. Ведь есть же дети, которые привыкли обгрызать себе ногти, есть и психи, которые привыкли чистить ногти ножом, чего же тут волноваться?

— Отличный нож,— сказал он. — Настоящий олений рог?

— Настоящий.

— Не могли бы вы одолжить его мне ненадолго?

— Зачем вам?

— Я думаю, сэнсэй, мы с вами прекрасно поладили. Честное слово, не знаю даже, как мне отблагодарить вас... Но вы сами знаете, желания наши безграничны... Если бы вы взяли на себя труд подкрепить свои слова делом, я не имел бы к вам больше никаких претензий... Очень вас прошу, сэнсэй, окажите мне эту любезность, ладно? Подтвердите нашу с вами близость по духу...— С этими словами он взял нож за лезвие и застенчиво протянул мне рукояткой вперед.— Дело очень простое. Всего-навсего ткните для пробы...

— Куда ткнуть?

— В меня, конечно.

— Что за глупая шутка!

— Но я же марсианин.

— Да вы же сами сказали, что если вас порезать, потечет кровь.

— Но не кровь человека, а кровь марсианина.

— Перестаньте фиглярствовать!

— Удивительное дело... В своих сценариях, сэнсэй, вы убиваете марсиан направо и налево. Только на моей памяти было убито не менее двухсот. Я уж не говорю о массовых побоищах...

— Да ведь это только на словах...

— Я думаю, здесь нечто другое. Предрасположение к убийству марсиан заложено у вас в душе, сэнсэй. Именно поэтому ваше воображение создает таких чудовищ, всяких там стоножек, сколопендр, червей с отростками, бородавчатых шаров... живой дым, прыгающих песчинок, жидких существ, которые взбираются на по-

толки... потому что их можно убивать без зазрения совести.

— Неправда! Я вам уже говорил, что стараюсь выбрать такие формы, которые не бросаются в глаза, которые человек не замечает.

— А для чего?

— Я пытаюсь напоить черным кофе тех, кого убавкивает обманчивая повседневность, обманчивый покой.

— Кофе, которое возбуждает воинственность и призывает к убийствам?

— Вам известно, что такое аллегория? Мне уже надоело объяснять. Возьмите на себя труд подумать хорошенько, и вы поймете, что почти все марсиане, на которых я нападаю, есть в конечном счете как бы символы человеческого зла внутри нас. Ведь враг — это не только и не обязательно агрессор извне...

— Звучит вполне благопристойно. А на деле? Если бы я не был совсем как человек, а что-то вроде огромного слизняка, покрытого бородавками, вы бы, сэнсэй, безо всяких моих просьб бросились бы на меня с ножом, не правда ли?

— Так или иначе, но я вас очень прошу... положите, пожалуйста, нож на место...

— Ишь, какой хитрый, сэнсэй! Вы лучше вспомните, что ведь я сам обратился к вам с маленькой просьбой. Законов, запрещающих убивать марсиан, у вас здесь нигде нет... наружность моя пусть вас не смущает, ничего вам за это не будет, так что действуйте с легким сердцем... — С этими словами он небрежно приставил острие ножа к своему боку и приглашающе похлопал другой рукой по головке рукояти. — Стукните как следует по этому вот месту, вот и все дело.

— Оставьте меня в покое!

— Не понимаю... Выходит, вы меня обвели вокруг пальца, и я радовался преждевременно.

— Погодите, — сказал я, бессознательно отодвигаясь от него на противоположную сторону стола. — Как к марсианину я действительно испытываю к вам вполне естественный интерес. Однако интерес — это одно, а доверие к вам — это уже совсем другое. Возможность перерастания интереса в доверие способна возникнуть лишь в ходе достаточно длительных собеседований. Поспешность может только повредить нам. Вот так. Поставьте себя на мое место...

— На вашем месте я бы сразу ударил! — Зловеще-привычным движением руки он перевернул нож и стиснул рукоятку. — Уж у меня-то, сэнсэй, нет ни капли сомнения в том, что вы — землянин. И я твердо знаю, что марсианские законы не будут нарушены, если я убью землянина.

— Это совершенно другое дело. При перестановке слагаемых сумма не всегда остается неизменной. Вы все время шарахаетесь от одной крайности к другой. Нельзя же так. В мире существует не только белое и черное, есть еще какая-то середина. И всякое соглашение начинается именно с этой середины. Насколько я понимаю, вы стремитесь к соглашению... Послушайте, я вас прошу, пожалуйста, не держите так этот нож! Видите, я уже взмок от пота. И весь побелел, наверное. У меня идиосинкразия к режущим предметам...

— Да, действительно... кажется, я напугал вас... — Он медленно опустил нож. — Значит, сэнсэй, вопреки моим ожиданиям вы — гуманист? И с моей стороны было глупо воображать, будто вам нравится убивать марсиан...

— Ну разумеется! Странно даже, что мой почитатель мог так ошибиться во мне... Сказать, что я мухи не тро-

ну, было бы, пожалуй, преувеличением, но я совершенно уверен, что по своему духу уважения к жизни не уступаю никому.

— Но ведь букашек-то вы убиваете?

— Только вредных.

— Наговорили вы здесь всякого, а все-таки убить меня вам мешает только мой внешний облик. Если бы я был — ну пусть не букашкой и не слизняком, а если бы у меня была, например, кожа зеленого или фиолетового цвета или если бы уши у меня были вершка на три длиннее, вы бы тут же раздавили меня, как букашку, не правда ли?

— Послушайте, вы меня оскорбляете. Вам что, больше сказать нечего? Я всегда был принципиальным противником насилия; если не верите, можете спросить у моей жены. За четырнадцать лет совместной жизни я побил ее всего три раза, что составляет лишь один раз в четыре и семь десятых года. Заметьте, что по Японии в целом этот индекс равен одному и четырем десятым раза в два года. Я поистине образцовый человек в этом отношении. Далее, если вы хотите знать относительно насекомых, то я убиваю исключительно mosquitos и мух, а уничтожение муравьев, мокриц и тараканов полностью предоставляю своей жене...

Тут он закатил глаза и залился жутким сдавленным смехом. Если бы он был нормальным человеком, я бы решил, что он сошел с ума. Но он и без того был сумасшедшим, и я не знал, что подумать.

— Вот так штука! — просипел он сквозь смех. — Значит, чтобы зарезать меня, можно было бы отрядить вашу супругу?

— Не говорите глупостей! Впрочем, должен признаться, что мой пример с насекомыми был, действительно, не совсем удачен. Вы все время бросаетесь в крайно-

сти, вот и у меня с языка сорвалось. Вопрос ведь чрезвычайный сложный. Но только определив, что же такое человек, мы сможем приняться за дело...

— Не надо, не беспокойтесь. Я пошутил. Ну зачем вы так? — Он оборвал смех и перевел дыхание. — Честное слово, вы позволили мне так надолго оторвать вас от ваших занятий... Поистине, я получил огромное удовольствие... Серьезная беседа является превосходным упражнением для духа... Впрочем, было бы непростительно свести этот драгоценный для меня житейский опыт к простому упражнению. Чтобы еще более обогатить его, необходимо соответствующее заключение.

Он явно собирался откланиваться, и мне показалось, будто сам воздух в комнате внезапно стал светлее, я почувствовал несказанное облегчение, мне захотелось без умолку болтать всякую чепуху, но я строго одернул себя и с нарочито утомленным видом осведомился:

— Какое еще заключение?

— Вы ясно и недвусмысленно подтверждаете, что я являюсь марсианином.

— Что такое, опять все сначала?

— Вовсе нет. Как только вы это признаете, мы закончим.

— Сколько можно повторять, чтобы вы поняли, наконец? Признание без доказательств равносильно догме. Пусть вы марсианин, но вы же не бог, какой вам смысл навязывать мне веру в вас? Если вы действительно марсианин, то должны, по-видимому, располагать какими-то доказательствами, подтверждающими это. Тогда, прежде чем всячески порицать меня, вы, может быть, предъявите мне свои доказательства?

— Но ведь это невозможно. Аксиомы не требуют доказательств, об этом говорится даже в учебнике по элементарной геометрии. Доказывать можно лишь отноше-

ния между фактами, а доказательство самих фактов сводится к утверждению, что собака есть собака. И не говорите мне, пожалуйста, «сколько можно повторять». Называете себя гуманистом, а сами так обращаетесь со слабым человеком.

— Ну, хорошо, что же я должен сделать?..

— Я бы хотел, чтобы вы поверили. Поверили по-настоящему. Сказать просто «верю» может всякий. Это пустая отговорка, и со мной это не пройдет. Кто здесь говорил, что Колумб не смог бы открыть Америку, если бы не верил в ее существование? Вы, сэнсэй!

— Я вовсе не это говорил. Здесь совершенно иной нюанс... Впрочем, ладно... Понятно. Я теперь решил, что верю. — Если не поверить, этот обмен словесами будет продолжаться до бесконечности, словно качание маятника. — Да, я поверил. Вы — марсианин.

— Благодарю вас, — произнес он с напыщенным достоинством, как актер в дешевой мелодраме. — Длительные усилия принесли свои плоды. Мне наконец удалось добиться успеха в равноправных переговорах с жителями Земли. От имени всех марсиан выражаю вам глубочайшую признательность.

— Всех марсиан? Есть еще и другие?

— А вы как думали? Какая же раса может существовать, если она состоит только из одного индивидуума? Однако, простите... Да, коль скоро вы поверили, я вправе, естественно, рассчитывать на ваше сотрудничество... Будьте добры, не откажитесь напоследок подвергнуться маленькому тесту.

— Тесту?

— Видите ли, мне бы хотелось получить от вас доказательство, что вы действительно поверили. Конкретное доказательство тому, что это не просто отговорка, как раньше, чтобы отвязаться от свихнувшегося собеседника.

Не беспокойтесь, это не будет зловещее предложение ткнуть меня ножом. Можно начинать?.. Нет-нет, сэнсэй, оставайтесь там, где стоите...

Произнеся эти слова, он занял место между окном и дверью по другую сторону стола, выпрямился, медленно выставил вперед левую ногу, энергично отвел назад правое плечо, а затем подбросил в воздух и ловко поймал за лезвие нож. Держа нож над плечом, он принял классическую стойку метателя.

— Это что же? — изумился я. — Опять нож?

— Да, с ножом мне привычнее всего... Объясняю правила. Я считаю вслух до десяти и при слове «десять» бросаю нож. Куда я его брошу, сказать не могу. Может быть, в вас, сэнсэй, может быть, куда-нибудь еще. Об этом вам предоставляется судить самому. Далее, пока я считаю, я не бросаю ножа, а вы, сэнсэй, вольны предпринять все, что вам угодно. Что бы вы ни сделали, ни возражать, ни противиться я не буду. Вам все понятно? По-моему, правила очень ясные и простые.

— Не понимаю. Зачем все это нужно?

— Вам предоставляется решать, сэнсэй. Кто я такой? Марсианин или помешанный, вообразивший себя марсианином? От этого зависит, куда я брошу нож... Если я — марсианин, то внешнее сходство с человеком не обязательно предполагает сходство духовное... Тогда не исключено, что такие понятия, как гуманизм, для меня чужды и что я носитель совершенно иной идеологии... Впрочем, пятьдесят шансов из ста за то, что идеология у меня более гуманная, нежели у землян... Если же я сумасшедший, то опять-таки могу быть либо сторонником, либо противником насилия, смотря по тому, как я представляю себе идеологию марсиан...

— Но это означает, что я решительно не могу судить об этом.

— Да, если ставить вопрос так просто, то ни к какому выводу, пожалуй, не придешь.

— Разрешите маленькую справочку. Сами-то вы что думаете о марсианах?

— А ничего не думаю, ведь я же марсианин.

— Но это абсурд!— Я больше не пытался скрыть волнение, мне все стало безразлично.— Страшно сложный вопрос, дайте мне на размышление хотя бы дня три...

— Если вы не уверены в себе, то можете, пока я считаю, выбежать вон, наброситься на меня, принять меры к самообороне.

— И что тогда? Вы вот сказали, что противиться не будете, но как я могу быть в этом уверен?.. Дайте мне еще хоть какой-нибудь намек!

— Вы должны продемонстрировать силу своего суждения, сэнсэй. Если вы были по отношению ко мне вполне добросовестны, бояться вам нечего. Итак, я начинаю. Приготовились... Раз... Два... Три...

Где же эта женщина, которая должна прийти за ним? Тридцать минут прошло наверняка. Это была моя последняя надежда, и я бросил взгляд на часы. Часы показывали, что прошло всего двадцать пять минут. Только секундная стрелка мчалась, как бешеная, и путала мои мысли.

— Три... Четыре... Пять...

Пальцы гостя все крепче сжимают холодное лезвие. Я ощущал их, как свои собственные пальцы. Думать было некогда, оставалось положиться на внутренний импульс.

— Пять... Шесть... Семь...

9

Импульс... Это не мысль, это мистификация, в ней нет ничего серьезного. Судороги раздавленного паука тоже вызываются каким-то импульсом. И существует, несом-

ненно, импульс, подсказывающий — ничего не предпринимать. Словно замороженный, пригвожденный к своему месту, неподвижный, как мерзлая рыба, я глядел на пальцы, сжимающие нож, в ожидании следующего движения.

— Семь... Восемь... Девять...

Считал он довольно медленно, с интервалами в две с половиной или три секунды. И расстояние между нами было невелико, от силы три метра. И еще было условлено, что он не бросит ножа, пока не досчитает. И таким образом у меня оставался шанс контратаковать, если бы я решился.

Но если разобраться, это условие, что он не бросит ножа, вовсе не предполагает, что он не окажет сопротивления. Более того, метать нож — вовсе не единственный способ пользоваться ножом. Может быть, он на это и намекал как-нибудь обиняками, чтобы сдержать меня.

...Нет, все эти логические рассуждения ни к чему не ведут... Признавая за шизофреником способность связно мыслить, я лишь признаю свое поражение... Мне оставалось только собрать все силы и пассивно отдаться на волю случая.

А затем....

— Десять!

Я мгновенно нырнул под стол. И еще успел заметить краем глаза, как при слове «десять» рука моего гостя рванулась вниз и белое лезвие ножа прорезало воздух... Затем раздался звук удара — острие вонзилось во что-то упругое.

Попал, мелькнуло у меня в голове, и я весь сжался, ожидая приступа острой боли. Но что это?.. Болел лоб, которым я при падении стукнулся о пол, болели колени... Больше не болело нигде, и, скажем прямо, я вовсе не чувствовал себя мертвым...

Так и есть. Должно быть, он целил все-таки не в меня. Вот он вызывающе хохочет. Совершенно неуместный смех. Я боязливо поднял лицо и прямо перед собой, между ножками стола, увидел стул. Тот самый, возле двери. В спинке стула торчал нож, вонзившийся по самую рукоятку.

Чувствуя себя неловко, я поднялся и сделал вид, будто счищаю пыль с колен. Я даже немного гордился тем, что нашел в себе силы не завопить во все горло... (Теперь уже поздно испытывать сожаление, что тогда я не сделал этого. На что мне чувство собственного достоинства, репутация? Говорится: воеет, как трусливая собака. Но ведь именно благодаря трусости собака часто ограждает себя от нападения. Если вы когда-нибудь попадете в подобную ситуацию, не давайте себя увлечь самолюбием, не повторяйте моих глупостей. Именно трусость является, вероятно, высшим талантом, высшей добродетелью в наш вероломный век...)

Мой гость с явным торжеством переводил взгляд с меня на нож в спинке стула и обратно. Затем, выпятив губу и скосив глаза, он произнес:

— У вас очень быстрая реакция. Я был просто поражен.

— Еще бы,— сказал я, все еще с трудом ворочая одеревеневшим языком.— Ну, так что же получилось? Прошел я тест или не прошел?

— А, плюньте вы на него. Такие тесты смысла в общем-то не имеют.

— Не имеют смысла?

— Конечно. Ведь это был тест для определения того, что с самого начала не имело смысла. Естественно, тесты на то, что не имеет смысла, совершенно бессмысленны.

— Да что же это «то»?

— Ах, сэнсэй, вы поистине отличный человек...

— Эй, вы... если вы учинили все это безобразие просто шутки ради...

— Не стесняйтесь, пожалуйста... я вас слушаю...

— Нет уж, сначала я хочу вас послушать!

— Ну, хорошо. Только для верности я хотел бы еще раз спросить вас, сэнсэй: вы искренне верите тому, что я — марсианин?

— Вы мне надоели. Разве не поэтому я согласился подвергнуть себя вашему тесту? А вы теперь вот объявляете, что он не имеет смысла... Должен же быть предел безответственности, в конце концов!

— Мне очень жаль, что вы приняли это так всерьез... — Он втянул голову в плечи. — Вы только не сердитесь на меня, сэнсэй. Я ведь без всякого злого умысла. Просто спектакль получился слишком уж эффектный...

— Спектакль?

— Понимаете, распродажа в наши дни — дело очень нелегкое. Рекламные передачи по радио и телевидению помогают мало. Что ж, цель, как говорится, оправдывает средства. Как произвести на клиента впечатление? Хорошее впечатление, плохое впечатление — все равно, лишь бы достаточно сильное. Хотя я не предполагал, что лекарство так подействует. Видимо, немного переборщил... Но вы, сэнсэй, знайте одно. Я все время был уверен, что не причиню вам ни малейшего вреда...

Он подошел к стулу, выдернул нож и осторожно положил на край стола. Затем двумя пальцами достал из внутреннего кармана визитную карточку и протянул мне.

— Разрешите наконец представиться. Честь имею... Я взглянул. На карточке было написано:

АССОЦИАЦИЯ «МАРС»
ОТДЕЛ СОДЕЙСТВИЯ РАСПРОДАЖЕ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
ТАНАКА ИТИРО

Левый нижний угол, где обычно указывается адрес, был аккуратно срезан чем-то острым.

10

— Так вы что же, просто торговый агент?

— Совершенно верно, — ответил он, вытирая платочком потный нос и доброжелательно улыбаясь. — Отдел занимается главным образом пропагандой, но при благоприятных обстоятельствах он осуществляет и торговые сделки.

— Нет, это переходит все границы! — Я ощутил вдруг, как мускулы моего тела наливаются яростью. Хотел заорать, но не было голоса. Яд распространялся слишком быстро, и мое горло, как и мое сознание, сжали спазмы. — Я не знаю, что там распродает эта ваша ассоциация, но подобные вещи совершенно недопустимы! Это же мошенничество! Преступление против личности! Немедленно убирайтесь вон! Я занят! Всему есть границы!

— Умоляю вас, сэнсэй, — просительно проговорил он. — Если вы будете так волноваться, я от вас заражусь. У меня очень горячая натура, я вам уже говорил...

— Хватит молоть вздор! Это больше не пройдет! То он, видите ли, марсианин, то буйнопомешанный... Имейте в виду, я вовсе не такой слабовольный, как вы думаете!

— Это недоразумение, сэнсэй... прискорбное недоразумение... Я же признал, что зашел слишком далеко... Однако не все, что я вам здесь говорил, является ложью.

— Ну еще бы, марсианин по имени Танака Итиро — это же не зубоскальство, это вполне серьезно! Если вы не соврали, что вы — марсианин, значит, врет ваша визитная карточка. Неужто вы сами не видите, как непристойно выглядят все ваши попытки оправдаться?

— И все же я не лгу. Действительно, если судить по

имени, то я — самый обычный землянин. Но в то же время я все-таки и марсианин. Все дело в том, что я — будущий марсианин, ассоциация «Марс» официально зарегистрировала меня как будущего жителя Марса. Вы ведь не видите ничего странного в том, что белые, переселившиеся некогда в Америку, называются сейчас американцами. И я думаю, что в марсианине по имени Танака Итиро тоже нет ничего одиозного...

— Вы подлец!

— Прошу вас, сэнсэй... Я ведь вас предупреждал...

Он произнес эти слова до жути мрачным голосом, уставившись мне в лицо, втянув голову в плечи и закусив губу, словно преодолевая боль. Кончики его пальцев легли на рукоять ножа, затем медленно заскользили вправо и влево по краю стола. Даже если это был его излюбленный трюк... но плечи, как бы поднявшиеся оттого, что остановилось дыхание... побелевшие, без кровинки, губы... Было нечто угрожающее в этом изменении облика, и я опять заколебался.

Идиотская кульминация — метание ножа — и сразу после нее пошлейшая карточка торгового агента... Положительно, этот внезапный поворот ослепил меня. Не надо забывать, что остается еще телефонное предупреждение от его жены. И даже если выдумку с марсианином считать просто хитроумным ходом, то где доказательства, что сама эта выдумка не является плодом настоящего безумия? Нет, осторожность — прежде всего, и я снова втянулся в свой панцирь.

— Пожалуй, — проговорил я, — если судить с этой точки зрения, то вы, действительно, угощали меня не только ложью. Раз производится регистрация жителей Марса, марсианином может сделаться любой, и тогда все получается вполне логично.

В ту же секунду лицо его прояснилось, как будто про-

терли запотевшее стекло, и он, воодушевившись, заговорил легко и быстро:

— Я ужасно рад, что вы все поняли... Честное слово, у меня в мыслях не было только лгать... Нечестность решительно недопустима, хотя в интересах дела иногда приходится допускать некоторые преувеличения... Мне хотелось как раз подчеркнуть это различие.

От такой наглости я вновь разозлился.

— Между прочим, — сказал я, — зачем это в вашей карточке отрезан адрес?

— А, это?.. Это так, ничего особенного... Просто мне не хотелось, чтобы вы зря тревожились во время нашей беседы...

— Тревожиться? О чем?

— Не беспокойтесь, потом узнаете.

Опять мистификации. Но пытаться протестовать — значит только играть ему на руку. Когда с ним обращаешься по-человечески, он так и норовит вцепиться тебе в рыло. Это все равно что драться с обезьянами на дереве — никаких шансов на победу. Самым благоразумным будет немедленно отступить и оставить поле боя противнику. Как бы отдыхая, я откинулся на спинку кресла, закурил новую сигарету и сделал попытку вывести собеседника из лабиринта.

— Хорошо, пусть будет так. Кстати, вы ведь, кажется, принесли мне какую-то интересную новость. Помнится, вы поначалу говорили о чем-то в этом роде... или это тоже было некоторым преувеличением?

— Ну зачем вы так, сэнсэй! Я ведь все-таки ваш горячий почитатель. Разве я бы осмелился заявиться к вам с пустыми руками?

— И что же это за новость? — осведомился я, пуская к потолку колечки дыма. — Что вы производите распродажу земельных участков на Марсе?

— Да, производим. И если вы желаете, мы с радостью... Однако причина моего визита никак не связана с этими торговыми операциями. Я пришел, чтобы от чистого сердца оказать вам одну услугу.

— Это очень приятно... И было бы совсем неплохо, если бы вы перестали меня изводить и вынули бы наконец ваш пакет с подарком.

— Странно... Я, кажется, сразу вынул его... Я и есть подарок, понимаете? Я сам!

— Вы?!

— Ах, я вас не устраиваю?.. Ну, разумеется, ведь я такой негодяй... Ничего дельного, конечно, ждать от меня не стоит...

Разочарование, отразившееся на его лице, было так неподдельно, что я сказал:

— Что вы, что вы! Я этого не говорил. Вы, например, производите очень сильное впечатление. Я бы охотно написал в ассоциацию самый благоприятный отзыв о вас.

Но он, сохраняя на лице скорбное выражение, помотал головой и сказал:

— Вам, сэнсэй, все еще непонятно... Не понимаете вы, какое значение имеет для вас мой визит... Нет, не понимаете. Я мечу бисер перед свиньями. Но я-то отлично знаю вам цену, сэнсэй. И только тот, кто знает вам цену, способен понять, что означаю для вас я, сэнсэй. Поймите, я — ваш беззаветный почитатель. Да что там, я больше чем просто почитатель. Вот, взгляните, у меня приемник с часовым механизмом...— Он извлек из своего портфеля и показал мне портативный радиоприемник.— Этот приемник включается точно в ту минуту, когда начинается передача вашей программы. Еду ли я в электричке или иду пешком, я никогда не пропускаю вашей передачи. Вы меня многому научили. Вы были для моей служебной деятельности могучим источником вдохновения... И вдруг

я забеспокоился. Видимо, мое горячее к вам отношение сделало меня особенно восприимчивым. Я обнаружил, что содержание ваших передач медленно и неуклонно меняется в определенном направлении. И оно, сэнсэй, отдает неприятным душком... Чутье у меня верное... В последних передачах это особенно резало слух... Положение ваше становится опасным... Если не принять мер, то нынешняя марсианская ракета может весьма круто повернуть вашу судьбу. Вам это не кажется, сэнсэй? Или я преувеличиваю?

Я был потрясен. Я считал, что передо мной сумасшедший, и вдруг он запускает пальцы в мои отверстые раны. Отрицать я не посмел.

— Гм... да... Все это потому, что в студии у нас сидят одни только нищие духом.

— Правильно!— Он поежился и издал горловой смех.— Интуиция меня не подвела.... я пришел вовремя... Так вот, сэнсэй, пусть ваша сегодняшняя передача будет последней. Довольно. Меня прямо злость разбирает, как подумаю, что вы с вашим талантом вынуждены подлаживаться к этим невеждам в студии. Это оскорбление таланта. Доведись мне попасть в такие условия, я бы немедленно и без сожалений ушел с работы.

Я подивился про себя, какой он изрядный психолог, но настроение мое испортилось еще больше.

— Это и есть та услуга, которую вы хотели мне оказать?— спросил я.

— Не относитесь к этому так просто.

— Да я вообще никак не отношусь. Только уйти со студии — это тоже не так просто, как вы воображаете.

— Вы так считаете, сэнсэй, потому что недостаточно знаете самого себя. Просто! Очень даже просто! Например... Ну, возьмем, например, то, что вам ближе всего. Хотите стать романистом? По-моему, это бы вам очень по-

дошло, сэнсэй. И придинок таких, как на радио, почти совсем не будет. А?

— Вы порете чушь...— Я невольно рассмеялся. — В жизни никогда я романов не писал.

— Именно поэтому,— торжествующе объявил он, — я к вам и пришел. Вот он я, взгляните! Уж теперь-то вы узнаете мне цену...

— Да, разумеется, я же говорю, что вы яркая индивидуальность...

— Бросьте вы эти абстракции, сэнсэй. Образ, необходимый для вашего романа... Глядите, как все отлично складывается... Прототип для вашего первого романа, марсианин как квинтэссенция образа, сюжета, темы, идеи, находится здесь, перед вами. Не нужно никаких усложнений, берите меня в качестве героя, напишите о том, что случилось сегодня у нас с вами, и все будет в порядке. Должен выйти превосходный остроумный роман в современном духе. Конец, как полагается, будет иметь едкий саркастический привкус...

— Вы так любезны, что мне, право, неловко. Однако мало написать роман, его надо еще и продать. А мне почему-то кажется, что оптовых покупателей найти будет трудновато.

— Об этом не беспокойтесь. Планета Марс — это, конечно, пока фантастика, но вот ассоциация «Марс» — это уже совершенно реально. Деловой дух пронизывает ее до мозга костей. Вообще говоря...— Он снова полез в портфель и на этот раз извлек пачку бумаги. Осторожно держа ее обеими руками, как нечто драгоценное, он продолжал:— Простите, что получается несколько неожиданно, но я никак не мог решиться начать... поскольку наши мнения до сих пор совпадали, надеюсь, что все обойдется благополучно... Сэнсэй, вот это — рукопись вашего романа. Если точно записывать весь ход опыта, совершенно не-

важно, кто записывает. Вдобавок наша сегодняшняя беседа и содержание рукописи почти дословно совпадают. В конце концов, сэнсэй, вы все-таки типичны для своей эпохи. И если бы даже вы сами это написали, разница получилась бы очень незначительная. Короче говоря, вы можете со спокойной совестью считать это собственным творением. Ну как? Мне, знаете, очень лестно называть себя величайшим из ваших почитателей.

— Но ведь если не найдется покупатель, все ваши хорошие намерения улетучатся как мыльный пузырь.

— Думаете, я такой простофиля? Вопрос о вашем покупателе улажен. Это журнал «S.-F. m». Редактор уже читал и выразил восхищение. Он объявил, что иного от вас и не ждал, что вы и на радио проделали уникальную работу. Благодаря этому рукопись оценили по две с половиной тысячи иен за страницу, то есть вам заплатят, как платят ведущим писателям. Всего здесь девяносто три страницы, так что общая сумма составляет... э-э...двести тридцать тысяч плюс две с половиной... Неплохо, а? Если в месяц продавать по три-четыре таких штучки, то уйти с работы стоит... Да, вот еще что. Название. Пусть роман называется «Совсем как человек». Хорошо, не правда ли?

Это было неожиданное нападение. Великолепное неожиданное нападение. Конечно, я верил еще только наполовину, но и этого было достаточно, чтобы взволновать меня. Но я не сразу бросился на эту приманку. Как бы не зная, на что решиться, я проговорил:

— Ну, первый роман — это само собой. А потом? Было бы прекрасно, если бы нашлись покупатели и на следующие...

— Положитесь во всем на нас. У ассоциации «Марс» чрезвычайно широкие связи. Думаю, что ваши ожидания не будут обмануты. Никто у нас не питает никаких наме-

рений доставить вам повод для неприятных переживаний. Но если вы так тревожитесь, сэнсэй, тогда ладно, давайте возложим на вас маленькую обязанность... поставим условием, что вы будете оказывать нам некоторые услуги, например, время от времени упоминать в своих произведениях ассоциацию «Марс», вставлять ее адрес... Как вы полагаете? Вам будет спокойнее, а мы сможем провести это по смете расходов на рекламу и пропаганду ассоциации. Тогда у нас будут не отношения должника с кредитором, а вполне современный договор, и говорить здесь больше не о чем, не так ли?

— Говорить просто совершенно не о чем, настолько все это как-то противоестественно.

— Далее, мы придумали вам псевдоним, сэнсэй... Кода Саруеси. Вам нравится?

— Кода Саруеси? По-моему, есть в этом что-то от балагана.

— Пожалуй. Когда слышишь впервые, то испытываешь внутреннее сопротивление. И все же, я считаю, сойдет. Ведь так и было задумано — вызвать чувство протеста. Это имя если уж раз запомнил, то не забудешь. Что вы там ни говорите, а первое впечатление является решающим. Вдобавок, этот псевдоним выдала нам электронная машина. Да чего там, сэнсэй, не раздумывайте, соглашайтесь! «Совсем как человек»... Кого вам стеснять-ся, это же ваш собственный шедевр!..

Виной ли тому мое воображение, или что-то иное, но все заботы вдруг исчезли, словно отстоялась, наконец, и сделалась прозрачной мутная вода, и как бы сам собой отыскался в запутанном клубке кончик нити, и я даже на вкус ощутил радость освобождения.

— Ну что ж... Тогда хоть покажите мне эту рукопись...

Рука моя, дрожащая от ожидания и неуверенности, протянулась за рукописью, но внезапно...

— Э, не торопитесь, так не пойдет! — произнес он вдруг изменившимся наглым тоном, отдернул рукопись и сунул ее под мышку. — Суетливым нищим мало подадут... хе-хе... Здесь вы, сэнсэй, дали маху.

Нет, я не треснул его тут же по черепу цветочным горшком. Не потому, что я гуманист, который мухи не обидит. И не потому, что нож по-прежнему был у него под рукой. Просто как раз в эту минуту раздался стук в дверь, и в комнату вошла моя жена с заказанным чаем по-европейски. Само собой разумеется, что завязывать баталию в присутствии жены я был не в силах. Еще ни разу в жизни мне не удалось стяжать победу в рукопашной схватке.

Жена, видимо, сразу почувствовала напряжение, наполняющее комнату. Даже движения ее рук, расставляющих чашки, выдавали тревогу и стремление понять, что происходит. Но гость, как ни в чем не бывало, спокойно повернулся к ней и сказал с добродушной усмешкой:

— Благодарю, вы очень любезны... Какой чудесный аромат... Он помахал ладонью, подгоняя к ноздрям пар, поднимавшийся от чашки, как это делают при химических опытах. — А сэнсэй как раз погружен в размышления. Правда, мне думается, что ломать здесь голову совершенно нечего. Может быть, вы, как супруга, скажете свое веское слово? Я, видите ли, стараюсь убедить вашего мужа купить участок на Марсе...

Но тут я решил не уступать.

— К тебе это не имеет отношения, — сказал я жене, игнорируя гостя. — Можешь идти.

— О, простите, я не успел объясниться. — Он тоже не

собирался уступать мне. — Я, видите ли, агент по распродаже земельных участков. Ассоциация «Марс». Зовут меня Танака Итиро. Поскольку сэнсэй является большим знатоком Марса, мы решили взять на себя инициативу и предложить ему присоединиться к марсианам... Возьмите, например, окрестности канала Тайтан. Минимальная температура — минус восемьдесят, идеальная местность. И сейчас самое время для покупки участка... Отправитесь туда на летний сезон... Представляете, какая это радость для детишек?

Я был взбешен. Достаточно того, что унизили меня. Зачем еще жену-то впутывать? Но моя жена тоже была не из тех, кого можно вот так безнаказанно ни во что не ставить. Небрежно, наивным тоном она осведомилась:

— А почему за вами не приезжают? Ведь тридцать минут уже прошло...

Да, вот как должен реагировать бодрствующий разум. Слова жены словно вдруг пробудили меня от тяжкого опьянения. Человека, с которым я беседую, просто не нужно принимать всерьез. Это всего лишь воздушный шарик, туго набитый иллюзиями и фантазиями, и единственное, что необходимо, — это старательно зажимать отверстие шарика, чтобы по возможности не вдыхать заключенных в нем ядовитых испарений.

— Что, собираетесь куда-нибудь?

Он попытался сделать вид, будто вопрос жены был обращен не к нему, но это его бесстыдство выглядело уже глупо. Я подмигнул жене, чтобы успокоить ее, и она, кивнув в ответ, направилась к двери. В ту же секунду он пересел так, чтобы не выпускать нас обоих из поля зрения, и разразился стремительным потоком слов.

— Я вижу, что вы, сэнсэй, и вы, сударыня, еще недостаточно осознали положение. — Он говорил очень быстро, губы его так и змеились по всему лицу. — Нельзя

ни во что не ставить могущество ассоциации «Марс». Ассоциация уже закупила остров Н. в южной части Тихого океана и начала там строительство гигантской ракетной базы. Лучшие умы человечества прямо или косвенно протягивают нам в этом деле руку помощи и сотрудничества, так что космические эксперименты в любой стране являются одновременно и нашими экспериментами. Успех уже не за горами. Вероятно, в ближайшие годы будет закончена постройка промежуточной базы-спутника, затем еще через года три на Марсе совершит посадку ракета с человеком, а там ракеты полетят к Марсу одна за другой, и самое большее через десять лет откроется регулярная пассажирская линия. Нет, мы не то, что ваши мошенники — торговцы недвижимостью...

Может быть, лучше было бы дать ему выговориться, но жена прервала его.

— Но ведь мы... — сказала она. — А не могли бы вы предложить нам участок на Венере?

Его лицо судорожно дернулось. Он проговорил:

— Простите, сударыня, а вам известно такое выражение: «право собственности на землю»? Как мы можем продавать то, что нам не принадлежит? Ведь это было бы мошенничеством.

Тут уж я волей-неволей вынужден был прийти жене на помощь.

— Очень справедливо, — сказал я. — Но я что-то не слышал, чтобы государства мира признали за вашей ассоциацией права на территорию Марса. В любом случае это выглядит как детская игра в продавцов и покупателей.

— Детская игра? Я вижу, вам угодно язвить.

— Ничуть. Просто Марс, так же как Луна и Антарктида, должен находиться под международным контролем и управлением.

Но мой гость не растерялся. Быстро взглянув на меня своими хитрющими глазами, он отхлебнул чаю, промакнул губы углом носового платка и затянул на сей раз нудным назидательным тоном заправского лектора:

— Видите ли, сэнсэй... Все дело в том, что любое государство, как бы ни были романтичны его лозунги, всегда во сто крат более реалистично, нежели самый скупой из частников-скупердяев. У вас в радиопрограмме, сэнсэй, Марс близок и доступен, но для государства он, как и прежде, всего лишь далекая сказочка. Проще говоря, для государственного бюджета расходы на освоение Марса непомерно велики, а выгода от него, как экономическая, так и военная, пренебрежимо мала. В самом деле, на что можно рассчитывать сейчас? Самое большее — на осуществление мягкой посадки. У любого правительства дел по горло. У него просто времени нет на такие пустяки, как международное соглашение по поводу Марса. Не знаю, известно ли вам, сэнсэй... В законодательстве об открытом море существует понятие сохранной акватории... его выдвинули в сорок пятом году на предмет сохранения рыбных ресурсов. И единственным международным соглашением касательно ваших земных морей, которое не имеет прямого отношения к конкретным прибылям и убыткам, по-прежнему остается старинная «Декларация о свободе судоходства». Никто ведь сейчас ни слова не говорит по поводу использования Тихого океана в качестве полигона для баллистических ракет.

— Но распродавать Тихий океан все-таки нельзя, не правда ли?

— Конечно, можно! Продавайте сколько угодно, если только найдете покупателей. Разумеется, если бы продаж занялось государство, это было бы нарушением международного права. Но совершенно независимая органи-

зация, стоящая вне государства, ни с каким государством не связанная, может хоть вверх дном перевернуть Тихий океан — не существует закона, который бы запретил ей это. За что вы ее будете привлекать? За пиратские действия? Не получится... А сфера деятельности нашей ассоциации «Марс» и подавно находится в космосе, за сто миллионов километров отсюда. Я уж не говорю о том, что это сверхмеждународная компания, которую возглавляют политические и финансовые киты из всех стран мира, а также самые ведущие специалисты в области политики и финансов. Эта организация поистине универсальная... В конечном счете стимулом для ее деятельности является, вероятно, лютая алчность, стремление урвать кусок пожирнее в соответствии с вложенными капиталами, именно на этом стимуле и строится ее могущество, поскольку она взялась за дело, с которым не в состоянии справиться никакое государство. Но есть у нее и свои слабости. Иногда ощущается недостаток капиталов. Мешают разные предрассудки, пристрастия. И так сложились обстоятельства, что ассоциации пришлось заняться мелкой распродажей. Не помню, кто это сказал: в стремление зло творить творю добро. Не Мефистофель? Одним словом, ведущая роль на Марсе принадлежит ассоциации, она там является своего рода временным правительством, а потому вы, сэнсэй, и вы, сударыня, можете спокойно довериться ей, как если бы вы поднялись на борт океанского лайнера. Вы же культурные люди, так оставьте это бессмысленное упрямство, все эти разговоры насчет детской игры...

Втиснув между складками по сторонам носа заученную улыбочку, он вытер ладонью пот с подбородка. Его сложенные колечком губы самоуверенно выпятились, словно у рыбы. Он ждал, как мыотреагируем.

Первойотреагировалажена.

— Ох, у меня там все пригорит! — всполошилась она и стремглав выскочила из комнаты.

«Все пригорит» противопоставлено масштабам ассоциации «Марс». Сколь великолепен этот контраст, не правда ли? Вот чьей руке надлежало бы зажимать отверстие шарика с ядовитыми испарениями! Этот неожиданный талант у моей жены поразил меня, я был просто в восхищении.

Гость мой, от которого она столь ловко увернулась, некоторое время хранил на физиономии выражение нерешительности. Я подумал, что лучше всего не обращать внимания на его растерянность и выйти вслед за женой. На всякий случай я сделал вид, будто она позвала меня. Как я и ожидал, он не решился меня остановить.

Разумеется, жена ждала меня в конце коридора. Она стояла у окна, в ее выпрямленной спине ощущалась напряженность...

12

— Ну что, обошлось?

— Да, знаешь ли, он меня совсем убил. Хоть он и псих, но все у него идет по первому классу. Начинает нести явный вздор, ни в какие ворота не лезет, а потом из этого вздора возникает четкое и ясное построение, словно картина в рамке. Взять, например, эту ассоциацию «Марс» — ведь если не держаться настороже, можно принять его всерьез, не так ли? Как это ни странно, у меня такое впечатление, что он из интеллигентов.

— Сумасшедший — это сумасшедший.

— А я думаю все-таки, что было бы натяжкой полагать, будто он все берет с потолка — все свои рассуждения о праве собственности, о сохранных акваториях... Посмотри, как все логично, если мы представим себе на

минуточку, что он действительно свихнувшийся агент реально существующей ассоциации «Марс»...

— Ну, будет, будет, ты уже начинаешь его выгораживать. Ты случайно не заразился от него?

— Гм... Не могу, понимаешь ли, отказать ему в определенной силе убеждения.

— Ты мне лучше скажи, почему за ним не приезжают, раз обещали?

— Вот то-то и оно! Главное, вспыхнув он до болезненности. И вдобавок ножом владеет превосходно!.. Я тебе не рассказывал, но жизнь моя несколько раз буквально висела на волоске. Впрочем, если говорить честно, не на таковского напал...

— Слушай! — словно решившись, взволнованно произнесла она. — А ведь я его узнала!

— Что такое?

— Когда я внесла чай, его профиль... и еще смех... Я думаю, что не ошибаюсь... Я с ним несколько раз встречалась на лестнице...

— На какой лестнице?

— На нашей, разумеется. Подметаю лестничную площадку, а он спускается сверху. Может быть, он живет на третьем или четвертом этаже?

— Что-то не верится. Ведь та женщина определенно звонила из дому. Если они живут тут же над нами, то зачем было звонить? Просто пришла бы сюда, и дело с концом. Вдобавок еще тридцать минут... Как ни мешкай, а больше трех минут это бы не заняло.

— И все-таки есть в этом что-то неладное, вот как хочешь.

— А ты не обозналась?

— Уж очень он приметно разговаривает. У него при разговоре все лицо ходуном ходит...

— Как, ты с ним даже разговаривала?

— Всего один раз... Он поздоровался со мной, завел разговор о страховании, а потом попрощался... Вообще этот разговор насчет страхования тоже был какой-то странный. Такой странный, что я запомнила... Будто бы его компания решила учредить страховку на случай помешательства, и вот он производит опрос населения, как эту страховку лучше назвать. Предлагаются будто бы два названия: страхование сумасшествия и страхование здравомыслия. Вот вам, говорит, какое из этих двух названий больше нравится?

— Действительно, странно... Даже если это не он, есть между ними что-то общее, это несомненно.

— Какой голос был у его жены по телефону? У тебя не создалось впечатление, что говорят откуда-то неподалеку? Помех было немного?..

— Ну, знаешь, этого я уже не помню... Погоди-ка, раз уж на то пошло... Из его визитной карточки вырезан адрес... Если, как ты говоришь, он живет этажом или двумя выше, тогда все понятно!

— Правильно, так оно и есть! — с жаром подхватила жена. — Ему не хотелось, чтобы мы сразу узнали, где обретается его супруга, вот он и решил проделать эту маленькую операцию.

— Но если это так, значит, его жена тоже с самого начала во всем замешана. Они заранее сговорились, что он будет торчать у меня не менее тридцати минут, иначе быть не может.

— Поэтому ждать дальше напрасно. И поскольку все теперь понятно, надо немедленно известить полицию.

— Нет, погоди. Для того, чтобы двое вступили в заговор, они должны быть либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом уме. Невозможно представить себе, чтобы муж и жена свихнулись на одной и той же бредовой идее, поэтому нам остается считать их нормальными.

Если без всякой причины вполне нормальных людей отдать в руки полиции...

— Причина есть. И очень важная. Он вломился насильно, без приглашения. Это незаконное вторжение в чужое жилище!

— Ну что ты! Конечно, мы его не приглашали, но ведь и не отказывали ему...

— Потому, что нам наврали, будто он буйный!

— И свидетелей у нас нет... Он будет все отрицать, только и всего.

— Что же, так дальше и терпеть?

— Раз мы решили, что он — в здравом уме, достаточно дать ему ясно понять, что чем скорее он отсюда уберется, тем лучше...

— В здравом уме! Так уж непременно в здравом уме! Он просто хитроумный мерзавец и больше ничего... Марсианские участки, страхование сумасшедших... Этот наглый торгаш прекрасно понимает, что взашей его отсюда не вытолкнут, и собирается спокойненько ждать, пока мы не уступим!

— Ну-ну, не надо так горячиться. Суетливым нищим мало подадут... — Эти слова моего гостя вырвались у меня произвольно, и я мгновенно ощутил острое чувство униженности. — Я тебя прекрасно понимаю и понимаю твое настроение... Нет, это очень похоже на правду, все это вполне возможно... Но у нас ведь только косвенные доказательства и нет ни одного решающего, достаточно убедительного...

— Нужно, чтоб он почувствовал... — Она подавила раздражение и заговорила почти просительно: — Ведь если ты ему скажешь, никакого толку не будет. Твоя манера говорить так или иначе выдаст твою неуверенность. Он и не подумает сдвинуться с места, и все равно волей-неволей придется обращаться в полицию.

— Ты ничего не знаешь. Ты не говорила с ним один на один и потому еще можешь питать какие-то иллюзии. Ты бы хоть посмотрела, как он работает языком и как он работает ножом!

В тот же момент, как бы в ответ на мои слова, из кабинета донеслось тупое «бряк», словно что-то грузно рухнуло на пол. Впрочем, слово «рухнуло» было подсказано мне расцвеченным надеждой воображением: когда человек падает в обморок, звук получается более сложный. Скорее, подумалось мне, это с высоты человеческого роста упала сама собой кипа толстых томов. Но поскольку мой гость не свалился, а все же что-то произошло, я ощутил замешательство. Лицо жены окаменело.

— Решающее доказательство будет,— проговорила она.— Я сейчас обойду верхние этажи и все узнаю.

— В этом нет необходимости. А вот удостовериться, тот ли это самый человек, пожалуй, стоит. Имя его нам известно — Танака Итиро, остается только поглядеть внизу таблички на почтовых ящиках.

— Ничего не выйдет. Жильцы с третьего и четвертого этажей табличек почему-то не выставили. Да ты не беспокойся, там всего, кажется, две квартиры, так что я быстро...

— Понимаешь, кто его знает, что это за женщина... Если она — его сообщница, то такая, наверное, наглая тварь...

Из кабинета вновь послышался странный звук — на сей раз долгий, но прерывистый, словно волочили по полу мой ящик с картотекой или стенные часы. Поскольку истолковать этот звук было трудно, он казался особенно зловещим и угрожающим.

— Да, это надо прекратить. Рисковать нам совершенно незачем.

— Рисковать?

— Раз уж у него хватило бесстыдства, чтобы решиться на это... он не представлял, какая его ожидает ловушка... и тогда, например...— Я нес околесицу, сам не зная толком, что хочу сказать, прислушиваясь к новой мысли, всплывающей у меня в сознании.— Конечно, такая штука... это уж вряд ли, я думаю, но...

— Что — вряд ли?

— Я хочу сказать... Предположим, например, этот тип явился сюда для того, чтобы установить некое алиби... По телефону говорила не сама его жена, а ее голос, записанный на пленку... Магнитофон включается часовым механизмом... Понимаешь? Он убил свою жену и, чтобы установить алиби...

— Как же здесь может получиться алиби?

— Очень просто. Раз она была жива и звонила по телефону, когда он уже сидел у нас в прихожей.

— Да нет, я не об этом. Как магнитофон с часовым механизмом может крутить номерной диск у телефона?

— И то верно...— произнес я немного разочарованно.— Действительно, чтобы позвонить по телефону, кто-то должен набрать номер...

— Вот есть у тебя один недостаток — очень уж ты мнителен. А на самом деле бояться и ломать голову нечего, все обстоит очень просто. Например, только эта женщина собралась выходить, как у нее схватило живот, или ее ударило током от стиральной машины, или она поскользнулась на цементе у себя в прихожей...

Возможно, я мнителен. А может быть, это у нее не хватает воображения. Во всяком случае, мне очень хотелось поспорить с нею, но было не время для семейных разногласий. Как раз в эту минуту шум перетаскиваний, доносившийся из кабинета, был заглушен звуками падения. По всем признакам демонстрация мощи душевнобольного была в самом разгаре.

— Он там, видимо, рвет и мечет.

— Под зеркалом лежит гаечный ключ. Сунь в карман.

— А ты тоже будь осторожна, не зарывайся слишком...

Жена кивнула мне, оправила воротничок и крадучись пошла по коридору. Подождав, пока входная дверь закрылась за ней, я направился было в гостиную за гаечным ключом, но тут грохот внезапно прекратился и наступила мертвая тишина. Я моментально помчался в кабинет. Меня подгоняло нетерпение, как будто если я сейчас, сию секунду не захвачу его на месте, то навеки упущу случай сорвать маску с этого оборотня...

13

Рывком распахнув дверь, я встал на пороге и решительным, вызывающим взглядом обвел комнату. Но мой воинственный дух тут же испарился без следа.

Никаких признаков разгрома, рисовавшегося в моем воображении, не было.

Сам гость сидел на стуле, аккуратно сдвинув колени, на том же месте, что и прежде, и совершенно невозможно было представить себе, что он только сейчас производил какие-то энергичные действия.

— Что решил семейный совет? — осведомился он. — У меня такое впечатление, сэнсэй, что на вашу супругу можно положиться.

— Бросьте притворяться, — проговорил я, восстановив, наконец, кое-как душевное равновесие. — Что вы здесь сейчас вытворяли?

— А, это?..

Он беспечно кивнул, а затем, взявшись обеими руками за сиденье, не вставая, принялся совершать идиотские прыжки вместе со стулом, вертась при этом вокруг своей оси.

Итак, звуки падения — это когда он стучал пятками по полу.

Итак, впечатление, будто что-то волокут — это когда стул, поворачиваясь, задевал ножками за пол.

— Это мое изобретение — гимнастика со стулом... она же — марсианская гимнастика... На Марсе, видите ли, сила тяжести значительно меньше, и я ежедневно проделываю такие упражнения...

Подпрыгивая на своем стуле, он с ужасным грохотом пересек комнату и доскакал до окна. Я поспешно завладел тем местом, которое он только что занимал. Во-первых, так было ближе к двери, а во-вторых, гораздо ближе к пресловутому ножу.

— Хватит с меня вашего Марса и вашей гимнастики! — заорал я. — Вы бы лучше... Давайте-ка начистоту. Вы ведь живете где-то над нами, этажом или двумя выше, не так ли? Не отпирайтесь, все уже известно. Ага, вот и ваша карточка... Теперь мне совершенно ясно, почему вы отрезали место с адресом!

Я не надеялся на ответ, я рассчитывал только нанести ему психологический удар, а заодно и дать себе разрядку.

Гость с изумленным видом уставился на свою визитную карточку, которую я бросил перед ним на стол. Затем плечи его бессильно обвисли и, свесившись со стула набок, он произнес:

— А вам, оказывается, уже все известно?

Теперь оторопел я — так неожиданно быстро он сознался. И он не преминул немедленно воспользоваться моим коротким замешательством и сразу нанес ответный удар.

— Это ваша супруга вам сообщила. Беда с этими женщинами...

— Вас это не касается.

Я попытался отразить нападение, но удар попал в

цель. Своей манерой выражаться гость определенно намекал на то, что между ним и моей женой существуют какие-то неведомые мне отношения. От ног по всему телу у меня вдруг поползло ощущение зыбкости, похожее на страх высоты, и я изо всех сил вцепился в самого себя.

...Только не обращай внимания, мысленно твердил я, подставляя себе плечо, чтобы не потерять равновесия... Это же всего-навсего клевета, заурядный тактический приемчик, имеющий целью расколоть наши ряды... Стоит клюнуть на эту удочку, и мы немедленно будем пойманы... Ничего, пусть только вернется жена, я прямо тут же, на месте, разоблачу его, сорву с него гнусную маску...

— Боюсь, сэнсэй, что здесь недоразумение. Ваша супруга слишком поторопилась. Честное слово, никакого дурного умысла у нас нет.

— Бросьте вы мне голову морочить. Ничего вы про мою жену сказать не можете. А вот как насчет вашей собственной супруги? Живем мы рядом, соседи, даже встречались, наверное, и не раз, и вдруг она так бесовестно мне нагала! Право, надо совсем стыд потерять...

— Лгала? Это моя-то жена?..— Брови у него полезли на лоб, и вся физиономия выразила неподдельное и глубокое изумление.— Это невозможно. Немыслимо... Впрочем, оставим это... О моей жене больше ни слова, сэнсэй, пожалуйста... Иначе вы безмерно огорчите меня...

— Ах, я вас огорчу? Вы там устраиваете заговор, морочите людям голову, а я о вас — ни слова? Поразительное бесстыдство, прямо пробу ставить негде!

— Ну что уж вы так... Разве я вам не говорил? Ведь она помешанная... Да нет, говорил я вам, сэнсэй, помните хорошенько... Как это ни прискорбно, она у меня совсем спятила.

— А вот она утверждает, что это вы спятили!

— Да...— произнес он со вздохом.— К моему велико-

му огорчению, она в этом совершенно уверена... Так посудите сами, сэнсэй, можем ли мы, несчастные супруги, взаимно подозревающие друг друга в сумасшествии, можем ли мы, как вам угодно было выразиться, устраивать заговоры и все такое прочее?..— Он вдруг оживился.— Это было бы поразительно... Честное слово, это было бы как во сне...

Клоунада софизмов. Калейдоскоп крючкотворства. Едва ворочая языком, холодным и вялым, похожим на снулую рыбу, я проговорил:

— Для чего же ваша супруга лгала?

— Прекратите! Я вам сказал, что не желаю слушать. Преследовать такими подозрениями наивную, чистую, как Будда, женщину... Я этого не вынесу!

— Ладно, пусть не лгала, но...

— В чем она, по-вашему, солгала?

— Она обещала прийти за вами через тридцать минут и не пришла. Согласитесь, это наводит на подозрения.

— Обещала? Она действительно обещала?

— В том-то и дело. Вы ей преданы, вы повинуетесь любому ее приказу. И когда она предложила вам как-нибудь проволынить тридцать минут...

— Вот это верно.— Он поднял плечи и хихикнул, словно от щекотки.— Я никогда ей не отказываю, что бы она мне ни сказала. Очень уж мне ее жалко. Любой человек имеет право на сочувствие и понимание. И вдобавок она велит мне делать только то, что в моих силах.

— Я, собственно, о времени...

— На сколько она сейчас опоздала?

— Опоздала? Хорошо, пусть опоздала... Скоро будет пятнадцать минут.

— Всего-навсего пятнадцать минут...

— Всего-навсего! Сразу видно, что для вас они пролетели, как одна минута. А я вот испытываю некоторые

сомнения, когда опаздывают на пятнадцать минут после обещанных тридцати.

— А я вот верю.

— Вы хотите сказать, что обещание будет все-таки выполнено? Что она еще, может быть, придет за вами?

— Обязательно. А как же иначе? Для опоздания была, наверное, серьезная причина. И усомнившийся сгорит со стыда, как только узнает, в чем дело...

— Ну, каждый верит, во что ему нравится...

— Хорошо. Тогда давайте сходим к нам. В конце концов вам все уже известно, скрывать мне от вас больше нечего. Как только вы увидите мою супругу, все ваши сомнения мигом рассеются. Пошли. Переодеваться не надо, это ведь прямо здесь, в этом же доме.

— Пойдите. Я еще не сказал вам... Видите ли, я только что послал жену посмотреть, где вы живете, и она скоро вернется. Я бы хотел сначала послушать, что она мне скажет. Верим ли мы или сомневаемся, но уже после этого наши мнения должны совпасть окончательно.

14

Некоторое время гость пристально вглядывался в меня с таким видом, будто обозревал далекий пейзаж. Если он и злился, то ничем этого не обнаруживал. Сжав до хруста левой рукой пальцы правой, он произнес сдавленным, без выражения, голосом:

— Ясно, все понятно... Только такой ли уж это мудрый ход, сэнсэй, как вы надеетесь?

— В каком смысле? Вы хотите сказать, что мне не следовало бы доверять словам собственной жены?

— Я не смею обсуждать здесь ее интеллект и ее характер, но...

— Порядочные люди так не поступают... Свою жену вы оправдываете во всем...

— Да я вовсе не хочу сказать, будто ваша супруга — плохой человек. Наоборот, это очень впечатлительная и замечательно умная женщина. И вдобавок еще красавица. Только вот...

— Что — только вот?

— Да так, всякое приходит на ум... Говорят, что в наше время человеку верить нельзя. Я решительно против этого. Верить человеку легко. Гораздо труднее заставить другого человека поверить тебе. Вот я сейчас, сэнсэй, веду безнадежную борьбу за то, чтобы вы мне поверили... Мы привыкли мерить собеседника на свой аршин и несколько этим не смущаемся. Естественная предусмотрительность — запастись для ближнего его собственным аршином — давно плесневеет, как старые книги в углу какой-нибудь букинистической лавки... И потому, сэнсэй, если бы даже случилось так, что супруга ваша усомнилась в вашем здравом уме... А, ладно, я вам все расскажу. В конце концов такая же судьба постигла меня самого... Только не принимайте близко к сердцу. Не надо сердиться и не торопитесь обвинять...

— Вы просто пакостник. Просить не сомневаться того, кто не сомневается, — это все равно, что просить сомневаться.

— Приятные речи приятно слушать. Ибо именно сомнение является вратами в истину. К тому же превратное мнение у вашей супруги сложилось не только о вас, сэнсэй. Даже я, человек совершенно случайный, имел несчастье внушить ей о себе неправильное представление. По какой-то причине ваша супруга... — тут он наклонился вперед и понизил голос, — решила, будто я — страховый агент.

— А это не так?

— Абсурд. Не имею к этому решительно никакого отношения. Просто моя жена вбила себе в голову, а противоречить ей нельзя, приходится, когда с нею соприкасаешься, как-то подделываться, оберегать ее, чтобы не нанести ущерба ее призрачному миру... Но когда вот так, как ваша супруга, тебе на полном серьезе дают заказ на страхование сумасшествия, причем на довольно-таки крупную сумму, тут уж держи ухо востро...

— Страхование сумасшествия?

— Да, страхование сумасшествия. Вам приходилось о таком слышать?

— Вздорный вы болтун после этого... Да если бы вы не надули эту чушь ей в уши, ей бы в голову не пришла подобная глупость!

— Я...—забормотал он с видом полнейшего раскаяния,—я сказал об этом вашей супруге в шутку, просто так, мимоходом. Я вообразить не мог, что она примет все за чистую монету. Ваша супруга, видимо, психоневротик. Простите за такой неожиданный вопрос, сэнсэй, но не доводилось ли вашей супруге быть свидетелем вашего особенно скандального поведения? Это могло бы пролить свет на причины ее беспокойства. Или, возможно, в ее жилах течет такая кровь...

— Можете болтать, что вам угодно. Как только жена вернется, вся ваша дешевая болтовня разлетится как картонный домик под порывом ветра!

— Да уж, ваша супруга—самый настоящий тайфун,—проговорил он, трясаясь от смеха, словно бы припомнив что-то.—И то сказать, такие штучки, как одиночество и неутоленные желания, подобно тайфунам опустошают человеческие души. Когда ваша супруга обратилась ко мне, я сразу подумал, что это никуда не годится, и попытался ее отговорить... Я, заявляет она, желаю застраховать своего мужа от сумасшествия. Да неужели, го-

ворю я, вы настолько обеспокоены его психическим состоянием? Ну да, говорит она. Я, говорит, выразить этого толком не умею, но я чувствую, говорит, что есть в его характере какая-то неурядица, будто камешек в рисовой каше... Тут я ее мигом осадил: получилось, говорю, ужасно неудобно. Как вам известно, условием для страхования жизни является физическое здоровье. Аналогично для страхования от сумасшествия требуется здоровье психическое, то есть полностью здоровый разум. А вы мне сами, говорю, сейчас признались, что на этот счет у вас есть сомнения. И раз уж я слышал это из ваших собственных уст, то никуда не денешься, закрыть на это глаза было бы нелояльно по отношению к моей компании. Случись потом суд, что тогда будет? Не то что страховая премия, сами угодите в кутузку за мошенничество. Кувабара-кувабара *. Нет уж, давайте подождем, говорю, сначала удостоверьтесь, что у вашего мужа все в порядке.

— При такой внешности и такая честность!

— Честность проявила ваша супруга. Ну, а после этого разговора она, вероятно, изо дня в день ведет наблюдение за вашим психическим состоянием. Штудирует книги в библиотеке, посещает больницы, прислушивается к разговорам врачей-психиатров... а с недавнего времени заводит знакомства с приятелями душевнобольных. Но ведь чем ближе к горе, тем труднее целиком охватить ее взглядом. У меня, говорит, когда я наблюдаю за мужем, голова начинает кружиться, будто я смотрю на облако, уносимое ветром. Да, не так-то легко, наверное, определить границу между душевным здоровьем и сумасшествием... Впрочем, за себя я, вашими молитвами,

* Род заклинания, примерно соответствует русскому «чур меня!». — *Прим. перев.*

не тревожусь, я — вне подозрений и могу теперь вздохнуть спокойно...

— Если все это правда, тогда скорее уж надо подвергнуть обследованию мою жену.

— Дело, конечно, ваше, но... Исходя из собственного опыта, я бы предпочел покориться обстоятельствам...

— А я вот не покорюсь! — вскричал я, ударив кулаком по столу. Нож от толчка свалился на пол, и я, вздрогнув от стука, продолжал: — Нет, не покорюсь, и это означает, что вы все здесь наврали. У вас особенный талант делать людей несчастными. Знаете что, забирайте-ка вы свою карточку и давайте на этом кончим. Все равно жена ваша, в которую вы так верите, никогда сюда не придет. И чем больше вы будете ко мне приставать, тем глупее будете выглядеть.

Как я и ожидал, он смущенно забрал со стола свою визитную карточку и вдруг сказал:

— Моя-то жена — ладно. А вот что с вашей супругой, сэнсэй?..

И тут мне стало не по себе. Прошло, вероятно, уже минут десять. Впрочем, сверлящие разговорчики моего гостя взвинтили меня настолько, что я совсем утратил ощущение времени. А теперь вдруг «уже» одним махом превратилось в «еще не». И сейчас же, подобно бактериям, начали стремительно множиться всевозможные тревоги и догадки. В питательной среде намеков, приготовленной моим гостем, выросли самые необузданные фантазии и я уверовал, что это и есть действительный мир.

Мой дух бестолково отмахивался от него руками и ногами, словно сражался в тростниках с тучами москитов, и я упорно твердил про себя одну и ту же фразу.

...Я верю... я верю... верю... Все остальное просто невысказано...

Гость щелкнул зажигалкой и поднес к ней что-то. В его пальцах вспыхнул красный язычок пламени... Это была пресловутая карточка с названием ассоциации «Марс». Когда огонь охватил ее, он бросил ее в пепельницу. Пламя ненадолго зачало, затем разгорелось вновь, и вот уже от карточки остался только пепел.

— Уничтожаете вещественные доказательства?

— Вздорная игрушка,— отозвался он. Ничто не омрачало его лица; скорее, оно казалось просветленным.— Неужто вы принимали это всерьез, сэнсэй?

— Глупости болтаете. Это вы из кожи лезли, чтобы меня убедить.

Он не ответил. Словно закончивший выступление актер, он с улыбкой поклонился мне, а затем извлек из-за спины свой черный портфель и сунул его под мышку.

— Может быть, все-таки пойдем к нам? — сказал он.— Вы, вероятно, беспокоитесь о супруге.

— Свои недостатки мы, значит, будем замалчивать. Поразительная самоуверенность.

— Это уж как водится.

— Я не собираюсь состязаться с вами из-за жены.

— Это было неудачное выражение.

Он с серьезным видом кивнул, и я уже ожидал, что он встанет, но он только уселся поудобнее. Затем снова вытащил из портфеля пачку бумаги, выражение его физиономии вдруг изменилось, и он сурово уставился на меня.

Это была та самая рукопись. Роман «Совсем как человек», из-за которого меня вымотали и едва не довели до взрыва. Во рту у меня расплылся терпкий привкус незрелого мандарина. Надо было что-то сказать, и я сказал:

— С этой штукой нельзя, как с карточкой. Печи

здесь нет, и получится не совсем удобно. Мы задохнемся от дыма.

— Чушь! — бодро произнес он и покачал рукопись на ладони. — Я тогда позволил себе неучтивость, виноват... Но вы будете поражены, сэнсэй, как только ознакомитесь с истинным содержанием рукописи... «Совсем как человек»... Конечно, это никакой не роман, и написано не от вашего имени. И название другое: «Топологическое исследование человеческой трагедии»... Итак, сэнсэй, теперь, когда ассоциация «Марс» обратилась в прах, будем считать, что вступление закончено, и перейдем к главному вопросу.

— Что такое? Есть еще главный вопрос?

— Ну, если «главный вопрос» — слишком ответственное название, то пусть будет «глава, где вопрос разрешается». Размеры ее определяются той частью рукописи, с которой мы успеем познакомиться до прибытия наших жен. — Он послунывил палец и перевернул первую страницу. — Впрочем, для того, кто верит, время — всегда только мгновение. Неважно, займет ли это несколько лет или несколько десятков лет...

15

Удивительное пристрастие к плоским шуткам. Но я не успел придумать подходящий ответ. Мой гость уже начал читать.

Держа перед глазами рукопись, запрокинув голову, чтобы придать голосу выразительность, он напыщенно и гундосо провозгласил:

Тридцать два посланца,
Облеченных тайной миссией,
Не знают, как рассказать о себе,
И, осыпая насмешками,

Он медленно повторил эти стихи дважды, а затем, испустив долгий театральный вздох, произнес:

— Это называется «Песнь посланца»... Автор неизвестен... И тем не менее, сэнсэй, понимающему человеку ясно, каков смысл этого стихотворения. Ключи к разгадке небрежно рассыпаны по строчкам... Тайнопись заключает в себе страшную истину... Хотите, расскажу, сэнсэй? Только вам, потихоньку... Понимаете, эти посланцы, — вы не удивляйтесь, — они марсиане. Оттуда, издалека, из черной пустыни космоса явились они на Землю, обремененные особой миссией...

— Если это о Марсе, то с меня довольно! — закричал я, давась от подступившей тошноты, словно мне обманом сунули в рот печенье из пластмассы. — Вы же сами вставляли здесь в позу, провозглашая, что ассоциация «Марс» обратилась в прах...

— Да, ассоциация «Марс» обратилась в прах... Но это не имеет к ней никакого отношения! — Он суетливо затряс пальцами перед лицом, как это делает малодушный учитель, которому озорные школьники обожгли ладони. — То, о чем я говорю, сэнсэй, это про настоящих марсиан! Тут недавно передавали по радио о мягкой посадке... Так вот я про тех настоящих марсиан, которые действительно обитают на этой планете!

— Послушайте, я вижу, вы снова собираетесь плести здесь чушь о том, будто вы — марсианин. Бросьте. Марсиане — это уже устарело. Устарело, сгнило и высохло. О таких вещах с вами даже ребятишки говорить не станут.

— Но что же делать? Факты есть факты.

— Факты? Оставьте, не смешите меня. Вы же самый обыкновенный японец.

— Это не имеет значения. Таким я кажусь, и это естественно. Таким вы меня считаете, и никто не может вам помешать. Потому что топологически это именно так. Мы-то знаем это по своему горькому опыту. Топологическое тождество — вот что явилось той дьявольской ловушкой, в которую попались посланцы Марса. Мы стремились вырваться из этой ловушки, но так и не смогли. И пожалуйста, прошу вас, не верьте, что я — марсианин, сколько бы я ни настаивал...

— Можете не просить, я и так не верю.

— Честное слово, не верите?

— Конечно, не верю.

— А я все-таки настаиваю. Я — марсианин. Один из участников миссии на Землю, делегированный официально правительством Марсианского союза... Как же быть, сэнсэй?

— Так или иначе, а я не верю. И вывод может быть только один. Именно вы, вы сами, поносивший и оскорблявший других, являетесь подлинным и несомненным сумасшедшим девяносто шестой пробы. Простите за грубость.

— Ну еще бы... Сумасшедший... Ладно. Избрали участь благую, не так ли?

— Бросьте! Хватит с меня этого заколдованного круга! Нам же обоим ясно, что спорить можно до бесконечности, а результата никакого не будет.

— Послушайте, сэнсэй, не лишайте меня последней надежды. Для меня, например, уж то, что нет результата, является огромным достижением. Да, заставить поверить трудно, и тяжело, когда это не удастся, но топологическая любовь... Мы дошли до сомнения, а ведь именно сомнения являются вратами в истину. Так неужто мы не способны пройти сквозь эти врата и двинуться дальше? Нет никакого заколдованного круга, и вот вам тому

доказательство, сэнсэй: вы только что называли меня в лицо сумасшедшим, чего не было раньше и не будет впредь.

— Если речь об этом, то ничего здесь нового нет... Просто меня запугала по телефону ваша супруга.

— Э, нет, сэнсэй, такое смирение вам не к лицу. Запугала... Вот вам и заколдованный круг, сами его создаете. Ну, времени у нас мало, давайте бросим пустую болтовню. Прошу вас, сэнсэй, начинайте первым...

— Что начинать?

— Ну как же? Вы объявили меня сумасшедшим. Я со своей стороны продолжаю утверждать, что я марсианин. Таким образом, мы имеем точку приложения двух взаимопротивоположных векторов. Соответственно должна иметь место некая результирующая, которая и определит существо моей личности. Вам представляется, сэнсэй, продемонстрировать свое искусство в топологическом анализе...

Ничего не понимаю. Тон разговора ни с того, ни с сего изменился. Нарочито неумело, чтобы затянуть время, я стал раскуривать сигарету, потом смял ее. Я чувствовал, что меня обвели вокруг пальца, но как это случилось — я понятия не имел. Мне было ужасно не по себе. Отвратительно робким, против воли заискивающим голосом я осведомился:

— Простите, а что это такое? Вы довольно часто употребляете слова «топология», «топологический»... Боюсь, я ничего не понимаю в этой области.

— Это то же самое, что фазовая геометрия.

— К сожалению, мои знания ограничиваются всего-навсего сферической геометрией.

— А, тогда простите... Принцип, видите ли, чрезвычайно прост... Говоря коротко, назовем это математикой «совсем как»... «Совсем как» из «совсем как человек».

Старая математика и думать не могла поставить знак равенства между такими, например, предметами, как крикетная бита и крикетный мяч. А в топологии они определяются как гомеоморфные поверхности с одномерным числом Бетти нуль, и между ними ставится знак равенства. Вероятно, вам это кажется несколько странным, но ничего, среди интуитивных формул у людей встречаются очень похожие. Возьмем другой пример. Калач и бублик. Для топологии это торы, поверхности с одномерным числом Бетти два. В глазах обычного человека бублик остается бубликом, неважно, круглый он или сплюснутый. Электронной машине анализировать формулу круглого бублика проще, нежели сплюснутого. А собаке, например, вообще наплевать, бублик ей дают или калач, целые они или ломаные, лишь бы были из одной и той же муки. Не правда ли, топологический подход весьма напоминает чисто человеческий... С другой стороны, благодаря топологии понятие «совсем как», которое прежде было чем-то двусмысленным, какой-то общей идеей, ныне обрело развитую и тонкую логическую структуру. В дотопологической математике такой структуры у этого понятия быть не могло. Теперь с этим «совсем как» шутки плохи. Я, например, из-за него терплю сейчас самое настоящее бедствие...

— Вы мне лучше скажите, почему наши женщины...

— Нет уж, вы меня выслушайте... Итак, что же объединяет эти два вектора — сумасшедшего и марсианина? Мыслятся следующие топологические представления. Земной сумасшедший, который вбил себе в голову, будто он — марсианин...

— Только и всего?

— ...или же марсианин, которому вбивают в голову, будто он — земной сумасшедший, вбивший себе в голову, что он — марсианин...

— Глупости все это! Когда так, то причем тут вся ваша топология?

— Ага, а я вам что говорил? Это настолько напоминает интуитивные представления, что просто диву даешься...

— Тогда хватит с нас и одной интуиции.

— Да разве мыслимо подогнать этот гомолог под одну лишь интуицию? Продолжая его до бесконечности... Марсианин, которому вбивают в голову, будто он — сумасшедший землянин, который вбил себе в голову, что он — марсианин, которому вбивают в голову, будто он — сумасшедший землянин, который вбил себе в голову, что он — марсианин, которому вбивают в голову, будто он...

— Хорошо, достаточно. Значит, если твердить это заклинание с помощью вашей топологии, то можно надеяться довести дело до успешного конца?

— В этом весь смак топологии. Если мы, например, изготовили некую первоначальную модель, то мы можем произвольно сложным путем осуществить ее фазовую транскрипцию в любые равные ей топологические формы. В данном случае перед нами структурная модель «землянин, который вбил себе в голову, что он марсианин». Давайте попробуем и посмотрим, что получится. Этот свихнувшийся землянин — то есть я, каким вы меня считаете, сэнсэй, — был вначале просто-напросто беспросветным неудачником. Видимо поэтому у него возникла склонность к бегству от действительности. Бежать, однако, некуда, с деньгами плохо, и он начал грезить о перевоплощении. Кем лучше стать? Собакой? Птицей? Или вообще камнем? Но мысль о физической метаморфозе пришлась ему не по вкусу. И в результате долгих и мучительных раздумий он в конце концов пришел к выводу, что ему требуется перевоплощение без метаморфозы, другими словами — гомологическая транспозиция. Пере-

воплотиться в существо, которое совсем как человек и в то же время человеком не является... Например (тут голос моего гостя упал до шепота) в марсианина... Да, в марсианина, который совсем как человек... Так завершилось топологическое перевоплощение нашего сумасшедшего землянина.

— Ну что же, возразить на это как будто нечего...

— Назовем пока эту модель «марсианской болезнью». Вы не против?

— Да мне вообще-то безразлично...

— Превосходно... И впредь тоже смело полагайтесь на меня...

Эти его слова насторожили меня, и я вновь ощутил смутное беспокойство. Кажется, он опять незаметно опутал меня своими сетями. Знаю ведь, что фокусник и лицедей, норовлю обойти стороной — и вот, пожалуйста, опять торчу перед ареной. Как-то на площади перед одной деревенской станцией я видел зазывалу галантерейщика. Он приманивал покупателей воплями, что будет-де подбрасывать камешки и держать их в воздухе лишь силой воли. Манеры моего гостя в высшей степени напоминали этого зазывалу. Ведь болтовне о камешках, плавающих в воздухе, ни один дурак не верит. Не верит и именно поэтому не пройдет мимо. Не верю, не могу верить, да и не хочу верить. Чувство протеста растет, ты выходишь из состояния пассивности и уже жаждешь своими глазами убедиться в провале исполнителя, а ему только этого и надо — он выскакивает на арену и начинает отплясывать перед тобой. Да, от избытка тревоги я, кажется, дал маху, сам себе подставил ногу. Поистине, усилия и осторожность надо соразмерять с обстоятельствами.

— Пожалуйста, можно сказать и так... Случай самый обыкновенный, таких сколько угодно...

— А теперь, сэнсэй, обратимся к «Песне посланца», которую я вам прочитал...— произнес он зловеще-спокойным тоном, словно готовясь нанести поверженному противнику последний удар. Он переложил рукопись со стола к себе на колени и легонько постучал по ней кончиком ногтя.— Признав структурную модель сумасшедшего землянина, вы тем самым автоматически приняли и содержание «Песни посланца».

— Что это вы перескочили... ни с того, ни с сего...

— Не перескочил. Если смотреть на бублик изнутри, он все равно остается бубликом. «Песнь посланца» и структура больного марсианской болезнью полностью гомологичны в топологическом смысле.

— Вот вы мне говорите, а я уже совсем не помню, о чем там эта песня.

— Ну вот, а я как раз собирался объяснить вам. Она представляет собой своего рода криптограмму, так что говорить о ней без необходимых пояснений не имеет смысла.

— Да, пояснить было бы не лишне. Восторга она у меня не вызвала, а полагаться на вас, как я уже говорил, мне бы не хотелось.

— Ничего, обойдусь и без вашего доверия. Если б вы могли на меня полагаться, мне не имело бы смысла идти таким тернистым путем. Теперь у нас с вами шутовское состязание. Настроение игривое, собираемся развлекаться фокусами больного марсианской болезнью. Уж здесь-то я в грязь лицом не ударю, могу вам обещать... Простите, говорят, что любопытство — исключительно человеческое качество. Что это у вас? — Он вдруг указал пальцем на банку возле радиоприемника.— Вы держите там градины? Или земляные орешки?

— Нет, складываю туда старые билеты... А в чем дело?

— Не имеет значения, это я просто так... Но что же ваша супруга? Не отправилась ли прямоком на Марс?.. Ладно, подождем. Я, пожалуй, даже одобряю наших женщин. Потому что, видите ли, сэнсэй, я еще не исчерпал темы нашей беседы...

16

...Да. Я обнаружил «Песнь посланца», когда мыл стены одного не совсем обычного помещения в одном не совсем обычном месте.

Мой гость ведет рассказ без пауз, и на его лице появляется новое для меня выражение, свойственное одержимым... Его руки, стискивающие рукопись на коленях, и его беззащитный затылок, прислонившийся к спинке стула,— они словно излучают улыбку... Я чувствую, что меня наконец-то благополучно загнали в сети... Но неужели весь этот огород городился только для того, чтобы заманить меня сюда?.. Ведь я... Нет, ни поддакивания, ни оскорбления уже не помогут мне снова стать хозяином положения. Придется лишь по возможности точно записать то, что он говорил.

...Это не совсем обычное место, продолжал мой гость, надо сказать, было палатой в одной психиатрической больнице... Почему я там оказался, почему я там мыл стены,— ответить на эти вопросы предоставляю вашему воображению... Поначалу эта надпись не остановила моего внимания. Это были крошечные трогательные знаки, каракули одного из сумасшедших, ничего примечательного, как мне показалось.

...Однако фраза «тридцать два посланца»... Едва эта строчка попалась мне на глаза, как я ощутил сильнейшее потрясение. Я взволнованно перечитал стихотворение.

Да, сомнений не было. Что это, как не диагноз «земной болезни»?

Тридцать два посланца,
Облеченных тайной миссней,
Не знают, как рассказать о себе,
И, осыпая насмешками,
Их загоняют в холодный
Могильник для умалишенных.

...Ошибки быть не могло. Наконец-то в мои руки попало доказательство. Наконец-то я установил истинную природу «земной болезни», продолжавшей столь жестоко поражать нас. Ибо «Песнь посланца» была вестью от одного из посланцев Марса, угодивших в психиатрическую больницу по подозрению в «марсианской болезни». Это было ужасно! «Земная болезнь», совершенный гомолог «марсианской болезни»... Я нареку ее, пожалуй, «топологическим неврозом», вы не возражаете?.. И разрешите доложить следующее. Автор «Песни посланца» в конце концов заболел настоящей «земной болезнью»... то есть, с точки зрения земных врачей, благополучно оправился от «марсианской болезни»... выписался из больницы и уехал в неизвестном направлении.

...Итак, в основе расшифровки лежит роковое число «тридцать два»... Почему же это число произвело на меня такое впечатление? Все дело в том, что я был назначен тридцать третьим посланцем и прибыл на Землю следующим после автора «Песни». Этот тридцать второй еще в студенческие годы был моим другом и веселым собутыльником, и у меня сердце болит, стоит мне подумать, где он и что с ним сейчас. Правда, нельзя сказать, будто он пострадал напрасно. Ведь только благодаря его вести я сейчас имею возможность успешно завершить одну из возложенных на меня задач.

...Да, несомненно. Его весть, весть первооткрывателя

«топологического невроза»... хотя название придумано мною... и вместе с этим названием он навсегда останется в памяти веков. Вот почему первую страницу этого важнейшего доклада я отвел под его стихотворение. Честь и славу следует делить по совести.

...Да, этот наш роман «Совсем как человек» в действительности является моим докладом. Это доклад, который я намерен представить на рассмотрение правительству Марса. Первая часть — изложение и анализ фактов. Вторая часть — эскизный план необходимых мероприятий и сформулированное мнение автора... Не желаете ли послушать для примера?

«Марсианский год такой-то, сезон $\frac{2}{3}$, период 6, день третий.

Вернувшись с конференции, я обнаружил, что жена нахлобучила на голову сабу-кинэ (примечание: демонстратор грез) и пребывает в состоянии восторженности. «Послушай,— сказал я.— Большие новости. Сейчас не время предаваться грезам».

Она не отозвалась. Тогда я без лишних слов выключил сабу-кинэ и стащил с нее колпак. «Что ты делаешь! — раздраженно вскричала она.— Оставь меня в покое!»

Затем, оглядев меня, она с изумлением спросила: «Погоди-ка, с чего это ты среди белого дня разгуливаешь в одежде землянина? Или вместо конференции ты был на маскараде?»

«Ошибаешься,— возразил я.— Все дело в том, что сегодня на конференции меня решили отправить с миссией на Землю». «Неужели?» — удивилась жена. «И это еще не все,— продолжал я.— Решено также, что вместе со мною отправишься и ты». «Погоди, погоди... — ошеломленно проговорила она.— Но говорят ведь, что исследование Земли — это очень опасно!»

«Об этом никто ничего не знает. Известно только, что

за последние десять лет туда были отправлены тридцать два посланца, и ни один не вернулся. Но я не думаю, чтобы виноваты в этом были земляне. Они совсем такие же, как мы, и вряд ли могут оказаться чудовищами и варварами».

«Тогда какая-нибудь страшная болезнь?»

«Есть и такая теория. Руководство в общем на нее и ориентируется. Но о природе этой болезни нельзя пока сделать никаких предположений. Условились называть ее просто «земной болезнью». Что же касается нашей миссии, то она сводится к следующему. Во-первых, нам предстоит начать переговоры о создании на Земле нашей торговой станции. Мне сказали, что это очень важно и совершенно экстренно, потому что у них там со дня на день может начаться незаконная хулиганская потасовка с применением дальнобойных ракет. Во-вторых, мы должны выяснить, куда девались наши пропавшие без вести тридцать два посланца, а также установить истинную природу этой самой «земной болезни», приковавшей их к Земле...»

«Не нравится мне это, очень уж страшно».

«Но есть и еще одна теория — что причина «земной болезни» заключается в земных женщинах. Они совсем как марсианские и все же, возможно, чуть-чуть отличаются. Так не в этом ли самом «чуть-чуть» все дело? Не надо забывать, что до сих пор все наши посланцы были мужчинами».

«Фу, какая гадость!»

«Вот, учитывая такие обстоятельства, конференция и решила послать на этот раз пару — мужчину и женщину. Мой номер будет тридцать три, твой соответственно тридцать четыре. Вот женская земная одежда. Примерь, и мы посмотрим, подходит ли она тебе».

«Сезон 2/3, период 8, день первый.

Прошел без малого целый период. С помощью гипнопедии мы овладели японским языком. Наступил день старта. Мы с женой заняли места в кабине принудительного транспозитора живых организмов. (Примечание: особое устройство для переброски живых организмов в места, не оборудованные приемными станциями.)

Контролер объявил, что началась настройка аппаратуры, а тем временем на экране появилось изображение места назначения.

«Земля...— произнес контролер.— Токио, столица Японии... Поздняя ночь... Двор начальной школы, вокруг ни души... Выбрано наиболее безопасное место, где нет почти никаких препятствий. Чтобы устранить возможность столкновения с чем-нибудь вроде бродячей собаки, пункт прибытия поднят над поверхностью почвы на восемьдесят три сантиметра... Прошу иметь это в виду, будьте осторожны, не упадите... Остается три минуты. Надеюсь, вы ничего не забыли...»

Собственно, забывать-то было нечего. Пачка фотографий с марсианскими ландшафтами да кое-какие мелочи личного характера. И еще японские иены. Кажется, на Земле с помощью денег можно решить любую проблему.

Вспышка красной лампы возвестила, что включилось антигравитационное устройство. (Примечание: до изобретения антигравитационного устройства можно было осуществлять только транспозицию минеральных тел, не подверженных искажениям из-за гравитационных сил. Живые существа испытывали мощные деформирующие напряжения, что приводило к внутренним кровоизлияниям и разрывам. Мгновенные гравитационные скачки от нуля до нормы и обратно вызывали те же последствия, что и ускорение в космических ракетах в период запуска. А после изобретения антигравитационной подушки стало

возможным перебрасывать на Плутон даже сырые яйца.)

Гравитация упала до нуля, и начался отсчет секунд. Жена простонала: «Мне плохо...» Ей ввели пять миллиграммов производного от бензоциазепина.

Осталось десять секунд... Наконец, началось скольжение по сдвигу во времени. (Примечание: транспозиция основана на принципе дискретности времени. Время не непрерывно. Это своего рода энергетическая волна, совершающая простое гармоническое движение от положительного направления к отрицательному и обратно. В нормальных условиях каждому из этих направлений соответствуют свои реальности, причем положительному направлению времени соответствует наша реальность, а отрицательному — некая антиреальность. Вот почему наблюдателю, принадлежащему нашей реальности, время представляется непрерывным. Волны времени по сравнению с волнами материи менее стабильны. Волны материи не интерферируют, пока не достигают световых скоростей, а вот многомерные волны времени интерферируют сравнительно легко, тогда они изменяют периодичность, и бывает, что у них с волнами материи возникает отставание по фазе. Тогда мы наблюдаем рождение и разрушение элементарных частиц. Транспозитор является устройством для искусственного создания таких сдвигов по фазе. Между моментом сдвига и моментом нового совпадения, который нетрудно рассчитать, образуется своеобразный тоннель во времени. Материальное тело, помещенное в такую фазовую дыру, может быть мгновенно перемещено сколь угодно далеко в пространстве. Впрочем, выражение «мгновенно» несколько неточно. В самих волнах времени время не течет, и естественнее рассматривать транспозицию как передвижение со сверхсветовой скоростью.)

Скольжение по сдвигу постепенно ускоряется. Жена повторяет: «Мне плохо...» Я тоже страдаю. Мы оба терпеть не можем путешествий, опыта транспозиций у нас почти нет, если не считать обычных переходов от одной станции к другой, и скольжение по сдвигу во времени, характерное для принудительной транспозиции, вызывает у нас чувство, словно сердце трут на стиральной доске. Сил нет терпеть. Мне кажется, будто наши тела рассечены на полосы, как искаженное помехами изображение на телеэкране.

Мигание красных, голубых, зеленых ламп, голос контролера, отсчитывающий секунды, все медленно исчезло, растворилось во мраке за воротами мгновения... и мы, держась за руки, шлепнулись во дворе начальной школы. Сила тяжести превосходит воображение. Самочувствие как в скоростном лифте, стремительно несущемся вверх. Мы немедленно принимаем тонизирующее для мышц.

Как это ни странно, царило полное безветрие. Стала очевидной ошибка некоторых наших ученых, утверждавших, будто Земля — это планета бурь. (Примечание: на фотографиях Земли почти всегда видны колоссальные водовороты туч, и отсюда был сделан поспешный вывод, что на этой планете постоянно дуют свирепые ветры.) Земная ночь была тиха и спокойна.

— «Ну и вонища!» — воскликнула жена, зажимая нос. Да, может быть, это и был «аромат благоуханной Земли», о котором мы столько слышали, но являл он собою, честно говоря, порядочное зловоние. Оно с несомненностью свидетельствовало об изобилии в почве экскрементов червей, насекомых и прочих тварей, а также выделений огромного количества почвенных бактерий. На Земле, вернувшись с прогулки, необходимо сразу же вымыть руки и прополоскать горло...»

— Погодите минутку,—с нарочитой медлительностью, предвкушая несомненную победу, проговорил я. Язык мой заплетался от злорадства. Карты гостя были теперь у меня как на ладони.— Нехорошо, конечно, с моей стороны прерывать ваше повествование, да еще на самом интересном месте, но... Понимаете, к сожалению, этому вашему дневнику очень трудно поверить... Да вы и сами, впрочем, не надеялись, что я поверю... Противоречие, понимаете ли. Да, назовем это противоречием. В этом вашем дневнике есть некое коренное, ничем не оправданное противоречие. Насколько я замечаю, дневник написан на самом обыкновенном японском языке. Но почему? Если вы писали его для представления правительству Марса, то не естественнее ли было бы писать его сразу по-марсиански? Или, может быть, у марсиан вообще нет своего языка?

Мой гость, выпятив губу, сделал молниеносное движение, как бы стремясь прикрыть собою рукопись, но тут же взял себя в руки. Выставив перед лицом указательный палец, он весело прошептал:

— Атитобити кути ратта кутибири бири абиратти битикути биридаккунорэти кути...

Я не ручаюсь, что воспроизвожу его лепет в точности, но говорил он примерно так — льстивым ласковым шепотком. Я оторопел, а он, прищурясь, продолжал по-японски:

— Так звучит по-марсиански фраза «я вижу, это вас серьезно беспокоит». А на местном языке я писал потому, что мой доклад — секретный. Коль скоро написано по-японски, любой человек примет его за бред умалишенного, больного «марсианской болезнью», и не придаст ему никакого значения. А напиши я по глупости на мар-

сианском языке, рукопись сразу же бросилась бы в глаза. Языки ведь тоже гомеоморфны, расшифровать такую рукопись на электронной машине ничего не стоит. Хвост пусть торчит, лишь бы голова была спрятана.

— Ладно, пусть будет так, — произнес я, рассерженный тем, что опять промахнулся. — Но ведь как раз в этом вы и заинтересованы. Вы же специально прибыли сюда для того, чтобы заставить нас, землян, признать существование жителей Марса...

Лицо его приняло замкнутое выражение. Мне даже показалось, что оно как-то ссохлось.

— Мы — не воинственная раса, — угрюмо сказал он. — Мы всеми силами стремимся не причинять зла другим народам. И меньше всего — землянам, которые совсем как мы...

— Что вы имеете в виду?

— Поскольку вопрос секретный, я не вправе его касаться, но... Представьте себе, например, следующее положение. В Токио съехались члены тайной фанатической организации, владеющие искусством гипноза, и ждут только сигнала, чтобы одновременно начать действовать, причем никаких способов распознать их нет. К чему это приведет?

— Вряд ли у марсиан могут быть такие планы.

— Разумеется. И представьте себе еще, что миссия, которой облечена эта группа фанатиков, состоит в том, чтобы, скажем, заставить все население одновременно чихать или зевать.

— Вот уж это ерунда!

— Погодите, дело ведь не в том, что они собираются предпринять. Дело в том, что если только люди узнают, что среди них, рядом с ними существуют неуловимые и неотличимые фанатики, они перестанут доверять друг другу, примутся друг друга разоблачать, клеветать друг

на друга, и в конце концов вся страна превратится в настоящее логово тайной полиции. И в конечном счете она рухнет, как источенная термитами стена, оттого что кто-нибудь чихнет. Признавшись, что марсиане — совсем как люди, мы рискуем вызвать у землян необратимое самоотравление.

— Тогда зачем вы заставляете меня выслушивать всю эту болтовню? Раз вы сами сознаете свою опасность для нас, вам следовало бы поскорее, без всех этих ваших lamentаций, убраться восвояси, не правда ли?

— Нет, это тоже невозможно. Не забудьте, ведь у меня есть моя миссия. Я не могу вернуться, пока не исчерпаю всех шансов заключить торговый договор.

— Не понимаю. Вы же только что утверждали, что контакт причинит нам вред...

— Вот именно. И потому есть только два выхода. Первый — присоединить Японию к Марсианскому союзу. Таким образом японцы перестанут быть совсем как марсиане и сделаются настоящими марсианами.

— Абсурд. Это же агрессия.

— Я знал, что вы так скажете, и согласен с вами. — Он самоуверенно прищурился, затем кашлянул и продолжал: — Но есть и другой способ решить эту проблему... Он сводится к тому, что мы вообще не появляемся на сцене, а действуем через своего представителя из землян. Мы выворачиваем наизнанку тезис о том, что марсианин — совсем как человек. Получается довольно нелепо, согласен, но все искупится милой и доброй фантастичностью общей картины. Запад есть Запад, Восток есть Восток, все могут спать спокойно. Ни у кого никаких претензий, не правда ли? И тут мы подходим к главному вопросу. Могу ли я просить вас, сэнсэй, согласиться на пост представителя марсианского правительства?

—Чепуха. Это совсем не в моем характере. Вы ошиблись в выборе.

— Перспективы торговли с Марсом безграничны, вы это поймете, когда приметесь за дело. Что же касается вознаграждения, сэнсэй, то оно не идет ни в какое сравнение с теми крохами, которые платят за радиопередачи, рукописи и тому подобное.

— И все же вы ошиблись в выборе. Для такого дела вы найдете отличных специалистов где-нибудь в министерстве иностранных дел или в министерстве внешней торговли...

— Да ходил я туда. Еще в те времена, когда ничего не знал, когда душа моя была исполнена наивной веры в то, что наше «совсем как» является залогом дружбы и взаимопонимания. И всюду я натыкался на кулаки швейцаров. Швейцары избивают членов иностранной миссии — право, этого вполне достаточно для разрыва дипломатических отношений...

— Мне очень жаль, что вы переоценили меня. Я ведь тоже чуть-чуть не избил вас, а кроме того, я вам не верю и не поверю никогда.

— Погодите, ну как же это...

— Только не надо выяснять отношения. Вы все время пользуетесь моей слабостью. Если бы вы только знали, как я лез вон из кожи, пытаюсь найти с вами общий язык...

— Ну да, ну еще бы... Вы действительно лезли вон из кожи, стараясь мне не поверить. Это я никак не мог не отметить. Поймите, если бы мне нужен был просто эксперт-бухгалтер или виртуоз-счетовод, я бы уже давно решил эту проблему при помощи денег. Но мне во что бы то ни стало нужен представитель целой планеты! Человек, способный на топологическую оценку обстановки! Он должен, естественно, сознавать, что он — совсем как марсианин. Весь вопрос в качестве этого сознания.

Ну, еще одно усилие. У меня такое ощущение, сэнсэй, будто я все-таки проделал крошечную щелку в вашей плотине. Продолжим чтение дневника?

— Погодите немного. Я бы хотел сказать вам еще несколько слов.

Я принял по возможности вызывающий вид. Впрочем, в глубине души мне не очень-то хотелось касаться этого вопроса. Волны времени, волны материи — придумано было неплохо, и я не мог удержаться от чувства профессиональной ревности. Разумеется, я не сомневался, что это — чистейшей воды вранье. Естественность, с которой мой гость бросался этими терминами, не могла ни на йоту поколебать меня. Передо мной был либо жуликоватый сумасшедший, либо сумасшедший жулик. Но тем самым я молчаливо признавал, что он является настоящим виртуозом вранья. Далеко не всякий способен походя придумать такую стройную и упорядоченную ложь. И если я разоблачу этого больного марсианской болезнью, он упадет на меня, и еще это разоблачение нанесет удар по моему чувству собственного достоинства... Так стоит ли?

— Я слушаю вас, сэнсэй... Что вы хотели сказать?

— По поводу пресловутых комментариев в вашем дневнике. Я понял так, что для вашей братии в марсианском правительстве все эти транспозиторы и прочие штуки являются делом обыденным и повседневным. Комментировать их, как если бы доклад был написан для землянина, это все равно, что читать проповеди Будде. Вы себя выдали с головой. Как бы вы ни страдали от марсианской болезни, а хвостик землянина в конечном счете нет-нет да и выглянет где-нибудь. Весьма вам сочувствую. Искусство дурачить, знаете ли, все-таки требует определенных навыков.

Но мой гость и глазом не моргнул. Он сказал как ни в чем не бывало:

— Комментарий, разумеется, предназначались для вас, сэнсэй. Ведь вы — землянин, но если станете представителем Марса, то будете уже наполовину марсианином. А как только вас назначат на правительственную службу, вы сделаетесь нашим начальством, и поэтому...

И так каждый раз. Ему бы открыть специализированный магазин «Все для желающих увильнуть», он бы отменно преуспел. Я почувствовал огромную усталость, как путник в пустыне, измученный миражами, мне захотелось плюнуть на все и лечь, и я проговорил:

— Ну, хорошо, понятно... Послушайте.. Вот эта фраза: «принцип дискретности времени»... откуда она взялась?.. Где вы ее откопали?

— В каком-то учебном пособии для наших марсианских институтов...

Где-то в моей нервной системе произошло короткое замыкание. Запахло горелым. Стрелки на вольтметрах моих эмоций дернулись.

— Какое это все-таки странное сочинение! Никак не пойму, то ли ребенок его написал, то ли шутник. Во-первых, оно не содержит ничего похожего на характер. Говорят, что литература раскрывает лицо автора, и ваше произведение полностью изобличает вас как человека, на которого полагаться нельзя...

— Вот как?— Он скосил глаза, облизал губы и произнес довольным тоном:— В сущности, это... Мне, право, неловко... Понимаете, я стремился копировать стиль одного знаменитого романиста...

Теперь задымилась вся изоляция на моих нервах. Отсветы пламени на моей коже ширились, образуя узор наподобие географической карты. Я знал, что чем яростней буду расчесывать эти болячки, тем больше уязвимых мест открою для своего противника, но не чесаться я не мог.

— Хорошо, сделаем одну уступку, пусть вы действительно оказались в бедственном положении, как вы утверждаете. Но не странно ли, что вы все время упираете на свои самые слабые стороны, на то, например, что вы — совсем как человек? Почему вы только жалуетесь? Почему не представляете более убедительные доказательства? Неужели единственное, что вы можете предъявить — это ваше собственное тело? Мы, например, когда отправляемся в заграничную поездку, всегда задумываемся, какие взять с собой сувениры. Сколь ни обычны предметы первой необходимости, они всегда несут на себе отпечаток создавшей их культуры. В каждой стране они свои. И вы, естественно, перед отправлением тоже должны были позаботиться о чем-либо в этом роде.

— Так оно и было, разумеется... — Он благомерно, словно пай-мальчик, опустил глаза и продолжал, потирая переносицу. — Проще всего можно было бы удостоверить мою личность, показав вам наше транспортное средство. Но, к сожалению, нашим транспортным средством является принудительная транспозиция, не оборудованная приемной станцией. Я бы показал ее, но она не имеет ни облика, ни формы. Да, я обсуждал с комитетом этот вопрос, и мы взяли с собой некоторые вещи, но все оказалось напрасно. Что ни говори, а земляне — большие искусники, они даже фальшивые деньги делать умеют. Честно сказать, я был просто поражен. Все, что есть у нас — кнопочные водопроводные краны, инструменты для электромассажа, современные стулья, женские купальные костюмы без верха, — все это есть и у вас...

— И все, о чем вы говорите, совершенно такое же, как на Марсе?

— Я и сам сперва решил, что это — случайное совпадение. Но совпадение оказалось только по форме, способ употребления у вас совсем иной. Так, например, кнопоч-

ные водопроводные краны на Марсе служат автоматами для превращения марок в разменную монету. Помнится, я был потрясен, когда впервые зашел в туалет при каком-то универмаге и увидел там ряды этих кнопочных кранов. Далее, инструмент для электромассажа является у нас одним из популярнейших музыкальных инструментов, а купальники без верха — это род белья, которое надевается под герметический костюм при выходе из купола. Стулья и на Марсе служат стульями, но вот ваше сверхмодное изделие «кяся», как я посмотрю, полностью соответствует марсианским требованиям при малой силе тяготения. Изучив этот вопрос, я, к своему изумлению, обнаружил, что все эти вещи-двойники появились у вас на протяжении последних десяти лет... А надо помнить, что именно десять лет назад прибыл на Землю мой великий предшественник, посланец номер один...

— И с тех пор посланцы Марса прибывали к нам по трое каждый год и доставляли на Землю образцы марсианских товаров.

— На этот циничный выпад, сэнсэй, я отвечать не желаю. Впрочем, у меня тоже есть с собой один незначительный образчик. Хотите взглянуть? Когда я брал его, был полностью уверен... Ага, вот он... Ну, какое у вас впечатление?

Он вытащил из своего портфеля и поставил на стол обыкновенный игрушечный автомобильчик величиной со спичечный коробок.

— По-моему, это просто пластмассовая игрушка, — сказал я.

— Отнюдь нет... Это — благородное произведение искусства, созданное мастерами школы игрушечников «Той арт». Объектом этой школы является невозможное, то, что не может бытовать в реальном мире. Так, этому шедевру присвоено название «Ужас бытия». И если бы иг-

рушкисты услышали, что это всего лишь пластмассовая игрушка, они бы от ужаса слегли с высокой температурой.

— Уж лучше бы вы взяли с собой настоящие пластмассовые игрушки...

— Увы, игрушки я совсем упустил из виду... А теперь взгляните вот на это... Я понимаю, конечно, что толку будет мало, но все-таки..

Он не без колебания протянул мне потертую на углах черно-белую фотографию размером с визитную карточку. Да, это было настолько обыкновенно, что я даже не сразу уразумел, что это такое.

— Позвольте... Это же обыкновенная телефонная будка...

— Действительно, к сожалению, очень похоже, но совершенно не то. Перед вами — транспозиционная станция, которую должно по праву называть основой марсианской цивилизации. Оформление тоже заимствовано вами.

— Но там внутри я вижу самый настоящий телефонный аппарат.

— Ужасно, не правда ли... И вдобавок, пользуются им точно так же, как у вас... Берут трубку, набирают номер, вызывают нужную станцию и, убедившись, что она свободна, вкладывают монету в щель справа. Включается антигравитационное устройство, раздается звонок... и в тот же момент вы оказываетесь на станции назначения.

Вторая фотография, которую он мне протянул, напоминала кадр из какого-то научно-фантастического фильма. Фильм этот я, по-моему, видел. Но ворчать по поводу обворованного режиссера было бы, вероятно, глупо, и я решил в свою очередь нанести упреждающий удар.

— Ну, о склонности землян к подделкам не будем больше говорить. Но ведь есть вещи, скопировать которые совершенно невозможно.

— Например?..

— Например, марсианские собаки, марсианские птицы, марсианские свиньи... и другие живые существа... Не станете же вы утверждать, что все они тоже совсем как наши? Это было бы уже натяжкой...

— Вы мне льстите.

— Ладно, пусть вы не взяли с собой свинью. Но как насчет образцов насекомых? Или они тоже были бы слишком тяжелы для вас?

— Честно говоря, у нас их нет.

— Нет?

— Мы ведь не коренные марсиане. Как вам известно, воды на Марсе слишком мало, и условия для эволюции животного мира там не очень подходящие. Мы переселились на Марс семь поколений назад с какого-то очень далекого светила. Мы не взяли тогда с собой никаких живых существ, переселились одни только люди. У нас уже была техника искусственного синтеза белка из нефти, так что в разведении домашнего скота мы не нуждались. Кажется, был только спор, брать с собой цветы или нет...

— Вот где вы, наконец, попались. Искусственный синтез белка — это ладно, а вот где вы брали для этого сырье, откуда у вас взялась нефть? Вы будете уверять меня, будто ваши почтенные предки семь поколений назад привезли ее с этой далекой планеты столько, что вы до сих пор все не израсходовали? Бросьте, не валяйте дурака. Я ведь не такой уж наивный дилетант. Марс — мертвая планета. Более того, это планета, на которой никогда не было жизни. И ни угля, ни нефти там нет и быть не могло.

— Совершенно справедливо, — пробормотал мой гость. Он зажал ладони между коленями и принялся раскачиваться взад и вперед. — Но это так бестактно с вашей стороны, сэнсэй... Такая злость... Это удар по самому слабому месту!

— Я же вам говорил, что искусство дурачить требует определенных навыков.

18

Эффект получился изрядный. Кажется, я его все-таки прикончил. И вот я гляжу на него, как на человека, который не выиграл по лотерейному билету, и к горлу подступает тошный смех, состоящий в основном из злости и отчасти из жалости. Трудная победа, достигнутая ценой жестоких унижений, оставляет во рту неприятный привкус. Всего-то и было, что бесплодная драка, после которой остается только вымести вон прихлопнутую муху. Но победителю надлежит быть великодушным: прежде чем вымести, остается еще облагодетельствовать побежденного сигаретой.

От сигареты, однако, мой гость отказался. Опустив ладони между колен и продолжая раскачиваться, он, как бы оправдываясь, едва слышно пробормотал:

— Причем же здесь дурачить... ничего подобного... Просто есть вещи, которые можно говорить в лицо, а есть такие, что нельзя...

— А чего мне с вами стесняться?— возразил я, пуская к потолку струю дыма. Мысленно я потирал руки, я развлекался, предвкушая, как он будет расхлебывать эту свою кашу. И вдруг он резко засмеялся и торопливо заговорил:

— Действительно, чего нам с вами стесняться? Если вы будете дружить со мною до конца, сэнсэй, то можете говорить мне все, что вам угодно. Так вот... Этот принудительный транспозитор... Видите ли, он действует и в обратную сторону. Раз в месяц в одном определенном месте в условленный час открывается и ждет нас тоннель во времени. Если бы не это, мы были бы здесь до сооружения станции все равно что в ссылке. И таким образом...

пользуясь обратным действием принудительного транспорта... Впрочем, вы уже поняли, сэнсэй, не так ли?

— Занимаетесь грабежом?

— Ну, это как сказать. Ведь мы добываем ископаемые только на материковых отмелях, а они не принадлежат к чьим-либо акваториям, они не являются чьей-нибудь собственностью. Кроме того, мы берем воздух определенной температуры, морскую воду и еще немного льда из Антарктики. Вряд ли это можно назвать грабежом, как вы считаете? Да если хотите, я мог бы сейчас доказать вам, что мы действуем на вполне законных основаниях... Впрочем, если нашему правительству удастся заключить официальные торговые соглашения со всеми вашими странами, оно готово полностью возместить стоимость всей взятой воды и всего взятого воздуха. И я говорю вам это не для того, чтобы корчить из себя пай-мальчика. Наши материальные интересы — это само собой... Но вот представьте себе на минуту, что при нынешнем положении ваши земляне высадились на Марсе. Теперь их очередь болеть «топологическим неврозом», теперь их, осыпая насмешками, погонят в могильник для умалишенных. А если так, то это уже проблема гуманизма. Мы не можем сбросить ее со счетов. При нынешнем положении нам остается либо просто покинуть Марс и исчезнуть из-под носа у ваших соотечественников, либо стараться всеми способами помешать вашим ракетам совершить посадку. Вред от стихийного контакта между землянами и марсианами уже сейчас виден невооруженным глазом. Пакт между нашими планетами в настоящее время является насущной необходимостью и с материальной, и с духовной точки зрения. Короче говоря, вопрос сводится вот к чему: насколько велика будет роль представителей на наших планетах? Если вы станете представителем Марса, сэнсэй, вам нечего опасаться, что вы этим себя унизите.

Напротив, на обеих планетах вас будут почитать как великого человека. Поэтому, сэнсэй, я очень рассчитываю на ваше согласие.

Так, не успел я и глазом моргнуть, мы вернулись к тому, с чего начали. Только на этот раз его назойливость, превратившая разговор в заезженную граммофонную пластинку, вызвала у меня чувство, будто я насекомое, отравленное дезинсекталем. Этому насекомому уже сдохнуть пора, а оно все подпрыгивает, жужжит и насккивает на противника. Я мельком подумал о том, что, дав согласие, тем самым положу начало новым чумовым выходкам, и из просто-идиота превращусь в идиота пляшущего... Эх, вцепиться бы зубами в этот распухший нос, то-то у него глаза бы на лоб полезли, эти шныряющие по сторонам глаза... Или в этот пупырчатый кадык, который так нервозно дергается вверх и вниз... Да куда уж мне! Даже не пытаюсь скрыть свое угнетенное состояние, я проговорил:

— Радио, что ли, включить... Может быть, передадут какие-нибудь новости о ракете...

— Новости?— оскорбленно вскричал он.— Да какие могут быть новости? Вся эта затея обречена на провал. Если на том месте, где села ракета, было что-нибудь заслуживающее внимания, то там либо бросили атомную бомбу, либо срочно все эвакуировали. В любом случае ракета передаст только изображение пустынной равнины, красного железняка.

Затем, словно вспомнив что-то, он взглянул на часы.

— А что, сейчас должны передавать новости?

Я тоже непроизвольно поглядел на часы, и вдруг ощущение реального времени, словно прорвав плотину, горным потоком обрушилось на меня. Беспокойство за жену медленно подняло голову и сдавило мне горло.

— Что такое? Уже сорок минут прошло?

— Совершенно верно. И это слишком много, если принять во внимание, сколько мы прочитали.

Все из-за тебя, злобно подумал я. Впрочем, это был хороший повод, чтобы со всем покончить, и я вскочил, едва не опрокинув стул.

— Да, надо, пожалуй, идти.

— Я ведь это с самого начала предлагал, сэнсэй...

Он медленно занялся своим портфелем, и я как завоженный уставился на него. Нет, дело было не только в моем расстроенном воображении. По его сжатым губам было видно, что он едва удерживается от смеха. Мне определенно не нравилось, что он старается скрыть торжество. Можно было подумать, будто он только и ждал момента, когда я сам предложу идти. До сих пор все ловушки, которые он мне подстраивал, были только на словах. Теперь же положение несколько изменилось. Что он замышляет, этот тип? Табачный дым ел глаза, было тяжело и беспокойно, хотелось идти и хотелось не двигаться с места.

Мой гость положил рукопись поверх портфеля, сунул все под мышку и, только что не понукая меня, нетерпеливо ринулся к выходу. Но перед самой дверью он внезапно остановился и резко повернулся кругом. Я едва не налетел на него. Мы стояли так близко друг к другу, что я не разобрал выражения его лица.

— Сэнсэй,— заговорил он неприятно возбужденным тоном. — Вы снизошли до согласия посетить меня, что для меня большая честь, даю слово. Это я откровенно, без преувеличения... Взгляните мне в глаза, и вы убедитесь, что я совершенно серьезен... И именно поэтому мне очень не хотелось бы, чтобы у вас сложилось потом дурное впечатление...

— Не понимаю, о чем вы... — Я невольно отступил на шаг.— Вас что, одолевает страх за будущее?

— Я хочу, чтобы все обошлось хорошо. Но ведь никогда нельзя быть уверенным, как сложится обстановка. Я не знаю, что она мне может сказать. Знаю только, что исполню все, что бы она ни сказала. Например... Ну вот, например... Если она прикажет мне взять вас, сэнсэй, и засунуть в ванну прямо в одежде, то я, как это ни прискорбно, буду вынужден сделать это.

— А, это вы о своей супруге... Ничего, не беспокойтесь. Я дойду с вами только до двери и там откланяюсь.

— Нет, так нельзя. Жена на это нипочем не согласится.

— Да мне надо только узнать о своей жене, больше ничего...

— Это неважно. Если она захочет, чтобы вы вошли, мне придется ввести вас хотя бы против вашей воли. Одним словом, сэнсэй, давайте не будем сейчас ссориться... Я просто хотел заранее предупредить вас... Сделайте милость, не перечьте ни в чем моей жене...

— Но если ваша супруга... если она верит этому вашему докладу... Не может же быть, что она тоже марсианка... тоже такая же эксцентричная особа, как вы...

— Она живет на верхнем этаже, всего в минуте ходьбы от вас, и тем не менее обманула вас насчет тридцати минут... И это бы еще ничего, но она вдобавок задержала у себя вашу супругу...

— Конечно, я признаю, что нас-таки здорово подвели, но этому должна быть какая-то причина. Настоящая причина, а не абсурд какой-то...

— Абсурд, не абсурд — все это понятия относительные.

— Вы поразительно непоследовательны. Ведь если вы утверждаете, что ваша супруга — сумасшедшая, вы тем самым признаете, что вы тоже не в своем уме!

— Непоследователен... Непоследователен... — стону-

щим голосом проговорил он, уставясь на меня. Затем он грубо швырнул портфель на пол и принялся торопливо листать свою рукопись мокрыми от пота пальцами.

— Достаточно, — спохватился я. — Я уже все понял! Давайте оставим остальное до вашей квартиры.

Но он уже нашел нужную страницу и принялся читать ясным голосом, с торжественным выражением, словно зачитывал текст присяги.

«Сезон 3/3, период 2, день сороковой.

Когда я вернулся сегодня, усталый и совершенно подавленный после очередной неудачи, жена гладила белье. Она спросила, не оборачиваясь: «Как дела?» Напившись воды, я ответил: «Из рук вон скверно. Письмо не пришло?»

Она сказала, что не пришло, и я ворчливо продолжал: «Ну, решительно никакого просвета. Сегодня я подцепил одного философа и ученого из обсерватории, которые показались мне подходящими. Попробовал их прошупать. Обычные анкетные вопросы: существуют ли, по вашему мнению, марсиане...»

Жена вдруг насмешливо прервала меня: «Воображаю, как они на тебя смотрели!»

Я только улыбнулся. «Ничего, не волнуйся. Я здесь теперь как рыба в воде. Я действую полегонечку, уж меня-то не заподозрят». Жена пристально на меня посмотрела. «Ты сделал что-нибудь не то?» — спросила она. Я гордо объявил ей: «В нашем деле необходима строжайшая осторожность. Даже тебя подстерегают опасности и ловушки. Нам дано очень нелегкое поручение».

Жена поджала губы и озабоченно нахмурилась. «Я что-то не понимаю, о чем ты».

Странно, подумал я. Мною овладело беспокойство. «Чего ты не понимаешь? Твоя миссия заключается в том, чтобы проверить все лечебные заведения в стране и собрать информацию о случаях неврозов, когда пациенты

считают себя марсианами. Между прочим, что это за письмо, которое ты с таким нетерпением ожидаешь уже несколько дней?»

Лицо жены исказилось от ужаса. «Да что с тобой? — проговорила она. — Мы же страховые агенты...»

«Страховые агенты?» — вскричал я. И замолчал. Слов не было. Итак, ядовитое жало земной болезни в конце концов дотянулось и до нас. О, бедная моя жена! Ты искала и не могла найти наших больных земной болезнью и вот теперь заболела сама!

«Атебити курибити куритибари кути!»

Но мой призыв пропал вотще, он лишь оледенил ее губы. О жена моя, неужели ты забыла свою миссию? Неужели забыла свою родную планету, планету красных песков? И неужели исчезла из твоей памяти «Песнь посланца», о которой мы проговорили всю ночь напролет, когда я принес ее из лечебницы? Прости меня, я ведь понятия не имел о том, как ты одинока!

Клянусь, что муки твои не пропадут даром. Приняв на себя удар земной болезни, ты блестяще выполнила свою миссию. В качестве живого образца больного земной болезнью ты принесла себя в жертву на алтарь прогресса марсианской культуры. О Марс! Прославь в веках болящий дух моей дорогой супруги!

Да, я понятия не имел о том, как ты одинока. Не в глухих застенках сумасшедшего дома поразил тебя невроз, нет, земной болезнью можно заболеть просто от одиночества! Жена моя, клянусь, что сегодня твое одиночество окончилось. Я стану твоим рабом, дабы впредь ты больше не была одинокой. Я превращусь в робота, дабы земная болезнь споткнулась на тебе. Если случится мерзавец, которому ты пожелаешь раскроить череп, то прикажи мне. Если случится мерзавец, которого ты пожелаешь изрезать на куски, то прикажи мне. О жена моя!

Потерпи немного. Ты с блеском выполнила свою миссию, и я тоже не пожалею сил для выполнения своей. И тогда мы оба вернемся домой. Временной тоннель мигом перенесет нас на родной Марс. Мы оставим позади этот «совсем как ад» и — прощай «топологический невроз»!»

С кончика его носа на рукопись упала капля пота. Он поспешно стер ее рукавом и, взглянув на меня исподлобья, проговорил:

— Теперь вы понимаете? Я никому не позволю оскорблять мою жену.

— Бросьте вы, какие там оскорбления!

— Никто не смеет ей противоречить... Ни вы, сэнсэй, ни кто-нибудь другой... Ибо она уже до дна испила горький кубок адских мучений.

— Насколько я могу представить себе из этого вашего дневника, у вашей супруги весьма логичное помешательство. Если отбросить формулу «совсем как человек», никаких особых симптомов, видимо, не имеется.

Мой гость кивнул и раздумчиво проговорил:

— В конечном счете... Другими словами... То есть, вы хотите сказать, что она, возможно, вполне здорова?

— Вот именно... Понимаете, если это так, то трудно прийти к выводу...

— Говорите яснее. Если предположить, что моя жена — сумасшедшая, то получится, что я в здравом уме. Раз так, то, естественно, у вас не может быть серьезных оснований для отказа от поста марсианского представителя. Вот и прекрасно... Я, разумеется, чрезвычайно рад... Все мои дела на этом закончатся, я и жена с чистой совестью войдем во временной тоннель... Текст соглашения у меня уже подготовлен, вам остается только подписать...

— Нет-нет, к сожалению, меня больше устраивает версия, что ваша супруга вполне здорова.

— А тогда, сэнсэй, чего же вы опасаетесь? Если она

обыкновенная земная женщина, то чего вам бояться? Или у вас был какой-нибудь слишком уж болезненный опыт?..

— Ничего я не боюсь.

— Тогда пошли!

— Ладно. Пошли.

Мой голос прозвучал глухо, настороженно, напряженно. Где же все-таки ловушка? Гость, хихикнув, произнес:

— До чего же вы любезны, сэнсэй... Впрочем, вы сегодня доставили мне большую радость... Только вот устал я немного. Вы ничего не забыли?.. Сигарета у вас не погасла?

19

Итак, дело, кажется, подходило к концу. Вместе с этим странным человеком я перешагнул порог кабинета, и с этого момента судьба моя стремительно покатилась прямой дорогой, которая привела меня к безумному суду.

Вы, возможно, уже поняли, в чем заключалась их ловушка... где в этой загадочной картинке пряталась главная пружина всего механизма... и почему мне не удалось увернуться от расставленного капкана...

Говорят, чтобы спрятать большую ложь, лучше всего укутать ее целой тучей маленьких. Вероятно, на эту удочку я и попался. Путь продолжался не более двух часов, но весь он был покрыт опавшими листьями лжи. А я до последней минуты считал, что занимаю безопасную позицию стороннего наблюдателя... со сцены мне в глаза била ложь, будто платить за спектакль мне придется ровно столько, сколько он стоит... А я сам, своими руками, привязал себя к сиденью, которое и было-то главным механизмом ловушки...

Едва я покинул прихожую, как на меня обрушилось все изобилие дневного света, реальность бытия, повсе-

дневных условностей и повседневной скуки. Даже сырые, пронизанные ржавой вонью коридоры и лестничные клетки после моего кабинета, обиталища астматика и затворника, взбодрили и отрезвили меня, словно круто сваренный кофе. Я почти окончательно пришел в себя и был настроен благодушно, как будто прогуливался по улицам после кино. Я представить себе не мог, что лестница, по которой я поднимаюсь, ведет в иной мир и что спускаться по ней уже не придется...

Я и сейчас отчетливо помню все. Помню похожий на глыбу стекла столб желтоватого света из прямоугольного окна на лестничной площадке, помню в нем сложную структуру теней. Помню, как сокращались и растягивались складки на штанинах моего гостя, когда он неуверенно, совсем как водомерка, переступал со ступеньки на ступеньку впереди меня... Безымянные детали последнего для меня зрелища реального мира...

Затем белая дверь на третьем этаже, обозначенная буквой «В» — не просто белая, а с голубоватым оттенком, какой бывает у белой масляной краски. Эта дверь уже не была безымянной деталью. В ответ на звонок звякнула цепь, со скрипом повернулась ручка... И лицо этой женщины... Женщина с ослепительно яркими детскими глазами... Женщина, не знающая стыда, как кошка, незрелая, но трижды более взрослая, чем обычный взрослый... Она была настолько не похожа на ту, о которой читал и говорил мой гость, что некоторое время я не знал, как с ней держаться.

В то же время взгляд мой шарил по прихожей в поисках сандалий жены... Мне было бы достаточно сандалий... Это был бы знак, что она здесь... Но ее не было...

— Как ты долго... Он, наверное, очень помешал вам... — заговорила она, обращаясь сразу к нам обоим. Ее оживленный тон решительно никак не вязался с моим

беспокойством о жене, и тут я, честно говоря, махнул на все рукой, предоставив событиям идти своим чередом. Это была женщина явно от мира сего. Это была женщина-нейтрализатор, которая против кислоты оборачивалась щелочью, а против щелочи — кислотой и любое человеческое чувство превращала в инертный газ. Видимо, не стоило опасаться, что я забуду о нелепых настояниях моего гостя ни в чем ей не противоречить.

Впрочем, как только меня провели в гостиную... Если бы меня спросили, почему я не повернулся и не ушел, я мог бы только ответить, что уходить было не из-за чего... Лишь одно странное обстоятельство насторожило меня.

Предложив мне дзабутон *, женщина повернула в мою сторону вентилятор, включила его и сказала мужу:

— Все в порядке, можешь пойти принять душ.

Тогда мой гость украдкой приложил палец к губам и подмигнул мне с видом сообщника... И снова я ощутил во рту противный вкус пластмассового печенья. Но женщина, проводив его взглядом, тихонько засмеялась.

— У него, наверное, самый настоящий бактериальный психоз, — проговорила она. — Вернется домой и не успокоится, пока не вымоет рук.

Хозяин и гость поменялись местами. В этой гостиной, до предела заполненной ветром и светом, не было места магии опасностей и неожиданностей, здесь было царство бумажных кукол. Куклами, наверное, развлекалась женщина. Только ей могли быть дороги эти наивные и аляповато раскрашенные бумажные игрушки, которые висели, лежали и танцевали по всей комнате. И мне стало казаться, что вот теперь вся магия развеялась, как дым, и мой гость сделался таким же странно унылым и ни на что не годным, как маленький бумажный человечек, и не-

* Квадратная подушка для сиденья. — *Прим. перев.*

счастливая женщина держит этих скучных бумажных чело-
вечков вместо золотых рыбок.

— Может быть, прохладительного... — приподнимаясь
с места, заговорила женщина, но я перебил ее:

— Это ничего, что он был у меня так долго. Не имеет
значения. А вот не надоела ли вам моя жена? Как-никак,
минут сорок или пятьдесят...

— Ах, она у вас такая милая... — женщина расцвела
улыбкой и хлопнула в ладоши. — Вы ведь тоже ужасно
добрый, сэнсэй, вы так подходите друг к другу.

— Значит, она все-таки посетила вас?

— Вы на меня сердитесь, сэнсэй?.. Вы, конечно, ду-
маете обо мне нехорошо... Сказала, что приду за ним че-
рез тридцать минут...

— И солгали. Никогда бы не подумал, что вы занима-
етесь такими глупостями. И вообще, может быть, вы мне
скажете, с какой целью вы подняли весь этот тарарам?

— Вот ваша супруга очень хорошо это поняла. Что
же, женские заботы у всех одинаковы. Видите ли, на мо-
его мужа положиться совершенно невозможно, но ведь
не собака же он, не могу же я его оставить. И вдобавок,
раз уж мы вместе живем, я все-таки женщина и я его
люблю...

— Говорите, пожалуйста, конкретно. С какой целью
вы меня обманули?

— Потому что мне его жалко.

— Жалко?

— Ему так нужен товарищ! Все равно кто. Ему необ-
ходим собеседник.

— Ладно, пусть будет товарищ.

— Но если бы вы не стали с ним разговаривать, сэн-
сэй, вы бы не сделали его собеседником...

Через полуоткрытую дверь слышался шум воды,
льющейся из душа. У этой женщины блузка была какого-

то странного романтического покроя, она царапала мои нервы, как бормашина — десну.

— А почему этим должен заниматься именно я?

— Об этом я особенно не задумывалась. Просто сегодня утром он услышал сообщение о ракете и страшно разволновался. По-моему, он испугался, что все его мечтания пойдут прахом. А он же человек, ему захотелось поговорить, поделиться. Ему необходим был товарищ, все равно кто. Ребенок, например, если ему не с кем играть, начинает плакать.

— И моя супруга со всем этим согласилась?

— Да, мы с нею чуть не расплакались вместе.

— Экий вздор! Вы уж совсем зарапортовались...

— Ну, насчет того, чтобы вместе расплакаться, я, может быть, немного преувеличила.

— И куда она ушла?

— Этого она мне не сказала... Она только сказала, что пойдет немного прогуляется, пока мой муж у вас, чтобы дать бедняге возможность выговориться...

— Глупости! Уж свою-то жену я хорошо знаю. Не такая она лицемерка, чтобы жалеть голодного пса больше, чем голодного человека.

— Так уж и пса... Впрочем, в сердце своем женщина всегда остается женщиной.

— Вы ничего не понимаете, сударыня... — проговорил я. Нарастающий гнев перекачивался у меня во рту, как таблетка от кашля. — Да, ничего не понимаете... Не знаю, такой ли он жалкий человек, ваш супруг, каким вы его считаете, но он странный человек. Если хотите знать, он в высшей степени самоуверен и упрям. Он — превосходный софист, а это, согласитесь, как-то не вяжется с поврежденным умом.

— Но ведь он так одинок...

— Сударыня, вы знаете, что такое топология?

— Кажется, было такое лекарство из водяных жуков...

— Безнадежно. Топология есть фазовая геометрия, и ваш супруг разбирается даже в этой области. Жалеть такого человека просто смешно. Как это нелепо с вашей стороны, сударыня, — испытывать жалость к такому мощному мозгу.

— Да ведь он серьезно верит, будто он марсианин.

— Ну и прекрасно! Конечно, если у вас есть основания недвусмысленно утверждать, что это не так... Только не надо голословных утверждений... Честно говоря, если поразмыслить, будет трудновато решить, то ли ваш супруг — землянин, заболевший марсианской болезнью, то ли вы — марсианка, заболевшая земной болезнью...

— В диагнозе из лечебницы черным по белому написано, что мой муж болен.

— Ну и что же? В лечебнице вашего супруга принимают за землянина, поэтому там и решили, что он сумасшедший. Своего рода предубеждение.

— Да человек же он...

— Согласен, «совсем как человек»... Но ведь доказательства, что он не марсианин, тоже нет!

— Глупости это...

Ее круглые, как у рыбы, глаза с узкими зрачками широко распахнулись, как бы умоляя о спасении, и по контрасту все остальное, вместе с ее простодушным бесстыдством, мигом увяло и начало съеживаться. Монотонно шумела вода из душа. С горящей от страшного напряжения головой я ринулся в поток садистского упоения.

— Нельзя же обо всем в мире судить по внешнему виду. Если бы вы древнему человеку сказали, что кит — не рыба, он бы посмотрел на вас, как на сумасшедшую.

— Как же так, сэнсэй... У вас получается, что и я, может быть, марсианка...

— Вполне возможно. Или у вас, сударыня, есть весомые доказательства, что это не так? Вряд ли. А коль скоро доказательств нет, возможность всегда остается.

— Как странно. Но тогда вы тоже не можете утверждать, что вы не марсианин, заболевший земной болезнью.

— Естественно. Фактически у меня нет никаких доказательств, что я не марсианин.

— Довольно... Вас просто слушать страшно.

— Вы слишком нетерпимы, сударыня... А еще супруга марсианина!

И вдруг она выпрямилась, сцепила руки перед грудью и завопила, как кошка. От неожиданности я решил было, что она ударилась в истерику, но тут вопль перешел в торжествующий хохот, и до меня, наконец, дошло: никому другому, а именно мне следовало бы хорошенько переварить сказанные мной же слова о том, что нельзя судить по внешнему виду.

— Как это славно... встретить такое... такое понимание, сэнсэй!...— проговорила она пронзительным, прерывающимся от смеха голосом. Затем, взглянув куда-то позади меня, она сказала:— Все прошло, как по маслу. Значит, какие-то шансы у нас есть.

И голос за моей спиной отозвался:

— Еще бы. Я не мог промахнуться.

Я с изумлением обернулся. Мой гость, которому надлежало быть в ванной и принимать душ, восседал позади меня на чем-то вроде потрепанного брезентового чемодана, опершись спиной о стену и положив руки на колени. Впрочем, душ шумел по-прежнему. Я рефлекторно отодвинулся к двери, откуда мог видеть их обоих сразу, приподнялся и проговорил:

— В чем дело? Что это вы себе позволяете?

Мужчина только засмеялся, сузив глаза, и не ответил. Женщина обратилась к нему томным голосом:

- Разговор на пленку ты записал?
- Да уж не упустил.
- Ощущение пока пять к пяти?
- Теперь уже, пожалуй, семь к трем.
- Полный успех! И времени как раз хватило.
- Да, уложились точно.

Теперь, когда я оказался зажатым между двумя помешанными, на уме у меня было только одно: как бы отсюда удрать.

— Ну-с, — произнес я, — разрешите мне теперь откланяться... У меня еще много дела, и я очень занят... С минуты на минуту должен появиться посыльный... и вообще не годится оставлять квартиру пустой.

— Все это не имеет уже никакого значения. Вы марсианин, сэнсэй! — весело, словно подбадривая теннисистов, вскричала женщина.

— И он больше не сэнсэй, — тихо добавил мужчина. — Он наш несчастный товарищ.

— Вы марсианин, погребенный в мире сновидений, заболевший «земной болезнью»...

— Вы считаете себя жалким автором радиопередач, на самом же деле под этой личиной скрывается посланец Марса...

— Вам столько рассказано, неужели вы все еще ничего не можете вспомнить?

— Вероятно, инстинкт самосохранения. Ну, ладно. Придется доставить его обратно в таком состоянии.

Я вскочил, изо всех сил оттолкнувшись от пола. В то же мгновение из руки мужчины вылетел нож, и женщина точным движением поймала его. Я попятился, а мужчина выдернул из-под себя предмет, похожий на потрепанный чемодан, поднял его над головой и ринулся ко мне. У меня не было ни секунды, чтобы увернуться, я весь сжался, ожидая столкновения, и в следующий момент он сразма-

ху нахлобучил на меня этот предмет. Большие я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Это была смирительная рубаха.

— Безобразие! — закричал я. От волнения я не мог найти подходящих слов для выражения протеста и только громоздил в ярости одну банальность на другую. — Это безобразие! Безобразие! Ну разве это не безобразие!.. Ведь я бы и так, наверное, подписал соглашение... А такими насилиями вы только себе хуже делаете...

— Это очень скверно, — бодрым голосом сказала женщина. — Если у вас где-нибудь зачесется, вы сразу скажите, не стесняйтесь. Я почешу вам.

— Да, придется немного потерпеть, пока мы не войдем во временной тоннель... — озабоченно проговорил мужчина. — Да ведь и мы немало натерпелись, пока не нашли вас. Между прочим, вы уже девятый. До вас нам удалось напасть на след еще восьмерых. Трое из них потерпели аварию в момент прибытия, они взорвались. Мы наводили справки в управлении пожарной охраны, там это зарегистрировано как взрывы и пожары по неизвестным причинам. Остальные пятеро все вместе угодили в сумасшедший дом. Вероятно, слишком поторопились объявить, что они — марсиане... Пытались вступить в непосредственные переговоры с правительством, ломались к членам парламента, даже речи, кажется, произносили на улицах... А в сумасшедшем доме все они, как один, сошли с ума... Тогда их сочли выздоровевшими и выписали. И они исчезли, затерялись, как песчинки, разбросанные по пустыне. Изю дня в день мы рыскали по разным местам, как настоящие охотничьи собаки.

— Видишь человека, думай, что марсианин...

— Затем, через два года и восемь месяцев мы, наконец, попали на ваш след.

— Мы специально поселились над вами...

— Мы ходили за вами по пятам, мы расспрашивали...

— Но теперь наш труд вознагражден, наконец-то.

Стоя столбом в смиренной рубашке, с пересохшей глоткой, я просипел:

— Хорошо, я понял. Я согласен стать вашим представителем. Я подпишу и выплачу залог. Если нужно, я готов сделать это хоть сейчас.

— Ну что вы, а еще марсианин...

— Я — человек!

— Да, «совсем как».

— Время подгоняет, — произнес мужчина, взглянув на часы, и стал торопить женщину. Они взялись за лямки, свисавшие по сторонам рубахи. — Пошли.

— Куда вы меня?

Даже если бы я знал, это было бы бесполезно. Лямки натянулись, я беспомощно повис в наклонном положении, и они потащили меня. Выбрались из гостиной, прошли через коридор, протиснулись мимо столика на кухне... белая дверь, за которой шумит вода... Ванная.

— Пора купаться, — шутливым тоном сказала женщина.

Я уперся ногами в последней попытке сопротивления.

— Что с моей женой?

— Вам лучше всего забыть о ней.

— Ею занимаемся не мы, поэтому точно сказать не можем...

— Но она нам изрядно помогла, и ей вряд ли грозят неприятности.

Женщина легонько похлопала меня по груди, словно успокаивая строптивую лошадь, а другой рукой распахнула дверь. Одновременно мужчина подпихнул меня сзади коленом, и я вдруг очутился в ванной комнате.

Слева — ванна, справа — раковина, на стене впереди — ручка душа... самая обыкновенная, почти такая же,

как у меня в квартире... нет, в квартире, которая когда-то была моею... она ничем не отличалась от всех остальных ванных комнат. Только одним... во всяком случае, должна отличаться... Из душа лилась не вода, не кипятток, а что-то похожее на струи дыма или на нейлоновые нити бледно-зеленого цвета. И резко пахло озоном.

В тот момент, когда я увидел этот зеленоватый дым и захлебнулся запахом озона, память моя оборвалась, как будто ее обрезали ударом острого ножа.

Когда я очнулся, я был здесь.

В камере кривых зеркал, куда меня ввергли свидетели, выступавшие на безумном суде... В психиатрической больнице, если выразаться обычным языком... Только я понятия не имею, в ходу ли здесь обычный язык.

Во всяком случае, ежедневно в определенный час меня посещает врач. У него скверный цвет лица, и он напоминает мне водяной пузырь. Его сопровождает медицинская сестра. Щеки у нее похожи на перезрелые персики. Он приходит ежедневно, чтобы задать одни и те же вопросы. Пока сестра меряет мне температуру и считает мой пульс, он принимается спрашивать, сжимая и разжимая свои пухлые руки.

— Как ты сюда попал?

Только в самый первый раз я попытался во всех подробностях рассказать ему, что со мной случилось. Попытался изложить все, ничего не скрывая — и то, что понимал, и то, чего так и не понял. Но врач, не выслушав и двадцати минут, просто кивнул без всякого выражения и сразу перешел к следующему вопросу.

— Как по-твоему, где ты находишься? На Земле? Или на Марсе?

Мне стало не по себе. Но я еще не сомневался в ценности слова «правда» и ответил честно.

— Если верить моему разуму, то я на Земле.

И опять на лице врача не дрогнул ни один мускул. Только сестра демонстративно улыбнулась профессиональной улыбкой.

Затем третий вопрос.

— Кто ты? Человек? Или марсианин?

Больше я не мог отвечать. Червь сомнения вдруг вылутился из куколки и начал сосать мою душу... Что, если паче чаяния этот врач сам болен «топологическим неврозом»?.. Тогда ни в коем случае нельзя говорить ему, что здесь не Марс... Ведь Марс может прекрасно существовать и на Земле... И по той же причине здесь, возможно, Марс, оккупированный Землей...

И, наконец, последний вопрос.

— Ну, а кто, по-твоему, я? Марсианин? Или землянин?

Мне остается только молчать. Сестра с хронометром в руке измеряет продолжительность моего молчания. Само молчание является в их глазах неким симптомом и ответом. Я понимаю это, но уже не могу придумать иного ответа, кроме молчания.

Ежедневно в определенный час ко мне приходят врач и медицинская сестра. Врач повторяет одни и те же вопросы. Я храню молчание, и сестра измеряет его продолжительность хронометром.

А вы на моем месте смогли бы ответить? Может быть, вам известно, как именно требуется отвечать, чтобы врач остался доволен? Если вам известно, научите меня. Ведь молчу я не потому, что мне так нравится...

И я во что бы то ни стало хочу знать вот что. Эта моя реальность — что она такое? Победа реализма над фантастикой? Или победа фантастики над реализмом? Я спрашиваю вас, кого не судил безумный суд: где вы сейчас? В мире реализма или в мире фантастики?..

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Парнов. Жестокость и правда	5
Сакё Комацу. Продается Япония. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	18
Сакё Комацу. Повестка о мобилизации. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	39
Морио Кита. Свет утра. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	72
Синити Хоси. Корабль сокровищ. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	75
Сакё Комацу. Развоплощенная. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	80
Таку Маюмура. Приказ о прекращении работ. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	100
Сакё Комацу. Да здравствуют предки. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	131
Сакё Комацу. Новый товар. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	184
Синити Хоси. Рационалист. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	206
Сакё Комацу. Теперь, так сказать, свои... <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	211
Сакё Комацу. Камагасаки 2013 года. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	219
Кобо Абэ. Совсем как человек. <i>Перевод с японского С. Бережкова</i>	245

ПРОДАЕТСЯ ЯПОНИЯ

Редактор *Е. Г. Ванслова*

Художник *В. Б. Янкилевский*

Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *Л. П. Кондюкова*

Корректор *И. С. Додолева*

Сдано в производство 24/IX 1968 г.

Подписано к печати 4/XI 1968 г.

Бумага тип. № 2 70×108¹/₃₂=5,75 бум. л.

16,1 усл. печ. л.,

Уч.-изд. л. 15,25 Изд. № 12/5102

Цена 77 коп. Зак. 1357

(Темплан 1969 г. изд-ва «Мир», пор. №196)

Издательство «Мир»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, улица Свободы, 97.

77 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«М И Р»